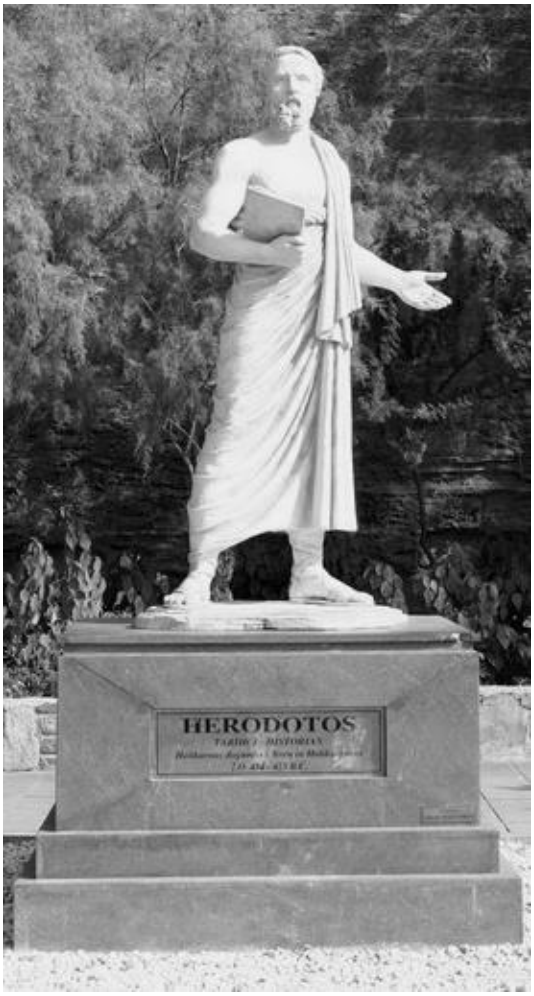
В.М. Строгецкий

Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии

Геродот. Фукидид. Ксенофонт

ЧАСТЬ I: Геродот

Нижний Новгород
2010

От автора

Человечество существует на земле около трех миллионов лет. И только четыре тысячи лет тому назад стали возникать древнейшие цивилизации. Носителями древнейших культур и цивилизаций были народы семитской и индоевропейской языковых семей. Человек, наделенный разумом, с палеолитических времен стремился получить ответы на бесконечные вопросы, которые возникали у него в процессе взаимоотношения его с окружающей средой. Древнейшей формой познания окружавшего его мира были мифы. Благодаря археологии, папирологии, литературной традиции современному читателю и исследователю известны древнеегипетские, вавилонские, ассирийские, хеттские и греко-римские мифы. Их исследование вместе с данными археологии, антропологии и этнографии привели ученых к важнейшему выводу о том, что на стадии неолита и перехода к древним цивилизациям в человеческом мышлении произошел переход от конкретно-чувственного или эмоционально-образного мышления к абстрактному.

В сложившихся цивилизациях возникли и получили параллельное развитие религиозно-иррациональное и естественно-рационалистическое мышление. Это объясняется тем, что человек по своей природе существо противоречивое. В нем сосуществуют рационалистические и иррациональные начала. Мифы в это время оказывались не только формой познания окружающего мира, но являлись также источником для возникновения с одной стороны религиозных и религиозно-философских идей и теорий, с другой – рациональных знаний, таких как астрономия, математика, медицина. Мифы служили фундаментом для развития героического и дидактического эпоса.

Географическая среда, естественноисторические условия развития цивилизаций, своеобразие психического склада их носителей, а также способа их мышления и образа жизни привели к тому, что цивилизации

развивались неравномерно и по-разному. Для одних, как для древнеегипетской, древневавилонской, ассирийской и персидской, была характерна аграрная культура с присущим ей экстенсивным путем развития и особенностями общественно-политического строя, проявлявшимися в господстве жреческой идеологии, деспотической власти и в разветвленной бюрократической системе, ограничивавших развитие частной собственности, индивидуализации и свободы личности. Для других цивилизаций, как например, хеттской, финикийской, сирийской в меньшей мере, а для древнегреческой и древнеримской в большей - характерен интенсивный путь развития, сопровождавшийся распространением городской культуры с присущими ей демократическими чертами общественно-политического строя, отсутствием диктата жреческой идеологии, развитием ремесла, торговли и частной собственности, относительно не стесненным запретами и ограничениями формированием индивидуальной свободной личности.

Поэтому нет ничего удивительного, что именно античная греко-римская культура и цивилизация стала колыбелью культуры и цивилизации европейской. Это подтверждается следующими важнейшими чертами античной культуры, составляющими ее содержание. Прежде всего, следует отметить ее светский характер при наличии, безусловно, у греков и римлян религиозных чувств, представлений и веры в своих богов. Другим своеобразием античной культуры являлся ее агональный дух, т.е. состязательность во всех сферах общественной жизни (в спорте, экономике, политике, в праве, интеллектуальной деятельности и искусстве). Детальную характеристику агонального духа античной цивилизации дал А.И. Зайцев[1].

Следующая особенность античной культуры заключалась в ее досужем характере. Досуг являлся неотъемлемой чертой свободного

[1] Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. Л., 1985.

эллина или римлянина. Понятия досуг выражалось словом ♦♍□●♒❖, которое обозначало и свободное время, и интеллектуальные занятия свободного человека (отсюда происходит и слово школа, общее для всех европейских языков). Всестороннюю характеристику понятия ♦♍□●♒❖ дал в своих работах Э.Д. Фролов[2]. Античную цивилизацию характеризовали также рационализм и приоритет разума. Важнейшим содержанием античного рационализма были секулярность сознания и возникновение независимых от религии науки, философии и литературы, утверждение представления о космическом порядке, определяемом не волею бога или человека – властителя, а властью закона. Эта мысль была впервые выражена древнегреческим философом Гераклитом Эфесским (VI в. до Р.Х.), который заявил, что «мир (космос) един, не создан никем из людей и никем из богов, он есть огонь закономерно воскресающий и закономерно потухающий». Об античном рационализме подробно говорит Э.Д. Фролов в своих книгах[3].

Характерными чертами античной цивилизации были признание свободы личности гражданина греческого полиса или римской civitas, священное право частной собственности, верховенство законов, наличие основ гражданского общества, правового государства, прежде всего в демократических Афинах и республиканском Риме.[4]

Поэтому неудивительно, что родиной древнейших наук астрономии, математики, медицины и географии была Древняя Греция[5]. Совсем не

---

[2] Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 7сл.

[3] Фролов Э.Д. Факел Прометея. Греция в эпоху классики. Общество. Личность. Власть. Санкт-Петербург, 2001; Альтернативные социальные сообщества в античном мире. Санкт-Петербург, 2002.

[4] Покровский И.А. История Римского права. Санкт-Петербург, 1998; Гримм. Д.Д. Лекции по догме Римского права. М., 2003.

[5] Рожанский И.Д. Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979; Жмудь Л.Я. Зарождение истории науки в античности. Санкт-Петербург, 2002.

просто обстоит дело с историей. Дискуссии ведутся вокруг проблем родины историографии и времени ее возникновения. Еще совсем недавно господствующей в советской марксистской исторической науке была схема, изложенная профессором А.И. Даниловым в статье «Историография», опубликованной в советской исторической энциклопедии[6]. А.И. Данилов утверждал, что в «рабовладельческих и феодальных обществах, где господствующим было религиозное мировоззрение, историческое мышление почти не выходило за рамки простого описания исторических фактов, в основном шло лишь накопление исторических знаний и развитие исторических представлений. Важнейшей вехой начала научного изучения истории является эпоха ранних буржуазных революций в Западной Европе, ознаменованная переворотом в историческом мышлении – понимание истории окончательно освобождается от церковных пут, возникает более или менее развитое представление о законах развития истории, в исторические представления входит идея историзма, происходит выделение исторических знаний в особую отрасль гуманитарных наук».

Таким образом, решались проблемы времени возникновения исторической науки и ее родина. Считалось, что это была Европа первой половины XIX в., и связывалось это фактически с возникновением марксизма. К сожалению, и до сих пор эту догматическую схему разделяют некоторые историки, слава Богу, не антиковеды.

Со второй половины 80-х гг., в тогда еще советской исторической науке, стал утверждаться новый для советской историографии цивилизационный подход в изучении исторических фактов и событий, дискуссии и споры стали весьма острыми. Член-корреспондент РАН А.Искендеров в отчетных материалах, подготовленных к общему собранию РАН в 1996г., утверждал, что «к сожалению, большинство

[6] Данилов А.И. Историография // СИЭ. Т. 6. М., 1965. С. 456.

историков, философов и социологов считает, что цивилизационная модель в исторической науке призвана лишь расширить возможности формационного метода, хотя мировой науке давно уже ясны его ограниченные возможности»[7]. Тем не менее, остается пока признанным многими отечественными исследователями стремление объединить цивилизационный и формационный подходы, нашедшее свое отражение в известном суждении академика М.А. Барга, суть которого заключается в следующем: «Какое бы содержание ни вкладывалось в понятие «цивилизация», важно помнить, что только последовательная смена общественно-экономических формаций дает исследователю ариаднину нить при изучении истории и культуры человечества»[8].

Поэтому сегодня некоторые исследователи, занимаясь древними цивилизациями и признавая, что «между ближневосточным и античным историописанием существует типологическая близость, считают, что это не исключает наличия стадиальных различий между ближневосточным и античным историописаниями. Речь идет не о том, что одно историописание более совершенное, а другое менее, что Геродот «выше» Девтерономиста или «Вавилонская хроника» ниже «Гекатея». Стадиальное развитие между двумя типологически близкими историописаниями состоит главным образом в том, что одно из них – античное историописание, – уже сознает себя таковым, сознает свою

---

[7] Искендеров А. Факты жизни и факты истории // Независимая газета от 30.10.1997.

[8] См. сборник материалов и статей «Формация или цивилизация» / Под ред. проф. В.И. Овсянникова. М., 1993; Аляев Л.Б., Ерасов Б.С. Формация или цивилизация? // Восток, 1990. №6; Амелина Е. Понятие «цивилизация» вчера и сегодня // Общественные науки и современность. 1992. №2; Цивилизация. М., 1992. Вып. 1,2 (статьи Л.И. Новиковой, Л.И. Рейснера, М.А. Барга, В.Ж. Келле, А.Ф. Грабески и др.); Цивилизации и культуры // Научный альманах. Вып. 1-4. М., 1994-1996; Семенникова Л.И. Цивилизации в истории человечества. Брянск, 1998; Яковец Ю.В. История цивилизаций. М., 1997; Он же. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2000.

специфику, а второе ближневосточное историописание, – лишь находится на пути к такому самосознанию»[9].

Утверждения Вейнберга побуждают к серьезным возражениям. Под Ближним Востоком он понимает Древний Египет, Восточное Средиземноморье, прежде всего древнееврейскую цивилизацию и Древнюю Месопотамию. Я не нахожу никакой типологической близости между ближневосточными цивилизациями и греко-римской с ее греческими полисами и римской республикой в форме civitas, где имела место тенденция не к укреплению роли единоличной царской власти, а напротив, к ее ослаблению и полному исчезновению, где аристократические общественно-политические отношения трансформировались в демократические, где социальная динамичность и мобильность отношений была обусловлена тем, что положение человека в греческом и римском обществах определялось не его происхождением, а имущественным цензом, его частной собственностью и где греко-римская религия совершенно не препятствовала этим процессам.

На Ближнем Востоке, будь-то в Египте, у древних евреев или в Древней Месопотамии, действовали абсолютно противоположные процессы. Здесь, напротив, имели место тенденции к укреплению единоличной монархической власти и созданию больших территориальных государственных образований, к усилению роли жречества и жреческой идеологии, установлению разветвленной бюрократической системы. Все это препятствовало развитию частной собственности, мобильности и динамичности в ближневосточных обществах, способствовало возникновению в них социально-кастового строя. В этих цивилизациях фактически отсутствовала свободная воля человека. Религия в них, будучи неотъемлемой частью государственной власти, и в лице жречества сама являлась властью, безусловно, хранила и

[9] Вейнберг И.П. Рождение истории. М., 1993. С. 317.

защищала традиционализм и консерватизм ближневосточных цивилизаций.

О типологической близости едва ли может идти речь еще и потому, что носителями античной и ближневосточных цивилизаций были народы различных языковых систем, а это значит, у них способ мышления и образ жизни были совершенно различны.

Вейнберг, сопоставляя безымянного автора книги «Второзаконие с Геродотом» и хрониста «Вавилонской хроники» с Гекатеем, утверждает, что ближневосточное историописание нельзя считать менее совершенным, чем античное, и для характеристики того и другого неприемлемы выражения «лучше» или «хуже», «выше» или «ниже». По его мнению, для характеристики этих типологически близких историописаний наиболее приемлемым является термин «стадиальное развитие».

Я считаю, что автор в этом случае пользуется приемом эвфемизма, с помощью которого пытается скрыть подлинное качественное отличие древневосточных цивилизаций от античной и ближневосточное историописание от греко-римского. Именно с этой целью Вейнберг употребляет термин «стадиальное развитие». Однако это лишь свидетельствует о том, что он остается в плену марксисткой концепции общественно-экономических формаций. Именно среди советских востоковедов, начиная со времени В.В. Струве, была разработана идея о двух стадиях развития рабовладельческой общественно-экономической формации. Первая стадия – древневосточное рабство, вторая – античное классическое рабство. Но как уже выше отмечено, ограниченность формационного подхода не позволяет исследователю прийти к выводу о своеобразии древневосточных культур и цивилизаций и вместе с тем их безусловной отсталости от античной культуры и цивилизации.

Истина, по-видимому, заключается в том, что древневосточные цивилизации, возникнув гораздо раньше античной в силу упомянутых выше причин, закостенели в своей закрытости, традиционности и

консерватизме. Греки, несомненно, были хорошо знакомы с древневосточными культурами и в силу своей открытости, природного любопытства и приоритета разума не бездумно заимствовали то, что видели на Древнем Востоке, но творчески перерабатывали это. Именно благодаря этому греко-римское общество интенсивно развивалось. Закостенелость же Древнего Востока была частично преодолена лишь благодаря завоеваниям Александра Великого и римлян.

Поэтому Девтерономиста нельзя сравнивать с Геродотом, также как хрониста – с Гекатеем. В то же время, как в Древней Греции уже в VI в. до Р.Х., в произведениях логографов вызревали основы будущей древнегреческой научной историографии, и Геродот с полным правом был признан «отцом истории», ближневосточное историописание застыло на уровне хроник и летописей. Лишь древнееврейская историческая мысль значительно продвинулась вперед благодаря глубокому проникновению в нее иудейской религиозной идеологии.

Только в эллинистическо-римский период на эллинистическом Востоке появились первые исторические сочинения во II в. до Р.Х. Вавилонская хроника - ♋●♎♋♓&♋❖ Вавилонского жреца Бероса и Египетская хроника - ♓♐♑◆□♦♋&♋❖ египетского жреца Манефона и исторические книги И. Флавия в I в. до Р.Х. Однако никто из этих авторов не может быть поставлен рядом с такими эллинистическим историками как Полибий и Посидоний или Диодор Сицилийский и Дионисий Галикарнасский, хотя они и писали в греческой манере и на греческом языке.

Учитывая важность и дискуссионность данной проблемы, я и обратился к теме возникновение исторической мысли в Древней Греции и становление классической греческой историографии: логографы, Геродот, Фукидид и Ксенофонт. В книге, состоящей из двух частей, будут рассмотрены проблемы родины историографии и вслед за

А.И.Немировским я буду доказывать, почему именно Древняя Греция стала родиной истории как науки.

В первой части книги я рассматриваю значение древнегреческого героического и дидактического эпоса для возникновения исторической мысли; роль раннегреческой лирики, способствующей формированию индивидуализированного творческого восприятия действительности; будет рассмотрено творчество ранних греческих историков, названных уже в классической греческой историографии логографами.

Завершается первая часть книги анализом творчества Геродота и изучением оценки его в эллинистически-римской историографии и в современной исторической науке. Вторая часть книги посвящена изучению творчества Фукидида и Ксенофонта.

Обращение к данной теме является результатом тех моих исследований, которые уже ранее были посвящены отдельным аспектам творчества Геродота, Фукидида, Диодора Сицилийского и Дионисия Галикарнасского. Однако главным побудительным стимулом были занятия на дорогой мне кафедре истории Древней Греции и Рима СПбГУ в студенческие, аспирантские и докторантские годы, в семинарах и спецсеминарах, где я постигал тонкости перевода и комментария текстов античных авторов под руководством, к сожалению, уже покойных К.М.Колобовой, А.И. Доватура, А.И. Зайцева, Ю.В. Андреева, Д.П.Каллистова, Н.Н. Залесского. С чувством глубокой благодарности я всегда вспоминаю их и с большим почтением отношусь к ныне здравствующему заведующему кафедрой доктору исторических наук, профессору Э.Д.Фролову, продолжающему хранить и развивать традиции Санкт-Петербургской исторической школы антиковедения, с которым меня связывают тесные узы дружбы.

РАЗДЕЛ I

РОДИНА ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И СТАНОВЛЕНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. ГЕРОДОТ

Глава 1. Проблемы становления истории как науки в античности

Слово «история» свое значение как исследование, рассказ о прошлом, история народа, общества, государства приобрело в V в. до Р.Х.* и впервые употреблено Геродотом. Греки понимали историю в узком и широком смысле слова. В широком смысле история – это всякое описание, например, «История животных» у Аристотеля, «История растений» у Теофраста, его ученика, «Естественная история» у Плиния Старшего и т.д. В узком смысле слова под историей они понимали рассказ о том, что имело место в прошлом. Для обозначения специальности «историк» греки

* Здесь и далее я буду пользоваться выражением «до Рождества Христова» и «от Рождества Христова». Эти выражения, являясь аналогом в современных европейских языках, были приняты в российской исторической науке до 1917 г. После захвата власти большевиками и создания советского государства, в котором утвердился воинствующий атеизм и началась насильственная ликвидация религии, в советской исторической науке стали употреблять выражения «до нашей эры» и «наша эра». Сегодня, когда в России начался процесс возрождения российских культурных и научных традиций, пусть медленный и противоречивый, и христианская православная религия возрождает авторитет и влияние, я считаю необходимым восстановить в научной терминологии и указанные хронологические выражения. Это будет свидетельствовать о том, что российская историческая наука становится в полном смысле частью современной европейской науки.

употребляли три понятия, являющиеся синонимами: συγγραφεύ▪, ϰ☺στορικό▪, ϰ☺στοριογράφο▪. Все эти термины получили распространение уже в классический период, начиная с V в. до Р.Х. Первый термин обозначал и историка, и писателя вообще, писавшего прозой. Этим термином пользовались Фукидид, Ксенофонт, Платон. Термин ϰ☺στορικό▪ одним из первых употребил Аристотель в своей «Поэтике», когда писал, что «историк и поэт различаются тем, что первый говорит о прошедшем, второй же о том, что могло бы произойти» (ο☺ ϰ☺στορικό▪ καί ποιητή▪ το◆☃το διαφέρει, τὸν μὲν☺ τὰ γενὸμενα λέγειν, τὸν δὲ οι✠α άν γένοιτο). Термин ι☺στοριογράφο▪ широко стал употребляться в эллинистический период и встречается он у Полибия, Диодора, Плутарха. В русском языке слово «историк» сравнительно позднего происхождения. Еще в XVIII в. вместо слова «историк» употребляли «дееписатель». Слово «историк» вошло в употребление только в XIX в., когда русская историческая наука стала выходить на международную арену.

Возникновению истории как науки предшествовало появление исторического повествования. Последнее было обусловлено, по крайней мере, тремя предпосылками: осознанием хода времени как необратимого процесса[1]; возникновением письменности и оформлением государственности. Таким образом, возникновение исторического повествования можно отнести к IV – III тыс. до Р.Х., т.е. к моменту становления древнейших цивилизаций. Поэтому предшествующий период, даже если мы его начнем со времени оформления общинно-родовых отношений (приблизительно 40 тыс. лет до Р.Х.) – это очень длительный бесписьменный период первобытного общества. Едва ли правильно его

[1] См. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977; Ахундов М.Д. Концепция пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982

называть историей – это скорее предыстория человечества. Собственно история возникает со времени появления письменных памятников.

Итак, возникновение исторического повествования тесно связано с языком как важным элементом человеческой культуры. Язык проливает свет на происхождение народов, на их родство или связи между собой. Язык служит показателем умственного развития народа, его культуры. Из существования слов или обозначаемых ими понятий мы можем вывести заключение, что самый предмет или понятие были известны этому народу задолго до их появления. В языке отражается характер и духовная жизнь народа, его мировоззрение. По мнению поэта А.Фета:

«Язык есть исповедь народа,
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной».

С возникновением письменности появляются документы общественной и частной жизни. Важнейшими среди них являются летописи и хроники, которые и представляют форму исторического повествования. Они способствовали развитию исторических знаний и представлений, которые и составили фундамент будущей исторической науки. Древнейшие из этих памятников возникли в государствах Древнего Востока, и относятся они к концу IV – нач. III тыс. до Р.Х. В это время широкое распространение имела клинопись, появившаяся в Шумере, и египетские иероглифы. До середины II тыс. до Р.Х. Египет находился в относительной изоляции. Поэтому клинопись получила значительное развитие и, став международным языком с конца III – II тыс., использовалась не только шумерами и аккадцами, но и вавилонянами, хеттами, ассирийцами и впоследствии персами. Наиболее важными документами, составившими основу исторического повествования, являются шумерские, аккадские и вавилонские надписи, касающиеся хозяйственных, социальных и военных дел: шумеро-вавилонские, хеттские

и ассирийские сборники законов; знаменитый Телль-амарнский архив. Особенно ценными являются хроники или погодные записи (летописи) Древнего Египта, Ассирии и хеттов, Вавилонская хроника VII-VI вв. до Р.Х., знаменитая Бехистунская надпись[2].

На территории Древней Греции древнейшая письменность появилась еще в середине II тыс. до Р.Х. (т.н. линейное слоговое письмо «Б», расшифрованное М. Вентрисом и Дж. Чедвиком в 50 гг.)[3]. От этого времени известны только документы хозяйственной отчетности. О других каких-либо памятниках, в частности, хрониках, не известно. Скорее всего, их и не было, поскольку письмо «Б» возникло для практических целей, в частности, для ведения хозяйственной отчетности. До настоящего времени считалось, что алфавитное письмо у греков появилось в IX в. до Р.Х. и возникло оно на основе финикийского алфавита[4]. Между тем современные исследователи считают, что алфавитное письмо сложилось на Крите еще в XVI в. до Р.Х.[5] Этот вывод сделан на основе внимательного изучения находок А.Эванса в хранилищах Кносского дворца. Там были найдены фишки в виде изображения рыбок для игры в кости, возможно, подобной современной игре в домино. На каждой из этих рыбок начертаны были знаки алфавитного типа. Каждый знак сопровождался горизонтальными

---

[2] Подробное рассмотрение этих памятников см. в работах: «Источниковедение истории древнего Востока» / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1984: История древнего Востока, зарождение древнейших классовых обществ и первых очагов рабовладельческой цивилизации / Под ред. И.М. Дьяконова. Ч.1-2. М., 1983-1988.

[3] Лурье С.Я. Заговорившие таблички. М., 1963; Казанская В.П., Казанский Н.Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Л., 1986: Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарынкин С.Я. Памятники древнейшей греческой письменности. Введение в микенологию. М., 1988.

[4] Широков О. История греческого языка. М., 1983.

[5] Evans A. The Palace of Minos. Vol. III. Lond., 1930. P. 405-408. К этому см. Петров И.Ф. Древнейшие письмена Европы и происхождение алфавита. М., 2001.С. 154-167.

палочками, служившими для счета[6]. Из 25 знаков, по крайней мере, 15 являются образцами древнегреческого алфавита. Из Крита это алфавитное письмо пришло в Угарит и в Финикию. Какие-либо памятники, написанные этим алфавитным письмом до начала I тыс. до Р.Х., не известны.

Наиболее древние греческие надписи датируются VII - нач.VI в. до Р.Х. Списки олимпийских победителей стали составляться с 776г., списки спартанских и аргосских царей с IX в.; списки афинских архонтов с 668г. В различных греческих городах существовали местные хроники (ἀναγραφαί). Как и на Древнем Востоке, в Древней Греции важным памятником были тексты законов. Это Гортинское законодательство на Крите; законы Залевка в Локрах и Харонда в Фуриях, законы Драконта и Солона в Афинах[7].

Учитывая все сказанное выше, закономерным будет вопрос: где раньше совершился переход от простого исторического повествования к истории как науке – на Древнем Востоке или в Древней Греции.

Проблема эта является весьма спорной. Советская марксистская историография решала эту проблему в духе утверждений, не предусматривающих каких-либо сомнений или возражений. Образчиком таких суждений может служить упомянутая выше статья «Историография»

---

[6] В древнегреческом языке существовала традиция изображать числительные буквами алфавита со штрихами (палочками). От единицы до 900 штрих ставился справа над буквой, а с 1000 до 100 000 слева под буквой.

[7] Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в нач. XX в. СПб., 2005. С. 54 сл. Пельман Р.фон. Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1910. С.70сл.; Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса Л., 1988. С. 54сл.; 120сл.; Суриков И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004.

в Советской исторической энциклопедии[8]. Согласно марксистской точке зрения важнейшей вехой начала научного изучения истории является эпоха ранних буржуазных революций в Западной Европе, ознаменованная переворотом в историческом мышлении. Сущность этого переворота заключалась якобы в том, что понимание истории окончательно освобождается от церковных пут, возникает более или менее развитое представление о законах развития истории, в исторические представления входит идея историзма, происходит выделение исторических знаний в особую отрасль гуманитарных наук».

Поэтому до сих пор в отечественной историографии распространено мнение о том, что историческая наука возникает только в Новое время, причем исследователи полагают, что завершение этого процесса относится только к середине XIX в., и родиной исторической науки является Западная Европа. Это утверждение фактически было позитивистской идеей, обрамленной марксистской терминологией. Согласно этой идее, на Древнем Востоке возникли исторические сведения, в Греко-римском мире сформировались исторические знания, а сама историческая наука возникла в Европе Нового времени.

Однако, уже в конце XIX – в нач. XX в. в европейской исторической науке эта идея полностью была отвергнута и связано это с отказом от эволюционной теории и доказательством нелинейного развития человеческой истории. В это же время стали отказываться и от идеи линеарного гомогенного времени, которое, как считалось, тянется по прямой из прошлого в бесконечное будущее, и выдвинули идею о циклическом времени. Европейские исследователи признали, что история подобно медицине, математике, физике, астрономии и географии является

[8] Данилов А.И. История исторической науки // Историография / СИЭ. М., 1956, т. 6. С. 456-465; см. также Ерофеев Н.А. Что такое история? М., 1976. С. 16сл.; Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 74-76.

одной из самых древних наук. Именно, поэтому вопрос о родине исторической науки является наиболее дискуссионным и актуальным.

Как уже было отмечено выше, на Востоке впервые возникли зачатки исторического повествования. Здесь появился древнейший эпический жанр – эпос о Гильгамеше, который старше Илиады на 1000 лет. Развитие на Востоке не стояло на месте и уже к VI в. до Р.Х. в иудейской гражданско-храмовой общине появились знаменитые книги Ветхого Завета Библии, имеющие историческое содержание. В связи с этим некоторые современные исследователи родиной исторической науки считают Древний Восток. Среди русскоязычных ученых обстоятельно обсуждает эту тему И.П. Вейнберг[9]. Но в своих выводах автор осторожен. Он отмечает, что очаги возникновения истории как науки находились во многих местах, в том числе и на Ближнем Востоке. Далее он отмечает, что если античное историописание в середине I тыс. до Р.Х. уже осознало себя, то историописание Древнего Востока было на пути к такому самоосознанию, при этом автор считает, что античное и восточное историописание взаимодополняли и взаимообогощали друг друга.

Но осторожность суждений не исключает важности решения принципиальных проблем, на которые необходимо дать ответы. И.П. Вейнберг таких четких ответов не дает. Такой ответ попытался дать А.И. Немировский, считающий, что родиной исторической науки была именно Древняя Греция[10]. Я разделяю мнение А.И. Немировского и попытаюсь дополнить его некоторыми собственными суждениями.

Что касается западной историографии, то распространению утверждения о том, что историческая наука возникла на Древнем Востоке, в немалой степени способствовали популярные в нач. XX в. идеи О.

---

[9] Вейнберг И.П. Рождение истории: историческая мысль на Ближнем Востоке серед. I тыс. до н.э. М., 1993.

[10] Немировский А.И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986.

Шпенглера[11], одного из основоположников философии циклизма. Отказавшись от идеи эволюционного развития, Шпенглер рассматривал историю как ряд автономных циклов, культур. Каждая культура, по его мнению, развивается самостоятельно, но благодаря морфологии культур, можно вскрыть некоторые аналогии и сходство между ними. Характеризуя античную цивилизацию, Шпенглер утверждал, что греки были самым аисторичным народом и их мысль была геометрической, визуальной. Эту идею подхватили и развили те исследователи, которые, сравнивая греческую историческую мысль с ближневосточной и в частности с ветхозаветной, отдавали предпочтение последней.

Эту точку зрения вместе с некоторыми западными исследователями разделяют и отечественные ученые, прежде всего советского периода. Так, нидерландский философ и историк Г. Боман в своей книге Еврейское мышление[12] считал, что грекам не присущ историзм и даже Фукидид был далек от него, ибо история понималась им как вечное повторение одних и тех же событий и явлений. Статичности и цикличности греческой мысли, как считал Боман, противостоял поступательный библейский динамизм. Поэтому он считал, что большинство ветхозаветных книг исторично, так как история понимается Библией как движение. Там, где в античности Боман встречал элементы динамики, он приписывал это заимствованию с Востока. Так он объясняет появление у греков гераклитовой диалектики.

---

[11] Spengler O. Der Untergang des Abendlandes / Bd. I-II . Münch., 1920-1922, посл. изд. 1965 (Русск. перев. Шпенглер О. Закат Европы т. I-II. М., Петр. 1923, 1993 – том I; М., 1998 – том II). См. след. литературу об О.Шпенглере и его сочинении: Аверинцев С.С. Морфология культуры О.Шпенглера // Вопросы литературы. М., 1968. №1; Давыдов Ю.Н. Шпенглер и судьбы романтического мировоззрения // Проблемы романтизма. М., 1971; Манн Т. Собр. сочин. Т. 9. М., 1960. Кон И. Die Geschichtsphilosophie des 20 Yahrh. Bd I. B. 1964. S. 174-188.

[12] Boman G. Das hebraische Denken im Vergleich mit den griechisehen Gottingen, 1959.

Об отсутствии в античной историографии историзма, говорит и немецкий историк Хр. Мейер[13].

Согласно английскому историку Р.Дж. Коллингвуду[14], «греки были совершенно уверены в том, что объектом подлинного знания может быть только неизменное, ибо оно должно иметь определенный только ему присущий характер и не носить в себе семена своего разрушения. История же - наука о человеческих действиях: историк изучает поступки, совершенные людьми в прошлом. Но они принадлежат к меняющемуся миру, где вещи возникают и прекращают свое существование. Такие вещи, с точки зрения греческой философской мысли, должны быть непознаваемы, но тем самым история становилась невозможной». Поэтому автор заключает, что у «греков история не была объектом научного познания. Она была лишь предметом восприятия»

Среди отечественных исследователей, высказывающих подобные же мысли, следует назвать, прежде всего, В.В. Бычкова, автора работ по античной эстетике[15]. В своей книге он утверждал, что «греки мыслили не временными, а только пространственными категориями. Они понимали бытие как существование в определенном месте космоса некой неизменной пространственной структуры. Для древних греков история – часть природы, духовная жизнь аисторична. Поэтому грек мало интересовался своим прошлым. Оно для него сразу же теряло реальное значение и становилось мифом. Грек жил настоящим. История для него вечное повторение, ибо и время в греческой культуре циклично, его символом является круг».

---

[13] Meir Chr. Geschichte // Geschichtliche Grundbegriffe. Stutt., 1975. Bd II. S. 603.

[14] Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография // Пер. с англ. М., 1980. С. 22-23.

[15] Бычков В.В.: 1) Эстетика Филона Александрийского // ВДИ. 1975. №3. С. 59сл.; 2) Эстетика поздней античности. М., 1981. С. 55сл.

Известный историк акад. М.А. Барг[16] отмечал, что «античный способ воспринимать мир – это, прежде всего, видеть. Видимый же мир замкнут, сферичен. Зрительный подход к действительности обусловил господство концепции круговорота, т.е. времени, протекавшего в замкнутом кругу. Представляя идеал бытия как нечто вечное и неизменное, древние греки усматривали в движении и изменениях только лишь низшие уровни действительности, на которых тождественность существующего может проявлять себя только в форме пребывания, то есть возврата, повторения былого». И далее автор говорит: «Идея, согласно которой предметом науки может быть лишь сфера видимой гармонии, буквально пронизывает историю Фукидида. Фукидид видел суть истории не в изменениях, он вообще не воспринимал ее, как движение в каком бы то ни было направлении. Поучительной история становится тогда, когда она сосредоточена на повторяющемся, остающемся неизменным порядке вещей. В итоге подобная история возможна была только при условии, если она лишалась генезиса, равно как и перспективы. Такова была классическая событийная история».

А.Ф. Лосев[17], напротив, полагал, что в античности «человек и история все время трактовались как находящиеся в движении, но это движение всегда возвращалось к исходной точке. Вместе с тем он подчеркивал, что «ошибаются те, кто в классической философии истории отрицает всякий историзм» и замечает далее, что вся человеческая история, если даже ограничиться только Геродотом и Фукидидом, представлялась античному сознанию как нечто полное драматизма и

[16] Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. 1982. №12. С. 64; О категории «историческое время» // История СССР. 1982. №6. С.88.

[17] Лосев А.Ф.: 1) Критические заметки к диалогу «Тимей» // Платон. Соч. в 3-х тт. М., 1971. Т. 3. С. 660 сл. Платон. Собр. соч. в 4-х тт. М., 1994. Т. 3. С. 594-619.; 2) Античная философия истории. М., 1977.

трагизма… Поэтому, он говорит, что нельзя делать вывод, что в классической философии истории не было никакого чувства историзма. В реальном развертывании он обладал всеми чертами человеческой борьбы неустанных человеческих исканий, постоянных подъемов и падений, постоянного драматизма, а часто даже и самого подлинного трагизма»[18]. Правда, стараясь классические идеи философии истории уложить в прокрустово ложе марксистско-ленинской теории общественно-политических формаций, А.Ф. Лосев утверждает, что в «сочинении Фукидида изучается причинность возникновения событий, но никакой общей идейной направленности этих событий не формулируется»[19]. Идеи А.Ф. Лосева разделял С.С. Аверинцев.

Как видим, мысли, высказанные В.В. Бычковым и М.А. Баргом, в значительной степени перекликаются с выводами Р. Колингвуда, равно как и О. Шпенглера в том, что касается античной философии истории, и в связи с этим возникает еще большая необходимость более основательно рассмотреть две проблемы: во-первых, действительно ли историческая идея и понимание истории как науки имело место в литературе народов Древнего Востока и, во-вторых, что такое историзм и как его следует толковать в настоящее время. Исследователи, отвергающие историзм и понимание истории как науки у греков, стали искать их на Древнем

---

[18] Лосев А.Ф. Античная философия истории… С. 201-202.

[19] Там же. С. 129. См. также Лосев А.Ф. Античная философия и общественно-исторические формации // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 398 сл.
Однако еще в 1927г. он писал, что «для века «диалектического материализма рассуждение об античной диалектике должно считаться забытым хламом веков… Тут, одно, из двух: или античная диалектика, или диалектический материализм и марксизм! Если мы выбираем последнее, то тогда прощай античная диалектика с ее космосом и прочими «бесплатными приложениями». Разумеется, выбор ясен, см. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993. С. 54. (предисловие к его работе «Античный космос и современная наука).

Востоке. Так египетский историк Диа Абу-Шар считал, что богиня Сешат являлась египетской Клио[20]. Я полагаю, что этот историк, руководствуясь патриотическими чувствами и национально-культурными соображениями, выдавал желаемое за действительное. По крайней мере, известный английский историк Л. Байл[21], хорошо знавший литературные памятники древнего Египта, отмечал, что «ни один из древнеегипетских источников не содержит даже намеков на то, что в них идет речь о понятиях, которые соответствовали бы нашему понятию «история». В древнеегипетском пантеоне нет божества, которое бы соответствовало Клио». Это же можно сказать и о литературе древней Месопотамии, которая также не сохранила каких-либо следов исторического мышления. Известный знаток шумерской и вавилонской литературы американский исследователь-историк и археолог С.Н. Крамер[22] пишет: «В Шумере не было историографов в общепринятом смысле слова… Ни один из шумерских писцов и авторов, насколько нам известно, даже не пытался создать что-либо похожее на описание политической или общей истории Шумера, не говоря уже об остальной известной им части мира».

Немецкий историк Г.Фрайданк[23], обобщая существующую научно-историческую мысль, имеющую отношение к проблеме понимания историографии или истории как науки на Древнем Востоке, в целом подчеркивает некорректность употребления термина «историография» применительно к Древнему Востоку и считает, что допустимо говорить лишь об исторических текстах, то есть документах, отражающих уровень исторического повествования, а не об историографических», то есть

[20] Dia Abou-Shar “Seschat die Klio der Agypter // Das Altertum. 1969. Bd. 15. / Hff 4. S. 195 ff.
[21] Byll L. Ancient Egypt // The Idea of History in Ancient Near East. Lond., 1966. P. 38.
[22] Крамер С.Н. История начинается в Шумере. М., 1965. С. 46-47.
[23] Freydank H. Zur Entwicklung einer Geschichtsschreibung im alten vorderen Orient // Klio. 1984. Bd. 66. S. 378 ff

научно-исторических. На это же соответственно указал и уже упоминаемый английский историк Р.Дж. Коллингвуд, заметивший, что ни у шумеров, ни у других народов Востока не было идеи истории. По его мнению, творцы древневосточных цивилизаций создали лишь псевдоисторию в двух ее вариантах: во-первых, теократическую историю, в которой божества выступают как сверхъестественные правители человеческих обществ; во-вторых, миф, действующими лицами которого являлись всегда боги и герои и никогда люди»[24].

К завершающему этапу развития древневосточной литературы принадлежит Библия. В силу своего сравнительно позднего происхождения Библия объединила все, что дали народы Древнего Востока в области осмысления истории, и уже в силу этого продвинула историописание на более высокую ступень. Кроме того, разрушение самостоятельности древнееврейских царств, ассирийское и вавилонское пленение были восприняты древнееврейскими писателями и жрецами как драма всего человечества, требующая не простого пересказа в духе старинных хроник, но религиозно-философского и исторического осмысления.

Объективные условия существования древнееврейского народа после ассирийского и вавилонского завоеваний и стремление сохранить свои культурно-национальные традиции и восстановить самостоятельную государственность способствовали возникновению у них исторической идеи о линеарном гомогенном времени, которое тянулось от сотворения мира Богом и возникновения богоизбранного народа к будущему рождению Нового Израиля в результате явления Мессии. Однако носителем этой идеи в их представлении была не какая-либо реальная общественная сила, не царская власть, а сам Бог Яхве, провиденциализм,

[24] Коллингвуд Р.Дж. Ук . соч. С. 14сл.

которого обусловил как возникновение древнееврейских царств, так и их гибель, и новое возрождение.

Итак, к VI в. до Р.Х. возникли два противоположных понимания истории: одно – ветхозаветное библейское, основано на сугубо религиозном мышлении, на религиозно-философском восприятии исторического прошлого и настоящего и на линеарном понимании исторического времени; другое – древнегреческое, основанное на светском характере мышления, рационалистически философском объяснении прошлого и настоящего и соответствующем этому объяснению циклическом понимании исторического времени.

В основе суждений современных защитников приоритета Библии в истории исторической мысли лежит представление о коренном различии типов мышления эллинов и древних евреев. Для первого якобы наибольшую роль играло пространство, для второго – время. Первое открывало бога в природе, второе - в истории. Отсюда делается вывод об аисторичности эллинского мышления и об историчности ветхозаветного. Однако действительное различие между эллинами и древними евреями имело другой характер. Эллины как индоевропейцы в отличие от древних евреев как семитов имели секулярное светское мышление, истоки которого восходят к глубокой древности. По крайней мере, следы этого мышления мы находим у Гомера, позволявшего себе посмеяться над богами и даже высказывать о них критические замечания, а еще ранее в хеттских памятниках[25] в сравнении их с древнеегипетскими и древневавилонскими

[25] «Луна, упавшая с неба» / Древняя литература. М., Азии. М., 1977. О хеттском историописании. Kammenhuber A. / Die hethitische Geschichtsschreibung // Saeculum. 1958. №9. S. 136 / О параллельном исследовании хеттской и ветхозаветной исторической литературы см. Cancic H. Gründzuge der hethitische Geschichtsschreibung. Wiesbaden., 1976; Вейнберг И.П. К вопросу об особенностях исторического мышления на Древнем Ближнем Востоке // Вопросы древней истории / Кавказскоближневосточный сборник. Тбилиси, 1977. С. 69.

семитскими памятниками и ветхозаветными книгами. Поэтому, я считаю, что утверждение об аисторичности ветхозаветного мышления обусловлено, прежде всего, пониманием историзма как линейного поступательного процесса и времени как линеарного необратимого движения вперед.

Однако, сравнивая исторические, да и философские произведения греческих авторов и ветхозаветные исторические и религиозные философские тексты, следует признать, что различие между эллинами и древними евреями заключалось, прежде всего, в том, что для еврейского мировоззрении и мироощущения характерно было признание того, что в центре мироздания всегда находился активно действующий Бог Яве, и иудеи от рядовых до царей всегда остаются либо пассивными и покорными Богу, либо нарушающими его заветы и тогда терпящими от него всякие наказаниями. Для эллинского мировоззрения и мироощущения было характерно признание в центре мироздания, прежде всего, активно действующего человека.

Таким образом, признание рядом ученых того, что научные принципы философии истории стали формироваться в ветхозаветных книгах Библии, было обусловлено тем, что в них видели отражение и понимание якобы подлинного историзма, который, по их мнению, отсутствовал в понимании эллинов. Традиционное понимание категории «историзм» в его позитивистско-марксистском духе возникло в середине XIX в.[26] и отражало идею поступательного линейного прогрессивного закономерного процесса развития. Традиционный историзм, таким

[26] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений Т.3.С..16: Ленин В.И. Собрание сочинений Т. 29. С. 426. К этому см. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987; Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод. / Философские проблемы исторической науки. М., 1969; Ракитов А.И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982.

образом, признавал возможность познания человеком объективных законов развития природы и общества и выделения на этом основании его прогрессивных этапов или ступеней, которые в марксистском обществознании определяются как общественно-экономические формации.

Однако в конце XIX в. стала развиваться и утверждаться теория нелинейного развития природы и общества во всех формах их проявления. Это стало возможным благодаря тем открытиям, которые были достигнуты новыми, возникшими с конца XIX в. науками. Само понятие «прогресс» исчерпало свое содержание. Никогда нельзя доказать, что какое-либо явление в социально-экономической, политической, нравственной и других сферах жизни данного общества будет более прогрессивным, чем в обществах предшествующих. И природа и общество развиваются скачкообразно, причем движение может быть не только вперед, но и назад, и не всегда движение вперед можно считать более прогрессивным, а движение назад – регрессом. Объяснить это нелинейное движение в природе и во всех сферах жизни общества какими-либо общебиологическими и общесоциологическими законами невозможно, ибо всегда в природе и обществе действует множество факторов и сил многовекторной направленности, среди которых невозможно определить главные или второстепенные. Поэтому понятие «прогресс» с этой точки зрения является не более чем субъективно-оценочной категорией, используемой для сравнения в конкретный период различных явлений предшествующих с последующими, при этом, обращая внимание только на внешнее сравнение этих явлений.

Сегодня можно уже с очевидностью утверждать, что поступки и деяния людей определяются не социально-экономическими факторами, как об этом постоянно твердила марксистско-ленинская философия, а социально-психологическими мотивами. Психологи доказывают, что в

поступках и деяниях людей обнаруживаются тенденции к повторяемости. Это обусловлено как субъективными факторами и своеобразными психологическими кодами, которые генетически передаются из поколения в поколение и от цивилизации к цивилизации, так и естественноисторическими условиями развития общества, когда сходные с предшествующими процессы побуждали людей принимать сходные решения.

В отличие от традиционного понимания историзма, восходящего к позитивизму XIX в., современные исследователи предлагают рассматривать историзм как способ разграничения прошлого и настоящего с учетом признания нелинейного многовекторного развития и повторения временных циклов. Поэтому с этой точки зрения вполне можно вести речь об эпическом и в целом античном историзме[27]. Это подтверждается как концептуальным истолкованием платоновского мифа о Прометее, из чего, кстати, вовсе не следует, что его философские идеи могут служить доказательством аисторического характера мышления греков, так и историко-философской концепцией Фукидида, основанной на рационалистических идеях философской школы софистов, взглядами представителей атомистической школы Левкиппа и Демокрита, историко-философскими суждениями Полибия, а также идеями Л. Кара, отразившимися в его поэме «О природе вещей».

Итак, существование исторического повествования на Древнем Востоке в форме летописей и хроник не трансформировалось в историческую науку, поскольку в древневосточном обществе, как с точки зрения социальной психологии, так и общественно-политического развития здесь не появился предмет истории как науки, потому что имело

[27] См. Антипов Г.А. Историческое прошлое и пути его познания. Новосибирск. 1987. К этому см. Ахундов М.Д. Концепция пространства и времени: истоки, эволюция и перспективы. М., 1984. № 4; Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991.

место преобладание прикладного отношения к знаниям, выразившегося, прежде всего в прославлении деяний своих правителей и богов.

Что же касается общественно-политического развития древневосточных обществ, то ко II–I тыс. до Р.Х. у них сложилась восточно-деспотическая форма правления, основанная на разветвленной бюрократической системе, ограниченном праве частной собственности и отсутствии понятия свободы личности.

Вместе с тем было бы неправильно считать, что Древний Восток не оказал влияния на формирование древнегреческой историографии. Свидетельства Геродота, Платона, Страбона, Диодора говорят о непосредственном влиянии древневосточной культуры на греческую. Археология и история искусства позволяют говорить о целом периоде в истории греческой культуры VII в. до Р.Х., который назывался «ориентализирующим стилем». Греческие писатели, философы, историки были знакомы с древневосточными знаниями в области математики, медицины, астрономии, религиозной идеологии, с историческими хрониками и летописями.

Однако не влияние и заимствование обусловило возникновение исторической науки в Греции. Она явилась результатом сложных процессов этнокультурного и исторического развития греческого народа, самих греческих полисов. Ко времени появления ветхозаветных исторических книг у эллинов имело место этико-художественное восприятие мира у Гомера и рационалистически-религиозное его понимание у Гесиода; сложилась традиция индивидуализированного творческого отношения к прошлой и современной действительности, что нашло свое отражение в циклической поэзии и раннегреческой лирике; в материалистическом и натурфилософском объяснении космоса, (то есть

природы и общества) ионийскими философами[28]. Результатом этого и было у эллинов циклическое восприятие исторического процесса и историзма и нелинеарное понимание исторического времени.

Итак, формирование древнегреческой исторической науки происходило в условиях глубоких изменений в области социальной психологии, экономики, политических отношений и общественно-политической мысли. Как уже было отмечено, к VII–VI вв. до Р.Х. в Древней Греции сложился достаточно высокий уровень развития рационалистических философских теорий, и имела место потребность с их помощью объяснять процессы и явления. Возникла заинтересованность общества в развитии науки[29]. Среди процессов, протекавших в это время наиболее значительными были развитие товарно-денежных отношений и частной собственности в большей части полисов, борьба между демосом и аристократией; открытие новых земель и начало греческой колонизации в архаический период в Элладе. Они формировали у эллинов агональное мышление и интерес к своей собственной истории. Именно в это время у греков стала остро ощущаться общественная потребность осмысления самих себя, своего места в общечеловеческой истории. Как совершенно справедливо подчеркивал Коллингвуд, у греков не историк выбирал предмет описания, а предмет – политизированный греческий мир – искал своего историка.

В заключение необходимо сказать также о формировании метода возникавшей в Элладе исторической науки. Для того чтобы выяснить, в чем заключается метод, необходимо выявить научные особенности или

[28] Можно вспомнить высказывание Гераклита: «Мир един, не создан никем из богов и никем из людей; он есть закономерно воспламеняющийся и закономерно потухающий огонь».

[29] О развитии античной науки вообще см. Рожанский И.Д. Античная наука. М, 1980; Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. Л., 1985. С. 171 сл.; Фролов Э.Д. Парадоксы истории. Парадоксы античности. СПб., 2004. С 5 сл.

черты греческой историографии. На основании анализа введений к историческим сочинениям Геродота (I.1-5) и Фукидида (I.1;20-22; 23.1-3)[30] можно выделить четыре основных особенности греческой истории как науки:

1. Ее научность определялась постановкой вопросов и ясным пониманием задач и целей исторического труда.
2. Греческая историография рационально обосновывает ответы, даваемые ею на поставленные вопросы, обращаясь к данным источников; при этом греческие историки вполне сознавали необходимость не только описания самих политических событий, но и выявления причинно-следственных связей в этих событиях.
3. Греческая историография – гуманистическая по своему характеру, ибо она стремилась сохранить для человечества проделанный ценный опыт; это подразумевало практическое понимание греками сущности истории, как науки, т.е. учить людей на примере прошлого предугадывать поворот событий в будущем. Лучшим подтверждением этого может служить известное замечание Фукидида (I.22. 4): «Мое исследование при отсутствии в нем всего баснословного, быть может, покажется малопривлекательным. Но если кто захочет исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде), то для меня будет достаточно, если сочтет мои изыскания полезными».
4. Научное содержание греческой историографии обусловлено также критическим отношением к источникам информации, наиболее отчетливо

[30] Анализ предисловий к сочинениям Геродота и Фукидида дан в работе Э.Д. Фролова «Факел Прометея» (С. 104 сл.; 119 сл.). К этому см. также Немировский А.И. Ук. соч. С.47сл.; Строгецкий В.М. Возникновение и развитие исторической мысли в Древней Греции. Горький, 1985. С. 9сл. Коллингвуд Р.Дж. Ук. соч. С. 19сл.

и ярко отразившимся в заявлении Фукидида, который писал: «Как ни затруднительны исторические изыскания, но все же недалек от истины будет тот, кто признает ход событий древности приблизительно таким, как я его изобразил, и предпочтет не верить поэтам, которые преувеличивают воспеваемые ими события, или историям, в большинстве ставшим баснословными и за давностью не поддающимся проверке. На основании приведенных выше очевидных доказательств он сможет убедиться, что результаты исследования столь древних событий достаточно надежны» (I.2.1.).» Что же касается событий этой войны (Пелопонесской – В.С.), то я поставил себе задачу описывать их, получая сведения не путем расспросов первого встречного и не по личному усмотрению, но изображать, с одной стороны, лишь те события, при которых мне самому довелось присутствовать, а с другой – разбирать сообщения других со всей возможной тщательностью» (I.22.1-2).

Таким образом, критическое отношение к источникам, достижение с их помощью надежных результатов исследования исторических событий и выявление причинно-следственных связей, пронизывающих и организующих эти события – все это и составляет сущность исторического метода, присущего греческой историографии. Критическое отношение к традиции сформировалось в Древней Греции в V в. до Р.Х. в результате развития рационалистического индивидуального творческого отношения к литературным текстам, и уже в V в. появились специалисты, способные анализировать эти тексты. Их называли, как уже отмечалось ранее, «грамматиками (γραμματικό▪) или критиками (κριτικό▪). Во втором веке до Р.Х. выдающимся знатоком текстов был Дионисий Фракийский, который следующим образом определил деятельность грамматика или критика. Он считал, что суть этой деятельности в опытности, позволяющей объяснить то, о чем говорится у поэтов и писателей. В опытность он включал:

- тщательное чтение, согласно ударению и придыханию и количеству слогов;
- умение объяснять встречающиеся в тексте риторические фигуры;
- проведение изысканий в области этимологии;
- изложение грамматических соответствий;
- умение производить критический анализ текста.

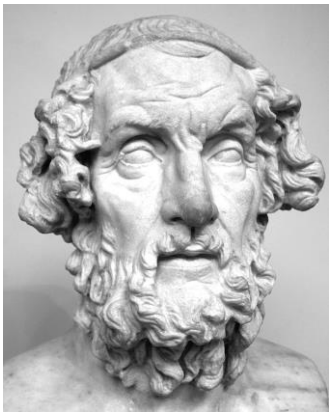
Первые пять правил признаны малыми искусствами. Последнее правило считалось великим искусством. Гуманисты XIV–XV вв., начиная с Ф. Петрарки, возрождали античные представления об антропоцентризме, о свободе личности и индивидуализированного творчества, вернули к жизни и античное циклическое понимание времени и исторического процесса, а вместе с этим и исторический метод греческой историографии, и критическое отношение к источникам. Поэтому важнейшим памятником историко-философской критики античных текстов эпохи Возрождения является памфлет Лоренцо Валлы «О ложности дара Константина». Валла рассматривает в трактате дарение половины империи императором Константином папе Сильвестру и источник, на котором факт дарения основан. Опираясь на филологические, исторические, географические и другие знания, Валла доказал подложность грамоты о дарении. Его основные приемы историко-философской критики сводятся к следующему:

- приводить аргументы от правдоподобия к вероятности;
- искать объективные критерии;
- предпочитать свидетельства, современные анализируемому документу;
- для интерпретации текстов использовать данные нумизматики, палеографии, эпиграфики, археологии и филологии;
- видеть перед собой главную цель – установление истины.

Полагая, что всякая интерпретация текстов, все знания и вся культура вытекают из исторического мышления, он разработал следующие принципиальные требования, предъявляемые к ученому:

- обладать трудолюбием, острым взглядом, умением замечать различие в сходных и сходство в различных вещах и ситуациях;
- ученому, писателю и критику необходимо осознавать границы своих способностей к оценкам, стремиться к правде и объективности по отношению к лицам, их действиям и поступкам;
- уметь подавлять свои собственные симпатии и интересы.

Таким образом, благодаря древнегреческой историографии, ее критическому отношению к источникам и возродившейся в эпоху Ренессанса историко-филологической критике, историческая наука Нового времени в начале XIX в. обрела свой историко-критический метод.

Гомер

Глава 2. Гомеровский и послегомеровский эпос и его значение для становления раннегреческой историографии

Признав Древнюю Грецию родиной истории как науки, необходимо проследить истоки ее зарождения. Древнейшими памятниками, оказавшими серьезное влияние на развитие древнегреческой исторической мысли, безусловно, являются эпические поэмы.

2.1. Гомеровский и циклический эпос

О связи эпической поэзии и, в частности, гомеровского эпоса с раннегреческой историографией можно говорить, опираясь не только на устоявшееся предание, причислившее дядю Геродота Паниасида, написавшего гекзаметром поэму о Греко-персидских войнах, к числу выдающихся поэтов, и признание Геродота, начиная с древности, «самым гомерическим» писателем[1]. Тема эта стала особенно актуальной в XX в., когда под влиянием исследований В. Шадевальдта[2] начался перелом в пользу унитаризма. Благодаря В. Шадевальдту и его последователям на Гомера стали смотреть не только как на «сказителя полулегендарного прошлого», но как на творца художественного текста, поэта, отмеченного печатью личного авторства и индивидуального творчества.

Это делало его привлекательным не только для филологов и лингвистов, но и для историков. Благодаря открытиям древнейшей Эгейской цивилизации, дешифровке документов из архивов хеттских царей, многочисленным раскопкам в М.Азии, выявившим картину массового проникновения греков-ахейцев с XV в. на побережье этого полуострова, а также дешифровке линейного слогового письма «Б», пролившей свет на многие стороны жизни греков XIV-XIII вв. до Р.Х. и раскопкам Трои экспедицией К. Блегена в 30-50 гг., уточнившим картину потрясений, пережитых городом в конце XIV-XIII вв. до Р.Х., проблема

---

[1] См. Бузескул В.П. Введение в историю Греции // Общ. ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2005. С. 108 прим. 1.

[2] Schadewaldt W.: 1) Iliasstudien. Lpz., 1938; 2) Von Homers Welt und Werk. Stuttg., 1965; 3) Der Aufbau der Ilias. Frankfurt am Main, 1975; см.также Erbse H. Betrachtungen uber das 5 Buch der Ilias // Rh.M. 1961. Bd. 104.; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 6 и сл.

«Гомер и история» оказалась в центре внимания ученых как зарубежных, так и отечественных[3].

Одной из наиболее дискуссионных тем стала тема историзма гомеровского эпоса. Представители скептического направления в исторической науке, делая акцент на мифолого-поэтических моментах в гомеровском эпосе, утверждают, что ни о каком историзме эпоса не может идти и речи, поскольку до появления исторической литературы не существовало и исторического мышления[4]. Прежде всего следует отметить, что миф, сказка или любая фантазия не могут быть абсолютно лишены какой-либо реальности, поскольку их творил человеческий разум. Человеческое творчество, сколь бы фантастическим оно ни было, не может выйти за пределы реальности. Поэтому, если миф - это вымысел, то вымыслить - это значит извлечь из суммы реальностей основной смысл и воплотить его в определенный мифологический образ. Это тем более имеет отношение к гомеровскому эпосу. Эпос возникал как у народов в дописьменный или раннеписьменный период, так и на стадии уже достаточно длительного времени формирования государственности. Это, прежде всего, касается греческой эпической поэзии, представляющей собой воспоминание о ранее существовавших государственных образованиях и о Троянской войне, которая из множества других войн наиболее отчетливо отложилась в памяти человеческой. Поэтому многие исследователи и рассматривают эпос как своего рода историю, которая

---

[3] Webster I.B.L. From Mycenae to Homer Lond., 1964; Kirk G.:1) The Songs of Homer. Cambr., 1962; 2) Homer and Epic. Cambr., 1965; 3) The Homeric Poems as History // CAH. 3 ed. Vol. II Pt 2. Cambridge, 1975; Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976; Гиндин А.А., Цымбурский В.Л. Ук.соч. С. 3сл. Гордезиани Р.В. Проблемы гомеровского эпоса. Тб., 1978.

[4] Finley V. The Troian War. // JHS. 1964. Vol 84; см. также Клейн Л.С. Анатомия «Илиады». СПб., 1998.С. 6сл. См. также указ. автора на другие работы М.Финли; Клейн Л.С. Ук. соч. С. 21 прим.4; 134 прим. 33.

рассказывается по эпическому канону[5]. В Гомеровском эпосе благодаря творческой индивидуальности поэта обнаруживается уже не простое воспоминание или рассказ о прошлых событиях, составленный по эпическому канону, а переход к осмыслению отдельных индивидуальных событий прошлого. Таким образом, гомеровский эпос на раннем этапе развития греческого общества мог выполнять ту роль, которая позже досталась греческим историографам[6].

Весьма интересные наблюдения, относящиеся к взаимодействию эпоса и историографии в Греции VII-V вв. до Р.Х., высказал Г. Штрасбургер[7], хотя не со всеми его суждениями можно согласиться. Так, он утверждал, что появление исторической прозы в Древней Греции лишь спустя два столетия после возникновения гомеровского эпоса, было обусловлено исключительной популярностью гомеровских поэм, что и задерживало переход к историческим прозаическим текстам. Это далеко не так, поскольку любой литературный жанр, будь-то мифология, эпос, лирика или историческая проза, возникает тогда, когда он востребован и соответствует конкретному уровню развития общественных отношений и общественного сознания. Как мы увидим ниже, автор, следуя идеям современного скептического направления в исторической науке, представленного работами Х. Берве, А. Хейма, М. Финли и Ч. Старра[8], не

---

[5] Bowra C. M.: 1) Heroic Poetry Lond., 1952. P. 508 ff; 2) Homer and Forerunners. Edinburgh, 1955; 3) Homers. Lond., 1972; Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974; Гиндин Л.А. Гом. Κήτειοι в конкретно-исторической интерпретации. – Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983. С. 508 сл.; Путилов Б.Н. Типология фольклорного историзма. Типология народного эпоса. М., 1975; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Ук. соч. С.19сл.

[6] Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Ук. соч. С.17.

[7] Strasburger H. Homer und Geschichtsschreibung. Heidelberg., 1972. S. 24 ff.

[8] Исследования сочинений этих авторов и критический анализ их концепций см. в кн. Э.Д. Фролова. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 18-42.

учитывал всей совокупности изменений, происходивших в послегомеровский и раннеархаический периоды. Поэтому в дальнейшем будет показано, что историческая проза возникла в греческом обществе по мере преодоления консервативных аристократических отношений вместе с соответствующим им уровнем общественного сознания, развития товарно-денежных отношений, индивидуализма и связанных с этим демократических тенденций.

Вместе с тем Г. Штрасбургер вслед за Х. Берве указывает на необходимость принять за основу понятие «героически-агональное мышление, которое, по его мнению, охватывало частную и общественную жизнь греков и римлян на протяжении всех эпох античной истории. Он считал, что агональное мышление отличало древнюю историю от современности, где мотивы действий людей определяются только социальными и экономическими факторами. В древности, по его мнению, эти факторы вообще не играли никакой роли. Это свидетельствует о приверженности Г. Штрасбургера концепциям современного скептического направления. Вместе с тем следует признать, что его высказывания об агональном характере мышления весьма плодотворны, разве что его понятие «героически-агональное мышление» едва ли можно распространить на все периоды античности. Этот термин, скорее всего, присущ героическому веку или времени господства аристократии. Что же касается в целом агонального мышления, то, несомненно, начиная, по крайней мере, с архаического периода, им были пронизаны все сферы жизни античного общества, как духовные, так и материальные[9]. В противном случае трудно было бы объяснить быстрый рост в Древней Греции, уже начиная с VIII в. до Р.Х. индивидуального самосознания, ремесла, торговли, мореплавания, колонизации и укрепления вследствие

[9] Об этом более подробно см. Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. Л., 1985. С. 75сл.

всего этого частной собственности. Тем не менее, нельзя согласиться с тем, что агональный состязательный характер мышления был присущ только античности. На протяжении всего периода Возрождения европейское общество оказалось пронизано различными тенденциями античной светской культуры. Гуманисты внедрили в европейскую культуру античные идеи о приоритете личности в обществе, частного права над публичным. Поэтому агональный, состязательный дух мышления европейского человека мало, чем отличается от античного агонального мышления[10].

Как в древности, так и сегодня деяния и поступки людей определяются их социально-психологическими качествами. Что же касается социально-экономических факторов, то они как тогда, так и теперь являются производными. Античные историки объясняют действия и поступки конкретных лиц, прежде всего психологическими мотивами, не исключая при этом роли экономических и социально-политических факторов, хотя и у них они выступают как второстепенные. Примером такого рода могут служить у Геродота объяснения причин возникновения Ионийского восстания, у Фукидида действия и поступки людей накануне и в ходе Пелопоннесской войны.

Правда, в этом случае следует избегать крайностей как концепций современного психоанализа, объясняющих поступки людей исключительно их психологическими качествами, отрицая какую бы то ни

[10] К сожалению, российское общество, начиная с Московской Руси (XV в.), то есть с того времени, когда идеи Возрождения широко распространялись по всей Европе, не было ими пронизано. Знакомство российских образованных людей, число которых тогда было крайне ограничено, с некоторыми традициями античной светской культуры началось только с XVIII в. и имело чисто внешний, формальный характер. Этим, кроме всех прочих причин, в значительной степени и обусловлены все последующие беды нашей страны, мышление российских людей в основе своей характеризуется чувством зависти, а не состязательности.

было роль экономического и других факторов, так и идей вульгарно-догматического марксизма, господствовавшего в нашей стране в течение 80-ти лет, согласно которым вся жизнь общества, включая поступки, деяния людей и их мысли основываются на так называемом социально-экономическом базисе.

Главное внимание в своей работе Г. Штрасбургер уделил проблеме влияния гомеровского эпоса на греческих историков. Фактически он возводил к Гомеру геродотову формулировку цели исторического труда и полагал, что в двенадцати первых строках «Илиады» заключено все последующее учение Фукидида о причинах и следствиях. Против выводов немецкого ученого резко возражает А.И. Немировский[11]. Он считает, что Г. Штрасбургер чрезмерно преувеличивает влияние Гомера на греческую историографию, в результате чего, по его мнению, «смывается всякая грань между мифологическим и историческим мышлением и греческая историография, поэтому теряет свою жанровую специфику». Учитывая категоричность выводов Г. Штрасбургера, его замечание о том, что Гомер был чуть ли не наставником последующих греческих историков, несомненно, заставляет согласиться с А.И. Немировским в излишнем преувеличении немецким исследователем роли Гомера. Тем не менее, вопрос о грани между мифологическим и историческим мышлением не настолько прост как его понимает А.И. Немировский.

Выше мы уже отмечали, что Гомера нельзя ставить в один ряд с певцами-аэдами, сказителями легендарного прошлого. Несомненно, он был поэтом, творцом художественного текста. Вместе с тем и сам гомеровский эпос является своеобразным воспоминанием о прошлой исторической эпохе. Поэтому представляется вполне оправданным то, что упомянутые выше зарубежные и отечественные исследователи отличают

[11] Немировский А.И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 18-21.

эпос от мифа и считают его своего рода историей. Гомеровские поэмы, безусловно, представляли завершающий этап в развитии эпического творчества древних греков. Следствием этого вполне логичным является вывод ученых о том, что в гомеровских поэмах достигнута высшая форма эпического историзма. Отсюда нельзя говорить, как это делает А.И. Немировский, о резкой грани между мифологическим и историческим мышлением. Поэтому, безусловно, прав Г. Штрасбургер, обнаруживающий, прежде всего у Геродота, сильное воздействие концептуальных схем эпоса. К этому следует отнести принципиальную убежденность Геродота в исторической важности мифа, интерпретируемого с точки зрения здравого смысла; представление о возможности двоякого выбора темы для рассказа – это либо эпическое повествование о достойных и великих делах героев, либо рассказ о великих и тяжелых бедствиях; трактовка исторических конфликтов в «героически-агональном духе», сводящая борьбу к состязанию, к цепи взаимных обид и возмездий[12]; наконец, непредвзятое отношение к борющимся сторонам, восприятие их как равноправных протагонистов[13]. Не менее важным для данной темы является замечание М.Л. Гаспарова о том, что эпический поэт, как и историк начального периода греческой историографии, выбирая между версиями мифа, обычно наряду с предпочитаемым им вариантом указывал и на существование других[14]. Что касается Фукидида, то в этом случае с полным основанием можно

[12] К этому более подробно см. Строгецкий В.М. Возникновение и развитие исторической мысли в древней Греции / на материале изучения Исторической библиотеки Диодора Сицилийского. Горький, 1995. С. 10.

[13] То, что Геродот объективно и непредвзято говорит о греках и персах – это аргумент в пользу того, что он испытывал воздействие эпической концепции, но то, что он между самими греками чаще всего отдавал предпочтение Афинам, выдает в нем уже историка, освобождающегося из-под опеки эпического историзма.

[14] Гаспаров М.Л. «Введение к кн. Кузнецова Т.И., Миллер Т.А. Античная эпическая историография. М., 1984.

возразить немецкому исследователю, поскольку труд греческого историка показывает, что греческая историография к его времени и в значительной степени благодаря его творчеству окончательно вышла из-под опеки эпического историзма и обрела свой исторический метод.

Критикуя выводы Г. Штрасбургера, А.И. Немировский отмечает, что понимание причин человеческих действий свойственно поэту и историку, но поэтическая и историческая казуальность – разные вещи[15]. Это, безусловно, так, но только в том случае, когда сопоставляется уже сложившаяся греческая историография с поэзией, в том числе и эпической, как это делает Аристотель в своей «Поэтике». Но в данный момент речь идет пока только о становлении греческого историописания, происходившего под влиянием эпического историзма и, как уже отмечено выше, у Гомера и у Геродота можно найти точки соприкосновения также и в том, что касается причинности совершения тех или иных событий. Поэтому можно согласиться с теми учеными, которые утверждают, что устный эпос – это модель истории в самых своих основах[16].

А.И. Немировский признает, что Гомер был первым критиком мифологического мышления, однако никакого исторического мышления и связанного с ним понятия развития он у Гомера не находит[17]. Гомер действительно был первым критиком мифологического мышления, но, признавая это, логика требует выявления у него, по крайней мере, истоков какого-либо другого мышления, но этим мышлением может быть только историческое, правда, у Гомера оно могло проявляться только в форме рефлексии над легендой, мифом или новым пониманием традиции.

---

[15] Немировский А.И. Ук. соч. С.19.

[16] Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 63 сл.; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Ук. соч. С. 19.

[17] Немировский А.И. Ук. соч. С. 20.

Это великолепно раскрыл А.Ф. Лосев в своей монографии о Гомере[18], показав, что Гомер, несомненно, понимал существование прошлого, настоящего и будущего, детально их, изображая и стараясь их соединить в одном художественном обозрении. В связи с этим очень важной является проблема взаимоналожения в эпосе динамического и статического принципов[19]. Исследователи обнаружили, что статический принцип проявляется в тексте эпоса в виде вычленения отдельных композиционных блоков, связанных между собой отношениями смыслового и повествовательного параллелизма и симметрии. В этом отношении проведено уже немало исследований[20].

Но наряду с этим в гомеровском эпосе прекрасно отражается и динамическая организация его сюжета. Ее обнаружение стало возможным благодаря открытому В. Шадевальдтом приему сквозной подготовки одних событий другими, так что ни один шаг не оказывается без последствий, и в итоге создается впечатление о незавершенности поэмы. Этот принцип «infinito» (незаконченность) стал впоследствии важнейшей чертой искусства эпохи Возрождения. Так, в Илиаде недостает финала, к которому она стремится – смерти Ахилла[21]. Ожидание этого финала создает своеобразную напряженность поэмы, характеризующую динамическую организацию сюжета эпоса.

В заключение необходимо отметить еще один аспект, указывающий на серьезное влияние гомеровского эпоса на раннюю греческую

---

[18] Лосев А.Ф. Гомер. М., 1996. С. 242-244.

[19] Webster I.B.L. Op. cit. P.259; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Ук. соч. С. 25сл.

[20] Myres J.The Last Book of the Iliad. // JHS. 1932. Vol. 52. P. 264-304; Stählin F. Der geometrische Stil in der Ilias // Philologus. 1923. Bd. 78. S. 280-301; Whitman C.H. Homer and the Heroic Tradition. Cambridge, 1958. P. 257-259; Лосев А.Ф. Гомер. М., 1960. С. 134 сл.; Гордезиани Р.В. Ук. соч. С. 30 сл.; Клейн Л.С. Ук. соч. С. 218 сл.

[21] На это впервые указал У.Виламовитц-Мёллендорф. (Wilamowitz-Moellendorf U. Von. Die Ilias und Homer. B., 1916. S. 77 ff).

историографию. Аристотель отмечает важное индивидуально-авторское открытие Гомера, заключающееся в том, что он взялся за сочинение поэмы не обо всей войне, которая имела начало и конец, но выделил из массы троянских событий один высокодраматический сюжет, а остальными событиями Троянской войны пользовался как вставками. Тем самым поэма, не распыляясь на множество не связанных друг с другом эпизодов и оставаясь стройным драматическим действием, переросла рамки конкретного сюжета и представила образ Великой войны в целом[22]. Несомненно, этой находкой Гомера воспользовался впоследствии Геродот. Для описания истории Греко-персидских войн он избрал самый важный период – походы Дария I и Ксеркса. Все же остальные события, прямого отношения к этим походам не имевшие, Геродот использовал как дополнительные вставки, позволившие ему глубже раскрыть избранную тему.

Следующая особенность сюжета Илиады, свидетельствующая о преднамеренном решении поэта, заключается в том, что в поэме существуют две разномасштабные темы: явная – рассказ об Ахилле и подспудно проводимая тема трагической участи Ахейской Греции и Трои[23].

Этот же принцип обнаруживается и у Геродота. Главной и явной темой у него является описание походов Дария и Ксеркса, но он не выдвигает ее на передний план, а раскрывает на фоне хотя бы и не явной, но более масштабной темы, а именно: рассказ о деяниях эллинов и персов, создающий у читателя представление о трагической участи тех и других и позволяющий Геродоту показать глубокие причины этих трагических событий.

---

[22] Аристот. Поэтика 1459a (пер. М.Л. Гаспарова), соответствующий комментарий этого сюжета см. Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Ук. соч. С. 27-28.

[23] Bowra C. M. Homer. London, 1972. P. 98; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Ук. соч. С. 28

Хотя невозможно считать поэмы Гомера подлинно историческими произведениями, отсюда отнюдь не следует, что мы должны вообще отказаться от использования их как своеобразного источника информации. Во-первых, поэмы, являясь эпическими произведениями, не были совершенно оторваны от почвы исторической реальности, просто она тесно увязана с поэтическим вымыслом и мифологическими сюжетами, но задача исследователя в том и заключается, чтобы обнаружить ее следы и отделить миф от подлинной действительности. Во-вторых, гомеровские произведения, равно как и циклические эпические поэмы, послужили для раннегреческих историков, включая и Геродота, не только объектом рассмотрения и использования некоторых особенностей эпического жанра и стиля, но и важнейшим первоисточником информации.

Близким к гомеровской поэзии является так называемый циклический эпос или циклические поэмы. Поэмы Гомера послужили образцом для целого ряда эпических произведений, посвященных событиям Троянской войны, незатронутым Гомером, а также рассказывающих о других эпических сюжетах. Все эти поэмы не сохранились до нашего времени, но их часто использовали различные писатели древности. Некоторые поздние авторы оставили краткое изложение этих поэм, благодаря чему можно получить определенное представление об их содержании и характере. Существовала «Хрестоматия» Прокла (II в. от Р.Х.), извлечения из которой сохранены византийским литературным памятником «Библиотека» патриарха Фотия»[24]. На основании этой хрестоматии была восстановлена

[24] «Библиотека» (Βιβλιοθήκη или Μυριόβιβλο▪) – это перечисление, с указанием содержания и приведением выдержек, из 280 большей частью теперь утраченных сочинений древних, в том числе и христианских писателей. Ее издал Bekker I: в 2-х томах (Berlin, 1824). К этому см. также Martini E. Textgeschichte der Bibliothek des Patriarchen Photios. I. Leipzig, 1911; Klinkenberg J. De Photii Bibliothecae codicibus historicus. Bonn, 1913;

последовательность циклических поэм. Циклическими они названы потому, что содержали законченный цикл сказаний, не получивших развития в гомеровских поэмах, о героях Троянской войны, а также сказания о других событиях, примыкающих к ней. О том, что термин «эпический цикл» имеет отношение именно к этим произведениям, подтверждается замечанием одного древнего схоласта: «Циклическими поэтами называют тех, которые описали все, что вокруг (κύκλω) «Илиады», все, что происходило до или после описанных ею событий (Schol. Clem. Alex. Protr. II.30). Александрийские критики использовали эти поэмы для понимания и объяснения текста гомеровских поэм.

Точное содержание эпического цикла сегодня восстановить уже невозможно. Вместе с тем можно считать, что источником хрестоматии Прокла, текст которой, как уже было сказано, дошел до нашего времени благодаря «Библиотеке» патриарха Фотия, могло служить сочинение эллинистического грамматика Дионисия Скитобрахиона (II в. до Р.Х.) «Исторический цикл» (Suda S.V. Dionisios Milesios)[25]. Это мнение сегодня разделяет большинство исследователей. Дионисий Скитобрахион на основании указанного его сочинения был прозван «киклографом». По видимому, его сочинение было своеобразной мифологической энциклопедией, послужившей источником как для Диодора (III и IV книги его Исторической библиотеки), так и для упомянутой выше «Хрестоматии» Прокла. Правда, Прокл также мог опираться на дошедшую

Mél. Gregoire. Recherches sur la chrestomathie de Procles I // Études paleographique et critique. Paris, 1938. II Texte, traduction, commentaire. Paris, 1938. III La vita Homeri et les sommaires du Cycle. Paris, 1953. IV La vita Homeri et les sommaires du Cycle. Texte et traduction. Paris, 1963. О циклической позии см. Lesky A. Der epische Kyklos // Lesky A. Geschichte der griechischer Literatur. Bern, 1971. S. 101-108.

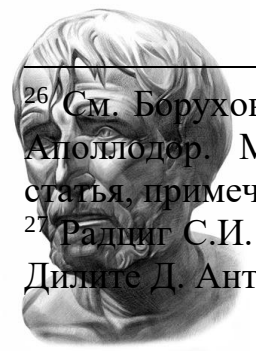
[25] Дионисий Милетский принадлежал к старшему поколению логографов и являлся автором исторического трактата Τὰ μετὰ Δαρείον, посвященного истории Персии после Дария.

до нашего времени «Библиотеку» Аполлодора, афинского грамматика II в. до Р.Х.[26]

Число циклических поэм и их последовательность является дискуссионной проблемой. В современной литературе[27] количество их и последовательность определены следующим образом: «Киприи», изображающие события до Троянской войны (созданы Стасием или Гегесием); «Эфиопида», в которой рассказывается о помощи троянцам Пенфесилеи и Мемнона (автор – Арктин); «Малая Илиада», в которой рассказывается о гибели Гектора (автор Лесх); «Разрушение Илиона» - это поэма о знаменитом деревянном коне, построенном ахейцами по совету Одиссея (автор поэмы – Арктин); в поэме «Возвращение (автор неизвестен) рассказывалось о возвращении ахейцев на родину; последние путешествия Одиссея описывались в поэме «Теспротида» (автор неизвестен), а его смерть – в поэме Телегония (автор Кинетон): сын Одиссея Телегон, не узнав в Одиссее отца, убил его. Все эти поэмы относятся к ахейскому циклу. К фиванскому циклу относились «Эдиподия», рассказавшая о царе Эдипе в Фивах (автор Кинетон); «Фиваида» - о походе ахейцев против Фив.

Влияние эпоса было настолько сильным, что даже в то время, когда уже существовало историческое повествование в прозе, были еще попытки излагать историю стихами. Так, Херил Самосский, младший современник Геродота взялся за современную историю в своей поэме «Персеида», сюжетом которой была победа афинян над войсками Ксеркса.

2.2. Дидактический эпос

[26] См. Борухович В.Г. Античная мифология и «Библиотека Аполлодора // Аполлодор. Мифологическая Библиотека / В.Г. Борухович. Перевод, статья, примечания, указатель. М., 1993. С. 99 сл.

[27] Радциг С.И. История древнегреческой литературы. М., 1977. С. 105-109; Дилите Д. Античная литература. М., 2003. С. 75.

Как уже отмечалось, поэмы Гомера послужили образцом для целого ряда эпических произведений. Но авторы циклического эпоса стремились, восполнив пробелы гомеровских поэм, только рассказать о других эпических событиях и героях, участвовавших в них, и тем ***Гесиод*** самым внешне завершить весь цикл героического эпоса. Поэтому их творчество непосредственно примыкало к традиции Гомера и продолжало ее.

Совсем другое содержание обнаруживается в дидактическом и философском эпосе, несмотря на то, что своими корнями он также восходит к гомеровским поэмам. Характерной особенностью гомеровских и циклических поэм являлась героизация персонажей, проявлявшаяся не только в описании сражений, но и приключений, в которых оказывались герои, возвращавшиеся на родину после Троянской войны. Конечно, гомеровская и циклическая поэзия отчасти знакомила с историей, касалась социально-нравственных, религиозно-космогонических, хозяйственных и других проблем, но не это было главным для гомеровской и циклической героической поэзии. В ней не чувствуется личности, индивидуальности. Она подчинялась требованиям давно сложившейся поэтической техники и поэтому была достаточно консервативной.

Совершенно другой характер имела дидактическая поэзия. В ней все было целенаправленно. Когда она касалась морали, в ней прямо давались советы или указывались запреты; когда в дидактическом эпосе речь шла об искусствах, ремеслах, науках, то в нем не встречается описание их ради того, чтобы доставить удовольствие воображению читателя, но формулируются касающиеся их правила. Когда в дидактической поэзии рассказывалось о событиях прошлого, то в ней устанавливалась последовательность родословий и поколений и делалась попытка закрепить в памяти то, что нужно знать и таким образом вырабатывался принцип хронологии и периодизации. Дидактическая поэзия по своей

природе утилитарна со свойственными ей индивидуальными переживаниями, раздумиями и мыслями. В этой поэзии поэты выделяли себя индивидуально и говорили о себе. Их индивидуальность проявлялась в передаче нравственного уклада жизни и окружающей их обстановки.

Если эпическая героическая поэзия создавалась в М.Азии и на островах, где влияние восточных культур передней Азии сказывалось весьма сильно, то дидактический эпос сложился главным образом в самой материковой Греции. Жителям этого региона была менее свойственна любовь к удовольствиям, блеску и изяществу. У материковых греков, локрийцев, дорийцев, беотийцев было более консервативное отношение к жизни. Здесь имели место крепко установившиеся верования, устойчивые культурные традиции и более утилитарные наклонности. Материковые эллины, привязанные к своей земле, были менее изменчивы и более практичны. Они интересовались скорее не тем, что вызывало удивление, а тем, что полезно.

Характерной особенностью социальных отношений в материковой Греции было появление наряду с аристократией значительного числа мелких и средних собственников – крестьян и ремесленников. Они нуждались в конкретных вполне утилитарных нравственных ориентирах, определенных правилах и наставлениях. Они все более вступали в противоречие с аристократией, чувствуя свое бесправие, но вместе с тем и имея уже и достаточное богатство.

Элементы дидактической поэзии уже сложились до появления Гесиода. Они существовали в виде стихотворных изречений, оракулов, относящихся к делам повседневной жизни, в форме поговорок и изречений, технических наставлений, особенно важных как для мелких и средних крестьян, так и для тех, кто занимался различными ремеслами. Немаловажное значение, особенно в жизни крестьян, имели религиозные календари, которые использовались в дидактической поэзии.

Конечно, эти элементы уже могли использовать сельские поэты, слагавшие стихи на местных греческих диалектах. Но, когда одаренный поэт, стараясь использовать все эти элементы, стремился создать стройное поэтическое произведение, то он не мог не использовать в качестве образца гекзаметр, доведенный до совершенства ионийскими аэдами. Именно таким поэтом и был Гесиод, признанный уже в древности творцом дидактического эпоса. Краткие сведения о нем можно почерпнуть у Плутарха (Moralia VII. 51-98), византийского хрониста Цеца, и в словаре Свиды[28].

Но наиболее важные данные происходят из его поэмы «Труды и дни» (ст. 633-640). Его отец Гесиод некогда жил в Киме (Эолида в М.Азии), занимался морской торговлей. Позже по неизвестной причине, впав в нужду, он морем прибыл в Беотию и обосновался в селении Аскра, у подножия горы Геликон. Здесь Гесиод старший стал земледельцем. Имел он двух сыновей Гесиода и Перса. Гесиоду знакома тяжелая жизнь земледельца, полная трудов и забот.

---

[28] О Гесиоде см. Nicolai W. Hesiodos Erga. Heidelberg, 1964; West M.L. Theogony (ed. with Prolegomena and Commentary). Oxford, 1966; Marg W. Hesiod Erga. Zurih, 1968 (с обзором других переводов); Nestle W. Griechische Geistesgeschichte von Homer bis Lukian. Stuttg., 1944; Panorsky D. and E. Pandoras Box. N.-J., 1956; Lender O. Die Pandorasage bei Hesiod. Würzburg. 1958; Fränkel E. Wege und Formen frühgriechischen Denken 2 Aufl. Lpz., 1960; Machler Die Auffassung de Diehterberifs in frühen Griechentum bis zur Zeit Pindars // Hypomnemata. 1960. Bd. 3. S. 36f; Kraft F. Vergleichende Untersuchungen zu Homer und Hesiod // Hypomnemata. 1963. Bd. 6. S. 100ff. Walcot P. Hesiod and the Near East. Cardiff, 1966; Schmitt E.G. Einleitung // Hesiod. Sämtliche Werke. Lpz., 1965. S. 9-51 / О ссылках на реальные события в поэме «Труды и дни» см. Wehril E. Hauptrichtungen des Griechische Denkens. Zurich, 1964: Гесиод «Теогония», «Труды и дни» / Пер. В.Вересаева // Эллинские поэты. Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М., 1999. С. 29-50; 50-68; Тренчени-Вальдапфель И. Гомер и Гесиод. М., 1957; Дилите Д. Античная литература. М., 2003. С. 69сл. Lesky A. Hesiod // Geschichte der griechischer Literatur… S. 113-130. West M.L. Hesiod. Theogony. (ed. with Prolegomena and Commentary). Oxford, 1966. West M.L. Hesiod. Works and Days. (ed. with Prolegomena and Commentary). Oxford, 1978.

Поэма Гесиода «Труды и дни» была им написана как наставление своему брату Персу, жизнь которого была недостойной добропорядочного человека. Перс оказался ленив, промотал с друзьями из числа высшей знати выделенное отцом состояние. Вращаясь в кругу аристократии, в руках которой находился суд, он отобрал у Гесиода часть его наследства. Это и побудило поэта с помощью поучительной поэмы наставить брата на путь истинный.

Гесиод, вероятно, посещал одну из школ аэдов, существовавших еще со времен Гомера. По крайней мере, это подтверждается его рассказом о том, что он участвовал в состязании аэдов в Халкиде, одержал победу, исполнив сочиненный им гимн и в дар получив треножник. Этот треножник он подарил «Геликонским музам», возможно, той школе при храме, где обучался азам поэзии (ст. 650-662). На основе этих строк впоследствии родилась легенда о состязании Гомера и Гесиода. Годы жизни Гесиода неизвестны. Порфирий, неоплатоник III в. от Р.Х., интересовавшийся поэзией Гесиода в древности, датировал его жизнь 800 гг. до Р.Х. Погиб Гесиод в Локриде близ Навпакта, став жертвой злодеяний. Убитый, он был брошен в море, но волна вынесла его тело на берег. Он был захоронен неподалеку, а затем перезахоронен в Орхомене.

Рассмотрим более обстоятельно содержание его поэмы «Труды и дни» (♏☯ργα και▭ ♒❀μ♏ρα). Первая часть поэмы (до 317ст.) представляет собой увещевание брата Перса, как уже отмечено, вызванное желанием последнего отобрать у Гесиода, опираясь на неправедных судей, часть отцовского наследства. С помощью ряда эпизодов Гесиод доказывает, что в мире господствует несправедливость. Эту мысль он подтверждает рассказом о споре двух Эрид (Эрида – богиня раздора) доброй и злой (ст. 11-30). Гесиод представляет добрую Эриду, с которой связывает действие в обществе главных созидательных социально-нравственных принципов, таких как труд, справедливость, конкуренция,

т.е. соревновательность в лучших намерениях. Благодаря этим принципам, как убеждает поэт своего брата Перса, наступает обогащение, достигаемое праведным путем:

«Первая (т.е. добрая Эрида – В.С.) раньше второй рождена многосумрачной ночью:

Между корнями земли поместил ее кормчий всевышний,
Зевс, в Эфире живущий, и более сделал полезной.
Эта способна понудить к труду и ленивого даже;
Видит ленивец, что рядом другой близ него богатеет,
Станет и сам торопиться с посадками, с севом, с устройством
Дома. Сосед соревнует соседу, который к богатству
Сердцем стремится. Вот эта Эрида для смертных полезна»

Часто можно услышать, что нам, русским, не пристало стремление к богатству и собственности. Это глубокое заблуждение или сознательное искажение реальности. Эти качества представляют собой естественные стремления людей в любом обществе. Их развитие можно только временно задержать или пресечь насильственным методом, установив тоталитарный коммунистический режим, как это произошло у нас в октябре 1917 г. Гесиод с негодованием говорит, о тех, кто не живет своим трудом, норовит нечестно захватить честно нажитое. Этих людей, независимо от этого, каково их социальное происхождение (из знати они или из низов общества), он определяет как охлос-толпу. Поэтому у нас в стране в результате господства тоталитарного коммунистического режима на протяжении 80 лет психология толпы стала менталитетом большей части общества.

Гесиод, призывая к справедливому обогащению и к усердному соревнованию, отвращает человека от дурной Эриды:

«Не поддавайся Эриде злорадной, душою от дела
Не отвращайся, беги словопрений судебных и тяжб».

Убеждая Перса вернуться на путь добродетели, Гесиод считает, что этому может способствовать только труд, ибо труд в представлении поэта – панацея от всех бед и здоровая сила морали. Поэтому Гесиод посвящает описанию труда специальный энкомий или гимн (ст. 286-316):

«Помни всегда о завете моем и усердно работай,
Перс, о потомок богов, чтобы голод тебя ненавидел,
Чтобы Деметра в прекрасном венке неизменно любила
И наполняла амбры тебе всевозможным припасом.
Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца.
Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживает, подобно безжальному трутню, который,
Сам не трудяся, работой питается пчел хлопотливых.
Так полюби же дела свои вовремя делать и с рвением-
Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбры.
Труд человеку стада добывает и всякий достаток
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
Вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки.
Нет никакого позора в работе: позорно безделье.
Если ты трудишься, скоро богатым, на зависть ленивцам
Станешь. А вслед за богатством идут добродетель с почетом».

Весьма интересным и поучительным является эпизод о Пандоре (ст. 40-105), прелестной девушке, созданной Гефестом по воле Зевса из воды и земли. Все боги наделили ее различными дарами, поэтому и получила она свое имя Пандора. Гермес наделил ее льстивыми речами, обманами и лживой, хитрой душой. Эту девушку вместе с сундуком, в котором хранились все беды, Зевс послал людям в наказание за похищение Прометеем огня из божественных чертогов. Принял дар нерадивый брат Прометея Эпиметей, что в переводе значит «силен задним умом». Пандора, открыв сундук, выпустила все беды лихие, наслав их на

смертных. В последний момент она захлопнула крышку по воле Зевса и в сундуке осталась одна надежда.

Говоря о трудностях жизни и социальной несправедливости VIII-VII вв. до Р.Х., Гесиод нисколько не сгущает краски. Такое же положение передают поэты раннегреческой лирики в своих произведениях, особенно Архилох, Солон, Феогнид и др. Об острых социально-политических противоречиях в афинском полисе в VIII-VI вв. до Р.Х. рассказывает Аристотель в «Афинской политии»:

«Надо иметь в виду, что власть тогда находилась в руках немногих, но главное было в том, что бедные были в порабощении не только сами, но также дети и жены их. Назывались они пелатами (батраками) и шестидольниками, потому что на таких арендных условиях обрабатывали поля богачей. Вся вообще земля находилась в руках немногих владельцев. При этом если эти бедняки не отдавали арендной платы, можно было увести в кабалу и их самих и их детей… Конечно, из тогдашней государственной жизни самым тяжелым и горьким для народа было рабское положение. Впрочем, и всем остальным он был также недоволен, потому что ни в чем, можно сказать, не имел своей доли (Арист. Аф. пол. 2). Попытки современных ученых – представителей скептического направления, подвергающих суровой критике суждение Аристотеля и утверждающих, что он модернизировал древность, приписывая ей события своего времени, совершенно неоправданны[29]. Такая характеристика этого времени обнаруживается не только в произведениях раннегреческой лирики, о чем уже речь шла выше, но на это указывают и краткие

[29] О критике новейшего скептического направления в современной историографии и анализе социально-экономических противоречий и конфликтов в период формирования греческого полиса см. в работах Э.Д. Фролова: Рождение греческого полиса. Л. 1988. С. 63 сл. (книга переиздана СПб., 2007); Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л.1991. С. 45 сл.

сообщения Геродота и Фукидида. Кроме того, общеисторическое развитие античного мира в это время также подтверждает соответствующую направленность мыслей Аристотеля. По крайней мере, Рим в конце VII-сер. VI вв. переживал такую же ситуацию.

В VIII-VI вв. господствующее положение в греческих полисах занимала землевладельческая аристократия. Сильная экономически она утвердила господство и в сфере политической. Аристократы сосредоточили в своих руках административную и судебную власть, превратив совет старейшин, народное собрание и обычное право в орудия своего господства. О произволе знати и сообщает Гесиод, рассказывая притчу о соловье и ястребе (ст. 202-212):

«Басню теперь расскажу я царям, как они неразумны.
Вот однажды сказал соловью пестроглазому ястреб,
Когти вонзив в него и неся его в тучах высоких:
Жалко пищал соловей, пронзенный кривыми когтями,
Тот же властительно с речью такою к нему обратился:
«Что ты, несчастный пищишь? Ведь намного тебя я сильнее?
Что ты ни пой, а тебя унесу я, куда мне угодно
И пообедать могу я тобой, и пустить на свободу».

Идея социальной несправедливости звучит и в философском осмыслении Гесиодом истории развития человечества. Гесиод выделил в ней пять поколений: золотое, серебряное, медное, наконец, поколения людей героического и железного веков (ст. 109-200). Гесиод предстает как сторонник утопической идеи, обращенной в прошлое. Так, он, характеризуя золотое поколение, отмечает:

«Жили те люди, как боги с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться, не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили

А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем неизвестен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли. Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно сбирая богатства».

По-видимому, эта мысль не нова. Она была уже известна в древнем Египте в III тыс. до Р.Х., в эпоху Древнего царства. Это подтверждается известной находкой археологами рельефного изображения мифа о вкушении женщиной (в Библии Евой-В.С.) плода из древа познания в райском саду по наущению Змия. Этот миф древние евреи позаимствовали у египтян. Затем он нашел свое отражение в первой книге Ветхого Завета «Бытие». Но отличие между текстом Гесиода, египетским и еврейским вариантами мифа в том, что у египтян и евреев – это элемент жреческой идеологии. У Гесиода же рассказ о золотом веке имеет рационально-философский характер. Описывая жизнь людей следующих поколений, Гесиод подчеркивает, что она сопровождалась все большими трудностями и страданиями.

Рассказ Гесиода о современном ему железном веке (ст. 174-201) насыщен описанием не только тягот его собственного времени, но и предвидением будущих страданий, что положило начало новому жанру античной литературы - пророчеству, также имевшему аналогию на Востоке, но в отличие от восточных пророчеств характеризующемуся социальной и рационально-философской направленностью. Следующим образом поэт характеризует пятое поколение людей:

«Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться.
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им.
(Все же ко всем этим бедам примешаны будут и блага

Зевс поколенье людей говорящих погубит и это
После того, как на свет они станут рождаться седыми)
Дети - с отцами, с детьми – их отцы сговориться не смогут.
Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю – хозяин.
Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то.
Старых родителей скоро совсем почитать перестанут;
Будут их яро и зло поносить нечестивые дети
Тяжкою бранью, не зная возмездья богов; не захочет
Больше никто доставлять пропитанья родителям старым.
Правду заменит кулак. Города подпадут разграбленью.
И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохранитель,
Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею
Станет почет воздаваться. Где сила, там будет и право.
Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые
Лживыми станут вредить показаниями, ложно кляняся.
Следом за каждым из смертных бесчестных пойдет неотвязно
Зависть злорадная и злоязычная, с ликом ужасным.
Скорбно с широкодорожной земли на Олимп ясноглавый,
Крепко плащом белоснежным закутав прекрасное тело,
К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных,
Совесть и стыд. Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды
Людям останутся в жизни. От зла избавленья не будет».

Поэт, характеризуя собственное время (VIII в. до Р.Х.) – поколение «железных людей», выступает как пророк – обличитель всяческого бесчестия, подлости и насилия.[30] При этом благодаря таланту его пророческое описание приобретает вневременной характер. В этом описании проникновенный взор читателя всех времен найдет всегда черты, созвучные его времени. Именно на основе восточных (древнеегипетских) и

[30] Фролов Э.Д. Факел Прометея… С. 55.

греческих пророчеств, наиболее ярко отразившихся у Гесиода, появилось впоследствии и пророчество христианское «Апокалипсис» (Откровение Иоанна).

Но пессимизм Гесиода имел пределы. Он полагал, что только труд, справедливость, законность и правосудие могут исправить положение:

«Слушайся голоса правды, о, Перс, и гордости бойся!
Гибельна гордость для малых людей. Да и тем, кто повыше,
С нею прожить нелегко; тяжело она ляжет на плечи,
Праведен будь! Под конец посрамит гордеца непременно
Праведный. Поздно, уже пострадав, узнает это глупый.
…Правды же путь неизменен, куда бы ее ни старались
Неправосудьем своим своротить дароядные люди».

Идея о приоритете законности и правосудия стала господствующей в деятельности наиболее выдающихся античных и современных реформаторов, и она положена в основу международного права.

Вторая часть поэмы (ст.317-382) представляет цепь различных наставлений, в том числе и нравственного характера. Здесь немало таких наставлений, которые хорошо известны из Библии. Но едва ли в этом случае следует говорить о заимствованиях. Во-первых, библейские тексты составлялись гораздо позже и на основе древневосточной устной и письменной традиции. Во-вторых, все эти назидания, составленные в форме изречений, отражают общечеловеческие ценности и представления. Так, Гесиод говорит о том, что не следует обижать тех, кто просит защиты или помощи у иностранцев. Но столь же древним было и противоположное представление, а именно: боязнь и нелюбовь к чужеземцам, например, у древних спартанцев, что в Новое и Новейшее время получило название ксенофобия.

Гесиод посылает наказание от Зевса тем, кто прелюбодействует с женой брата, кто оскорбляет отца. Поэт советует жениться не ранее 30 лет

и иметь единородного сына. Поздний брак и рождение одного сына предотвращает дробление земельных наделов, ведущее к разорению крестьянского хозяйства. Главная мысль Гесиода во многих его назиданиях – во всем придерживаться меры. Поэт широко использовал многие народные приметы и наблюдения, которые нашли отражение в различных поговорках и кратких изречениях, например:

«Истая язва сосед нехороший, хороший – находка»;

«Если б не был сосед твой дурен, то и бык не погиб бы»;

«Выгод нечистых беги, нечистая выгода – гибель»;

«Пей себе вволю, когда начата иль кончается бочка.

Будь на средине умерен; у дна же смешна бережливость».

Его советы, касающиеся свадьбы и женитьбы, также пронизаны народной мудростью. Так, он советует жениться не раньше 30 лет, но только после четырех лет знакомства на пятый год; брать в жены нужно девушку моложе, ибо такой легче внушить благонравие; брать в жены из тех, кто живет по соседству; стараться брать такую, которая не жадная и не сластена. Эти советы, безусловно основаны на патриархальных представлениях, господствовавших в тогдашнем обществе, но они сохраняются и в наше время большей частью в традиционных культурах.

Третья часть поэмы (383-764 ст.) представляет собой сельскохозяйственный кодекс, в котором поэт говорит о земледельцах и сельскохозяйственных работах, дает обилие технических советов и технических описаний. Он советует, когда нужно из дерева изготовлять всякие инструменты. Он перечисляет здесь множество примет, полезных земледельцу. Рассказывает, как нужно готовить одежду и обувь на зиму. Целый ряд советов и наблюдений Гесиода касаются мореплавания и морской торговли. Во время Гесиода этот род занятий уже не казался чем-то необычным и как у Гомера связанным с морским разбоем. Из сообщения Гесиода вытекает, что в его время мореплавание и морская

торговля уже имели долговременную традицию. Уже были известны проторенные морские пути, сложились определенные навыки в кораблестроении, знание погодных условий, удобных для выхода в море.

Последняя часть поэмы (767-840 ст.) – это священный календарь, в котором поэт говорит, какие дни месяца для каких дел важны и полезны, а какие напротив вредны. Подобный календарь был и у римлян, называемый fasti, с записями важнейших дней и событий.

В поэме есть и очень точные наблюдения, подчеркивающие яркую индивидуальность поэта и его талантливое описание лирического настроения (582-595 ст.).

«В пору, когда артишоки цветут и, на дереве сидя,
Быстро размеренно льет из-под крыльев трескучих цикада
Звонкую песню свою средь томящего летнего зноя, -
Козы бывают жирнее всего, а вино всего лучше,
Жены всего похотливей, всего слабосильней мужчины:
Сириус сушит колени и головы им беспощадно,
Зноем тела опаляя. Теперь для себя отыщи ты
Место в тени под скалой и вином запасися библинским.
Сдобного хлеба к нему, молока от козы некормящей,
Мяса кусок от телушки, вскормленной лесною травою,
Иль первородных козлят. И винцо попивай беззаботно,
Сидя в прохладной тени и насытивши сердце едою,
Свежему ветру Зефиру навстречу лицо повернувши,
Глядя в прозрачный источник с бегущею вечно водою.
Часть лишь одну ты вина наливай, воды же три части».

Итак, безусловно, рассмотренные выше взгляды, наблюдения и суждения Гесиода, отразившиеся в поэме «Труды и дни», подчеркивающие яркую индивидуальность автора, были весьма важные для рождения будущей как философской, так и исторической мысли. Именно поэтому,

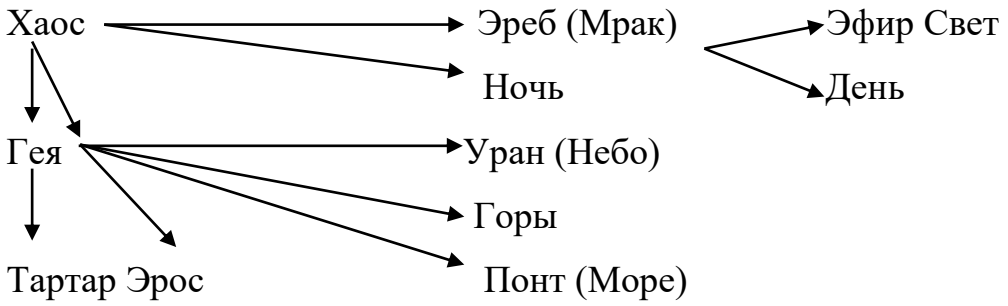
возникнув в одно время, вскоре после VIII в. до Р.Х., оба эти знания параллельно развиваются вплоть до сегодняшнего дня.

В поэме «Теогония» Гесиод систематизировал мифолого-религиозные представления греков и дал последовательную картину рождения мира, богов и героев, составив их генеалогию. С рационалистических позиций он дал объяснение религиозно-мифологической идеологии эллинов. В своей поэме Гесиод представил вереницу образов, олицетворявших природные и общественные силы, приведенных в единую систему. В этих образах первостихий, казалось бы, мифологических, угадываются, как отметил У.фон Виламовиц-Мёллендорф, контуры будущих основных категорий греческой натурфилософии: в Хаосе заключена идея пространства, в Гее-материи, в Эросе – движения. В отечественной литературе эту точку зрения развил С.Я. Лурье[31].

После небольшого вступления, в котором стихи 1-8, 22-34, 104-115 рассматриваются исследователями как наиболее древние, поэт переходит к первой части своей поэмы, где рассказывает об элементарной космологии, предшествующей теологии, (ст.119-125). Так, из Хаоса рождаются Мрак (Эреб) и Ночь. От сочетания Мрака и Ночи рождается Свет (Эфир) и День. Вслед за Хаосом появилась Гея, широкогрудая богиня Земля. В глубинах земных находился сумрачный Тартар. Из Хаоса появился один из древнейших богов и вместе с тем самый молодой Эрос. Гея породила Небо (Уран), горы и море (Понт). Графически это описание Гесиода можно представить следующим образом:

---

[31] Лурье С.Я. Очерки по истории античной науки. М.: Л., 1947. См. к этому также Рожанский И.Д. Развитие естествознания в эпоху античности. Ранняя греческая наука «О природе». М., 1979 С.115 и сл.; Л.Я. Жмудь. Зарождение истории науки в античности. Санкт-Петербург, 2002. С.44 с сл.; Драч Г.В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М., 2003. С. 71сл.

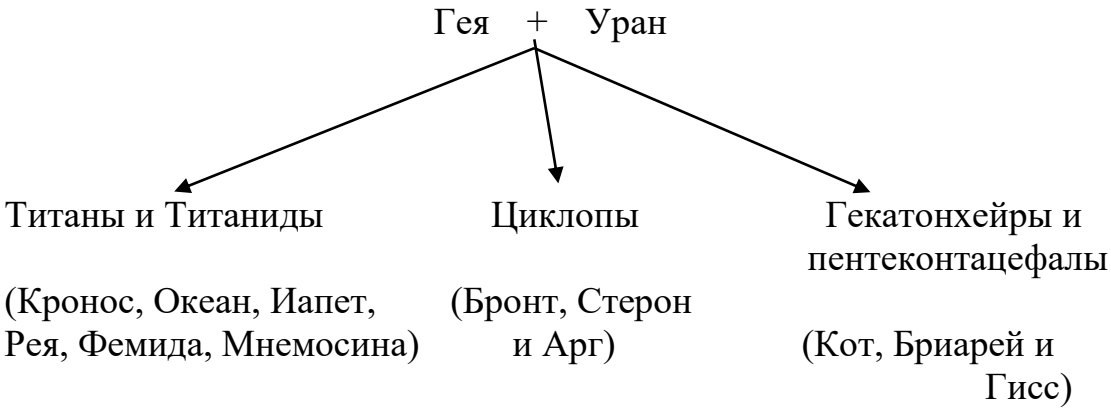
После этого Гесиод переходит к описанию происхождения богов (Теогония) (ст. 126-450), к первому поколению которых, родившемуся от Геи и Урана, относились титаны и различные фантастические чудовища. Титанами и Титанидами были Кронос, Океан, Иапет-отец Прометея, Рея-мать Зевса, Фемида (Правосудие), Мнемосина-мать Муз. От Геи родились также трое Циклопов, имевшие по одному круглому глазу во лбу, а также трое гигантских чудовищ, имевших по сто рук и пятидесяти голов. Они были олицетворением сильных порывов ветра гибельных для человека природных явлений.

Гомер также упоминает об элементарной космологии, но он совершенно не говорит о рожденных Геей и Ураном титанах, циклопах и чудовищах, а сразу переходит к характеристике богов. Причина скорее всего в том, что Гомер стремился дать систематизированное завершение греческой мифологии. Его интересовали боги, принимавшие участие в Троянской войне одни на стороне ахейцев, другие – троянцев. Гесиод же, стремясь изобразить последовательную картину развития греческих религиозно-мифологических представлений описывает образы, возникшие в самый ранний период и соответствующие, как отмечал французский антрополог Леви Брюль, уровню конкретно-чувственного мышления.[32]

[32] Брюль Леви. Первобытное мышление / русск. перев. М., 1930; он же Сверхъестественное в первобытном мышлении / русск. перев. М., 1937, репринт. М., 1994.

У Урана и Геи было от 12 до 45 детей. Уран возненавидел их и боялся, что они свергнут его. Поэтому он многих из них отправлял в Тартар. Кронос в сговоре с матерью Геей оскопил Урана. Из пены, вздыбившейся из брошенной в море плоти, родилась Афродита.

Первое поколение, рожденное от Геи и Урана, графически можно представить следующим образом:

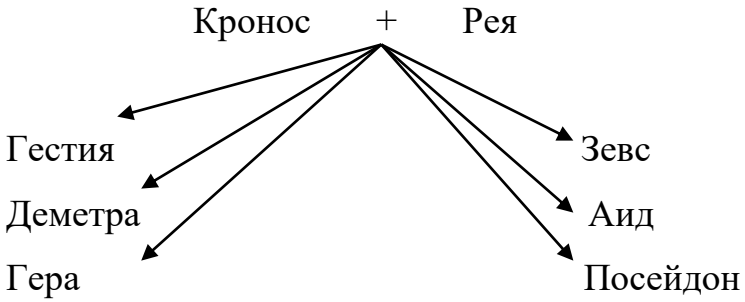

Далее Гесиод рассказывает о семьях титанов. Ночь порождает Смерть, Сон, Судьбу, Гнев, Обман, Любовь и многих других демонов (ст. 211-440).

К фантастическим образам, известным по вазовой живописи, принадлежат и дальнейшие поколения титанов, связанные с морской стихией. От этого же поколения рождаются Гелиос (Солнце), Селена (Луна), Эос (Заря), Звезды, Ветры.

От титана Иапета и океаниды Климены родились Атлант, Менетий, Прометей и его брат Эпиметей. За строптивый и независимый характер Зевс наказал Атланта, заставив его удерживать небесный свод, Менетия же отправил в мрачный Эреб, а Прометея за то, что он противился Зевсу, строил ему разные козни и дал людям огонь, похитив его в Чертогах Зевса, он приковал к вершине Кавказской горы и ежедневно посылал орла, чтобы тот пожирал у титана печень, которая за ночь отрастала.

Вслед за поколением Титанов и Титанид появляется второе поколение богов, рожденных Кроносом и Реей. Появились боги Гестия (Веста), Деметра, Гера, Аид, Посейдон и Зевс (ст.450).

Кронос очень боялся, что кто-либо из потомков Урана захватит первенство и станет властителем среди богов и титанов. Поэтому он «пожирал» каждого из новорожденных, кто попадал ему на колени. Рея обманула Кроноса и вместо младенца дала ему камень, завернутый в пеленки. Зевс же был воспитан на Крите и, когда достиг могущества, он лишил Кроноса власти. Он вернул из Тартара детей Геи и Урана – гигантов. С их помощью Зевс одержал победу над титанами. Согласно Гесиоду, борьба происходила между богами – Титанами, обитавшими на Офрийской горе в Фессалии и богами, рожденными Реей от Кроноса, жившими на вершинах горы Олимп.

Спор Зевса с Титанами отражает время существенных изменений в первобытном состоянии человечества, когда на смену палеолиту и мезолиту наступил новый каменный век (неолит), в течение которого человечество совершенствовало орудия труда, стало переходить от добывающего хозяйства к производящему. Кровнородственные отношения постепенно трансформировались и возникли семейно-родовые и территориальные общины. Наблюдался переход от политеизма к генотеизму, (т.е. от многобожия к преобладанию среди многих богов одного) в ходе которого формировался пантеон греческих богов во главе с громовержцем Зевсом. Важнейшей чертой греческого политеизма был

ярко выраженный антропоморфизм, т.е. греческие боги и внешним видом и поведением были подобны людям.

Гигантомахия, описанная Гесиодом, получила свое отражение на фризе алтаря Зевса в Пергаме, построенного во II в. до Р.Х. Это было огромное сооружение. Площадь алтаря 37/34 м, высота 9 м. Фриз имел в длину 120м. Алтарь был двухэтажным. На второй этаж вела лестница из 20 ступеней. На втором этаже был еще один фриз, где был изображен миф о Телефе, сыне Геракла. Он был царем Мизии и участвовал в войне с ахейцами. В сражении он был ранен Ахиллом. Рана не заживала, так как оракул предсказывал, что излечит рану тот, кто ее нанес. Телеф похитил Ореста, сына Агамемнона, и, угрожая убить его, потребовал от Агамемнона помощи. Агамемнон убедил Ахилла излечить рану Телефа. В это же время оракул возвестил ахейцам, чтобы они взяли Телефа в качестве проводника и он укажет им дорогу в Трою.

Гесиод дал также подробное описание подземного царства Аида и Персефоны – Тартара (ст.730-810), который в христианской религиозной мифологии стал соответствовать аду.

В борьбе за господство над богами и людьми Зевсу предстояло еще победить Тифона – чудовище, рожденное Геей от союза с Таратаром. После того как Зевс его одолел, его власть была упрочена окончательно. В этой победе ему помог Геракл.

Итак, рассказ Гесиода о войне Уранидов (сыновей Урана) с Кронидами (сыновьями Крона), получившей название битвы титанов, из которой Зевс вышел победителем, отражает господство олицетворенных в соответствующих образах темных могущественных противостоящих человеку сил природы. Победа же Зевса, напротив, демонстрировала способность человека адаптироваться к тяжелым природным условиям. Гесиод показывает, что сила возрождения при помощи основных

деятельных начал в природе, олицетворенных в образе титанов, развиваясь в своем безостановочном процессе, всякий раз обновляет ее, равно как и человеческое общество. И это повторяется вечно и так неизменно, что самые страшные перевороты на земле: землетрясения, бури, ураганы, наводнения также как и общественные катаклизмы не препятствуют этим силам возрождения, а скорее содействуют дальнейшему совершенствованию нового мироуправления, связанного с образом и деяниями Зевса, символизировавшего возникновение нового этапа в развитии греческого политеизма, характеризовавшегося признанием господствующего положения одного бога над людьми и остальными богами и связанного с этим процесса формирования греческой полисной системы.

Как уже было сказано, победа Зевса олицетворяла обновление природы и общества. Оно сопровождалось интенсивным оплодотворением и демографическим взрывом. Это, безусловно, объясняет рассказ Гесиода о многоженстве Зевса и множестве рожденных от него детей. Среди богов и богинь, для которых Зевс считался отцом, Гесиод называет Афину, Персефону, девятерых муз, Аполлона, Артемиду, Гермеса, Диониса и др.

Таким образом, гомеровский и послегомеровский циклический и дидактический эпос послужил основой как для философских наблюдений, получивших свое развитие в произведениях философов-прозаиков и поэтов в Ионии (Милеет, Эфес, Колофон) и в южной Италии (т.н. элейская философская школа), так и для развития историописания.

Глава 3. Раннегреческая лирика и ее влияние на развитие исторической мысли в Древней Греции

3.1. Калин, Архилох, Семонид Аморгский и Тиртей.

Наряду с эпическими памятниками на развитие исторической мысли оказала значительное влияние и раннегреческая лирика, особенно элегическая и ямбическая поэзия. Лирическая поэзия в Греции возникла уже в эпоху сформировавшихся полисов. Поскольку полис возникал как гражданская община, то в нем приоритетным становилось частное право. Поэтому личность в полисе являлась сама себе господином. Законы утверждались самими гражданами. Общественная жизнь для гражданина полиса приобретала огромное значение. Индивидуум старался понять, улучшить и защитить реальность. Возникала масса причин, пробуждавших индивидуальные чувства и переживания у греков. Утверждавшаяся идея гражданского патриотизма вовсе не подавляла индивидуальную свободу, но, напротив, создавала условия для еще большего ее проявления. Интерес к общественной жизни порождал микрособщества или микроколлективы: семья, религиозные сообщества, профессиональные объединения, товарищеские союзы, пирушки. В этих микроколлективах индивидуальные чувства не только не подавлялись, но еще более раскрывали себя. Все это требовало для своего выражения индивидуального голоса поэта[1]

Древняя поэзия связана с музыкальным сопровождением. Древними же музыкальными инструментами были кифара, флейта и ямбик (или

[1] О раннегреческой лирике см. Ярхо В.Н., Полонская К.П. Античная лирика. М., 1967. С. 6 сл. Bern A.R. Lyric Age of Greece. Lond., 1960; Bowra C.M.: 1) Early Greek Elegists. Cambr., 1938. (repr. 1959; 2) Greek Lyric of Poetry, 2nd ed. Oxford, 1961. Lesky Albin. Geschichte der griechischen Literatur. Münch., 1971. S. 132 ff; Podlecki A.J. The Early Greek Poets and Their Times. Vancouver, 1984; Фролов Э.Д. Факел Прометея…С. 56сл.; Эллинские поэты. VIII-III вв. до н.э. Эпос, элегия, ямбы, лирика. Издан. Подготов. М.А. Гаспаров, О.П. Цыбенко, В.Н. Ярхо / Под ред. М.А. Гаспарова. М., 1999; Дилитте Д. Античная литература. М., 2003. С. 77 сл.; Радциг С.И. История древнегреческой литературы. М., 1977. С. 122 сл.

клепсиамб)[2]. Первоначально существовал естественный кифародический музыкальный ном (νόμο▪), т.е. напев или мелодия. С именем Терпандра из Лесбоса связана реформа, согласно которой он довел число таких номов до 7 и увеличил число струн кифары до 8. Другой вид мелодии, связанной с флейтой, принесен в Грецию из Фригии. Реформатором этого вида мелодии был некий Олимп. Таким образом, номы Терпандра и Олимпа были первыми лирическими жанрами. Другими жанрами были элегия и ямб. Элегия происходит от ℳ☯ℳγο▪ – азиатское слово, обозначавшее тростниковую флейту. Первоначально элегии были двустишьями, состоящими из гекзаметра (шестистопного стиха и пентаметра (пятистопного стиха). Начиная с VII в., элегия исполнялась без сопровождения музыкального инструмента и использовалась для передачи всякого рода размышлений или личных впечатлений. Это мог быть серьезный разговор, поучение, трогательное откровение.

Ямб связан с культом Деметры. Одна из версий гласит, что Деметра в поисках своей дочери Персефоны прошла в Элевсин, там ее рассмешила служанка по имени Ямба своими шутками. Ямб в древности и служил часто для передачи пародийной сатиры. В музыкальном исполнении ямбический жанр сопровождался музыкальным инструментом, который назывался, как уже отмечено, ямбиком или клепсиамбом, происходившим из Фригии. На этом основании, согласно другой версии, Фригия считается родиной ямба. Также как и элегия, ямб, начиная с VII в., стал исполняться без музыкального сопровождения. Между ямбом и элегией при всем их

[2] О музыкальных инструментах и музыкальной тональности см.: Sakis C.: 1)Die Musik der Antike. Handbuch der Musikwissenchaft. Potsdam, 1928; 2) Handbuch der Musikinstrumentenkunde. 2Aufl. Lpz., 1932; Huchzermeyer H. Aulas und Kithara. Dies. Münster., 1931; Schottländer J.W. Die Kithara. Die Kithara. Diss. Berlin, 1933; Gombosi J. Tonarten und Simmungen der antiken Musik. Kopenhag., 1939; Harvey A.E.The Classification of Greek Lyrik Poetry // Class. Quart. 1955. Vol. 5. P. 157ff; Winnington-Ingram R.P. Ancient Greek Music 1932-1957 // Lustrum. 1958. Vol. 3, 1955. Vol. 5.

различии есть немало общего. Оба эти жанра выражали разговор, размышление, личные впечатления и переживания и исполнялись без музыкального сопровождения. Поэты – представители этих жанров являлись выразителями общественных настроений в греческом полисе[3].

Одним из древнейших элегических поэтов был Каллин из Эфеса. (нач. VII в. до Р.Х.) в М.Азии, которая в это время находилась под угрозой киммерийского завоевания. Каллин призывал граждан в этой обстановке не оставаться равнодушными. Элегия Каллина уже напоминала политическую речь:

«Скоро-ль воспрянете вы? Когда ваше сердце забьется
Бранной отвагой? Ужель, о нерадивые, вам
Даже соседей не стыдно? Вы мыслите, будто под сенью
Мира живете, страна-же грозной объята войной»
[Призыв к согражданам I (1)]

К сожалению, сведения о Калине можно почерпнуть только из произведений позднейших авторов. Страбон (XIV.40.647), Климент Александрийский (Stromat. I.144), Стобей (Florig L. 1.19) сообщают, что он был старшим современником Архилоха. Поэт рассказывает о войне с киммерийцами, в результате которой пострадал цветущий некогда город Магнезия.

[3] О ямбе и элегии см.: Anthologia lyrica graeca von E.Diehl, fasc.1-3 in 3 Aufl. Lpz., 1949-1952; Edmonds J.M. Greek Elegy and Iambus 2 Loeb. Class. Libr. Lond., 1954; Wirth G. Griechische Lyrik. Hamburg., 1963; Campbell D.A. Greek Lyric Poetry. A Selection of Early Greek Lyric Elegiae and Iambic. Lond., 1967 (with the Comment.); Bethe E. Die Griechische Diehtung Potsdam, 1924; Bowra C.M. Greek Lyric Poetry. Oxf., 1936; Burn A.R. The Lyric Age of Greece Lond., 1978; Nestle W. Geschichte der griechischen Literatur. Berlin, 1942; Wilamowitz-Möllendorff U. Kleine Schriften. Klassische griechische Poesie. Berl., 1971. Bd I.; Ранняя греческая лирика (Миф, мировоззрение, культура, стиль) СПб, 1999; Дилите Д. Ук. соч. С. 77-98. О ямбе и элегии см. Lesky A. Geschichte der griechischer Literatur…S. 134-148.

Из сохранившихся немногим более 20 стихов поэта у Страбона и Стобея наиболее цельное представление о настроениях поэта может дать фрагмент, где Калин обращается к молодым воинам, призывая их воспрянуть духом и помнить, что война угрожает многим греческим городам. Поэт напоминает, что почетно сражаться за родную землю, детей и супругу. Обязанность каждого, когда начнутся военные действия, идти вперед с обнаженным мечом:

«… Пусть, умирая, копье хоть напоследок метнет.

И достохвально и славно для мужа за родину биться,

Биться за малых детей, за молодую жену с ворогом злым…»

«Ныне вторгается к нам киммерийцев орда нечестивых»

[Там же 2 (3)]

Древнейшим поэтом – ямбистом был Архилох, живший в VII в. до Р.Х. на острове Парос (680-640 гг.), хотя и у него можно найти немало гражданских мотивов в лирике[4]. Архилох происходил из обедневшей аристократии, он воин и участник колонизации острова Фасоса. У него обнаруживается уже пренебрежительное отношение к нравственным принципам гомеровской эпохи, для которой главной ценностью была военная доблесть. Гомеровские герои считали святотатством, если оружие

[4] Об Архилохе см.: издания: Lassere F.-Bonnard A. Collection des Université de France. Paris, 1958; Trau M. Tusculum Bucherei Münch. 1959 (mit. Komment. und Literat). Neue Inschrift: Peek W. Neues von Archilochos // Philologos. 1955. Bd. 99. S. 4; Merkelbach R. // Rheinische Museum, 1956. Bd. 99. S. 122, A. 62. Neu Fragmente: Ox. Pap. 22. 1954. № 2310-2319; 23, 1956. №2356; 30, 1964. № 2507. К этому см. Latte K. //Gnomon. 1955. Bd 99. S.492; Peek W. Die Arhilochosgedichte von Oxyrhynches I // Philologos.1955. Bd. 99. S. 199; II // Philologos. 1956. Bd. 100. S. 1; Эллинские поэты / Отв. ред. М.Л. Гаспаров М., 1999. Архилох. С. 217-231. Исследования: Gundert H. Archilochos und Solon. Das Neue Bild der Antike I. Lpz., 1942. S. 130; Wolf F. Untersuchungen zu Arhilochos Epoden. Ein Auseinendersetzung mit Francois Lasserre «Les Epodes d´Archiloque» Diss. Hall, 1966.

достанется врагу (можно вспомнить сражение между ахейцами и троянцами из-за доспехов Патрокла).

Архилох же ради спасения собственной жизни, бросив щит на поле брани, ничуть не сокрушается. Для него главное – это сохранить жизнь, а щит, как он говорит, новый добудет:

« Носит теперь горделиво саисец мой щит безупречный
Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.
Сам я кончины, зато избежал. И пускай пропадет
Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я добыть»
[Воин и поэт 5 (5)]

Это более всего свидетельствует о развившемся чувстве индивидуализма. Архилох сумел передать неустойчивость и непрочность общественных отношений, сравнив государство с кораблем, терпящим бедствие. В стихотворении о кораблекрушении он призывает к стойкости и твердости духа:

«… Лучших людей поглотила волна многошумного моря,
И от рыданий, от слез наша раздулася грудь,
Но и от зол неизбывных богами нам послано средство
Стойкость могучая, друг, вот это божеский дар.
То одного, то другого судьба поражает: сегодня
С нами несчастье, и мы стонем в кровавой беде,
Завтра в другого ударит. По-женски не падайте духом,
Бодро, как можно скорей, перетерпите беду»
[Кораблекрушение у Пароса, 47(13)]

Поэт даже бросает вызов судьбе, говоря:

«Я ничего не поправлю слезами, а хуже не будет,
Если не стану бежать сладких утех и пиров»
[Там же 51 (11)]

Для Архилоха свобода – главное условие жизни. Он рассказывает басню о независимом волке, который не пожелал носить ошейник, увидев, что он оставляет на шее собаки позорный след.

Архилох – поэт с философским складом ума. Идея борьбы добра и зла, правды и неправды нашла отражение в басне о лисице и орле. Лиса отомстила орлу за похищение им лисят тем, что в подложенное ею мясо спрятала горящие угли. Орел схватил мясо с углями и унес к себе в гнездо. Гнездо загорелось и его птенцы погибли.

Философское отношение Архилоха к жизни отразилось и в известном стихотворении «Разговор со своим сердцем». Он был, вероятно, начитанным человеком, потому что мотивы его стихотворения перекликаются с идеями, отразившимися в XX песне Илиады, где Одиссей успокаивает свое сердце, видя беспорядки в своем доме, творимые женихами, а также в известном древнеегипетском памятнике Нового царства «Беседа разочарованного со своей душой». Архилох, обращаясь к своему сердцу, пытается познать ритм жизни и установить modus vivendi:

«Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой
Ободрись и встреть их грудью, и ударим на врагов!
Пусть везде кругом засады, - твердо стой не трепещи.
Победишь, - своей победы напоказ не выставляй
Победят, - не огорчайся, запершись в дому, не плачь
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт»
[Жизнеотношение, 29 (128)]

Так что в поэзии Архилоха ярко отразились индивидуальное переживание, личностное отношение к реальности и отчетливо выраженные гражданские мотивы.

Эти же настроения передавал и другой поэт Семонид-Аморгский, родившийся на Самосее в конце VII в. до Р.Х. и получивший затем права

гражданства на о. Аморг, где самосские эмигранты во главе с Семонидом основали колонию. Исследователи предполагают, что Семонид писал элегии, но не одна из них не сохранилась до настоящего времени. Но под его именем известны два довольно значительных произведения, написанных ямбом. Первое, состоящее из 24 стихов, получило название «Доля смертных». Поэт, обращаясь к юному слушателю, отмечает, что жизнь людей в руках богов, и никто не знает, когда Мойры оборвут жизненную нить. Несмотря на это, люди живут надеждами и стремятся к богатствам и благам, не думая о том, когда и каков им уготован конец их жизни. Поэтому, осознавая неотвратимость судьбы, Семонид, тем не менее, призывает своего юного слушателя не падать духом:

«Нейдет из бедствий мимо ни единое.
Но тысячи страданий, зол и горестей
Повсюду стерегут людей. По-моему,
Ни к бедствиям стремиться нам не нужно бы,
Ни духом падать раз они настигли нас».
[Дела смертных, 1 (1)]

Семонид был тонким наблюдателем, знающим психологию людей и не лишенным чувства юмора[5]. Это подтверждает его второе сочинение, состоящее из 118 стихов, посвященное женщинам. Семонид в сатирическом виде представляет десять женских характерных типов, как он подчеркивает, изначально сотворенных Зевсом. Женщины-грязнули происходят от свиньи, хитрые и коварные – от лисы, сварливые и злобные – от собаки, непостоянные, с двоящимся умом волне морской подобны и т.д. Лишь одну из них он называет «счастья даром», ту, что пчелою создана:

[5] Mare W. Der Character in der Sprache der früchgriechische Dichtung. Würzburg, 1938. S. 6f. (Kommentar); Radermacher L. Weinen und Lache. Wien, 1947. S. 156f.; Verdenius W.J. Semonides über die Frauen. Ein Kommentar zu frg.7 // Mnemosyne. 1968. Bd. 21. S. 132.

«Пред ней одной уста злословия молчат
Растет и множится достаток от нее;
В любви супружеской идет к закату дней,
Потомство славное и сильное родив.
Средь прочих жен она прекрасней, выше всех,
Пленяя прелестью божественной своей,
И не охотница сидеть в кругу подруг,
За непристойными беседами следя.
Вот лучшая из жен, которых даровал
Мужчинам Зевс – отец на благо, вот их цвет»
[О женщинах, 6 (7, 80-90)]

Классический образ женщины, сравнимой с пчелой, впоследствии многократно использовался писателями и поэтами. Он вошел и в Ветхозаветную литературу, прославленный в притчах Соломоновых:

«Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчугов. Уверено в ней сердце мужа, и он не останется без прибытка. Она воздает ему добром, а не злом во все дни жизни своей. Добывает шерсть и лен и с охотою работает своими руками. Она встает еще ночью и раздает пищу в доме своем…задумает она о поле и приобретает его; от плодов рук своих насаждает виноградник; протягивает руки свои к прялке и персты ее берутся за веретено. Она делает ковры и покрывала; виссон и пурпур – одежда ее. Уста свои она открывает с мудростью, и она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности. Муж ее известен у ворот, когда сидит со старейшинами земли. Встают дети и ублажают ее, муж хвалит ее: много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их». (Библия. Ветхий Завет. Книги Притчей Соломоновых, 31.10-29)

Отношение к женщине в древности не всегда было одним и тем же. Оно менялось по мере того, как в обществе наблюдался переход от добывающего хозяйства к производящему, основанному на плужном

земледелии, скотоводстве, ремесле. Именно в это время утверждались патриархальные отношения. Поэтому возвышенный образ добродетельной женщины, жены, несомненно, рожден мужским воображением и потому столь мил и приятен мужской части населения. Отсюда в сочинениях, посвященных описанию домашнего хозяйства, по аналогии с трактатом Ксенофонта получивших название «Домострой», добродетельной женой является та, которая, во всем подчиняясь мужу, трудолюбива как пчела. Но такое одностороннее понимание мужской половиной населения роли женщины, начиная с античности (см. Комедию Аристофана «Женщина на народном собрании») у самих женщин вызывало недовольство, которое в новое и новейшее время переросло в борьбу женщин за свои права. Но, к сожалению, еще далеко не во многих странах сегодня женщины добились гражданских прав. К числу этих государств относятся европейские государства (главным образом Скандинавия) и США. Наша страна, к сожалению, в число этих государств не входит.

Среди эллинских элегических поэтов особенно следует отметить имена Тиртея, Солона и Феогнида. Имя Тиртея окружено легендой. Платон (Законы I.629A), оратор Ликург (Речь против Леократа 106-107A) и Павсаний (Описан. Эллад IV.15.599) рассказывают о том, что лакедемоняне, терпя неудачи во время второй Мессенской войны, обратились к дельфийскому оракулу и получили прорицание, по которому следовало просить помощь в Афинах. В ответ на просьбу спартанцев афиняне послали хромого школьного учителя Тиртея. К удивлению афинян он своими элегиями поднял дух лакедемонских воинов, и они одержали победу над мессенцами[6].

Историческая критика нового времени рассматривает этот рассказ как тенденциозную выдумку афинян. С большим основанием следует говорить о спартанском происхождении поэта. Он себя причисляет к тем,

[6] Prato C. Tyrtaeuns Fragmenta et veterum testimonia. Rom., 1968.

кто вместе с Гераклидами пришли в землю Пелопа и поселились в Спарте, в городе, который, как он говорит, стал для него родным. Тиртей себя считал современником царя Феопомпа и возможно под его руководством участвовал во второй Мессенской войне, в которой упорно сражались в течение 20 лет. Лишь на 20-м году Мессения была завоевана и «враг, покинув пышные нивы, от Ифомы-горы, с круч неприступных бежал». На этом основании устанавливается время его жизни VII в. до Р.Х. Вторая Мессенская война началась около 640 г. до Р.Х. Эта хронология подтверждается Страбоном, Евсевием и Свидой.

Поэтическое наследие Тиртея сохранилось главным образом в виде более или мене длинных выдержек у поздних авторов (оратор Ликург, Дион Хрисостом, Плутарх, Павсаний, Стобей). В элегии, которая получила название «Благозаконие» (об этом см. Страбон. VI-III.3. С.279, VIII-IV.10.С.362) и насчитывающей более 20 стихов, поэт рассказывает об основах спартанского государственного строя. Спартанское благозаконие, по мнению поэта, было обусловлено тем, что сам город дарован Гераклидам Зевсом, а его устройство дано спартанцам Аполлоном в Дельфах:

«Зевс Гераклидам вручил город, нам ныне родной.
Так нам из пышного храма изрек Аполлон-дальновержец,
Златоволосый наш бог, с луком серебряным царь:
Пусть верховодят в совете цари богочтимые, коим
Спарты всерадостный град на попечение дан,
Вкупе же с ними и старцы людские, а люди народа,
Договор праведный чтя, пусть в одномыслии с ним
Только благое вещают и правое делают дело,
Умыслов злых не тая против отчизны своей,-
И не покинет народа тогда ни победа, ни сила!
Так свою волю явил городу нашему Феб».

[Благозаконие, 1 (1а)-2(1в)]

Ряд элегических отрывков обращен и к воинам с целью поднять их дух:

«… Ибо тому не бывать воином храбрым в бою,

Кто не дерзнет смелым оком взглянуть на кровавую сечу

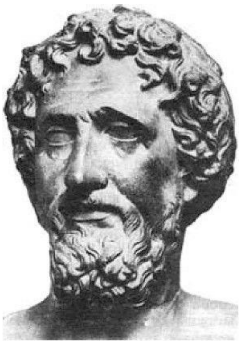
Или, к врагу подойдя, руку над ним занести.

В этом вся честь, и лишь это сочтется за подвиг отменный,

Лучший из подвигов всех для молодого бойца».

[К согражданам, 7(9)]

Погибнув, такой воин прославит свой город, род. Граждане будут оплакивать его, его могила, дети, внуки и потомки, равно как и память о нем, будут навеки овеяны славой. Храбрецу же, оставшемуся в живых, граждане всех возрастов и жены будут высказывать знаки всеобщего уважения и почтения. Кроме элегий Тиртею приписываются также маршевые песни (элебатерии), сочиненные им на родном дорийском диалекте.

3.2. Солон и Феогнид

Гражданские мотивы получили отражение также в произведениях Солона и Феогнида. Несмотря на то, что

оба поэта принадлежали к обедневшим аристократическим родам, первый выступал в качестве примирителя распрей между аристократией и демосом[7], другой – жаждал испить ***Солон***крови ненавистного ему народа[8]. Сохранились две античные биографии Солона: одна – в сочинении Плутарха (Sol.213; 23.1; 24.2), составившего жизнеописание политических деятелей, другая в трактатах Диогена Лаэртского по истории греческой философии (I.13, 28; 41-44; 45-67; 93; 101; 102; 112; 113; II.13; III.1). От наследия самого Солона остались только около 300 строк цитируемых другими авторами, среди которых следует, прежде всего, назвать Аристотеля. Благодаря его «Афинской политии» сохранилось значительное число стихов поэта.

Солон – выходец с Саламина[9] – принадлежал к одному из знаменитейших родов в Афинах, к роду Кодридов. Но по причине

---

[7] О Солоне см. Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 120сл. Суриков И.Е.: 1) Проблемы афинского законодательства. М., 2004. С. 55-144; 2) «Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы // ВДИ. 2005. №3. С.151-161; 3) Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 72-150; Туманс Х.: 1) Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла. СПб., 2002. С. 232-259; 2) Еще раз об аристократизме и «буржуазности» Солона // ВДИ, 2007. №2. С. 19-39; Solon of Afhens. New Historical and Philological Approaches / Ed.J. Blok, A. Lardinois // Mnemosyne. 2006. 272 (цитир. по упомянутой выше статье Х. Туманса «Еще раз об аристократизме и «буржуазности» Солона». С. 19. прим.2). Lesky A. Geschichte der griechischer Literatur… S. 148-155. E Ruschenbusch ✓□❖●□■ ⩤□❖❍□⌘. Die Fragmente des solonischen Gesetzeswerkes mit einer Text – und Uberlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966. Lesky A. Geschichte der griechischer Literatur. Bern, 1971. S.148-155 (Solon). Gagarin M. Early Greek Low. Berl., 1986. Erler M. Das Recht (Dike) als Segensbringerin für die Polis // Studi Italiani di Filologia Classica. 1987. 3 rd ser 5. P. 5-36. Солон // Эллинские поэты VIII-III вв. до н.э. Эпос, элегия, ямбы, мелика / Издан. Подгот. М.Л. Гаспаров, О.П. Цыбенко, В.Н. Ярхо. М., 1999. С. 245сл.

[8] Доватур А.И. Феогнид и его время. Ленинград, 1989. С. 25 сл.

[9] И.Е. Суриков считает, что его родиной были Афины, а не Саламин и мнение Дидора (IX.1) и Диогена Лаэртского (I.45) считает ошибочным

разорения своего отца Эксекестида в юности он жил в бедности, лишь к зрелым годам Солон, проявив деловую опытность, ум и предприимчивость, разбогател. Вернувшись в Афины около 610 г. после длительного отсутствия, он обнаружил город в удручающем состоянии. Афины в это время сотрясали глубокие социальные противоречия между знатью и формировавшимся демосом. Господствующее положение занимала аристократия, не считавшаяся с волей и желанием других людей. Большинство афинян было задавлено долгами и лишилось земли. Всех угнетала нравственная и религиозная подавленность, вызванная святотатством (убийством Килона, стремившегося к тирании в 20-е гг. VII в. до Р.Х., и его сторонников, искавших защиты у алтарей богов). Противоборствующие стороны отличались особой жестокостью. Поскольку Афины были ослаблены, Мегары, воспользовались удобной ситуацией, захватили Саламин, родину Солона. Остров был удобно расположен, защищая побережье Аттики и естественную бухту Пирей. Находясь в руках мегарцев, остров становился угрозой для Афин и препятствием для их морской торговли.

Попытки афинян возвратить остров оказались тщетны и власти полиса, смирившись с ситуацией, приняли закон, запретивший под страхом смертной казни предлагать гражданам вновь продолжать борьбу за Саламин. Тем не менее, стремление граждан возвратить остров не было полностью подавлено и, конечно, особенно тяготился утратой своей родины сам поэт. Поэтому он написал поэму «Саламин», из 100 стихов которой сохранилось только восемь. На основании рассказа Плутарха и двух первых строк поэмы можно представить, как Солон познакомил граждан со своим произведением. Скорее всего, он, явившись на агору под

(Суриков И.Е. Античная Греция. Политика в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика… С. 103). Однако серьезных аргументов, кроме недоверия к этим писателям, автор не приводит.

видом вестника, прибывшего с Саламина, стал декламировать свои стихи собравшимся афинским гражданам:

«Вестником я прихожу с желанного нам Саламина
Но вместо речи простой с песнью я к вам обращусь».

[Война за Саламин, 12(2)]

Далее он подверг критике преступное равнодушие афинян и предупреждал о грозящем им позоре, когда другие эллины будут считать афинян предателями:

«Я предпочту, чтобы родиной мне не Афины служили,
Но чтобы дали приют мне Фолегандр и Сикион.
Мы ведь дождемся того, что повсюду как клич пронесется:
«Родом и он из Афин, сдавших врагам Саламин».

Элегия заканчивалась воинственным призывом:

«На Саламин мы пойдем, сразимся за остров желанный
И прежний стыд, и позор с плеч своих сбросим долой».

[Там же]

Друзья поэта, особенно Писистрат, убедили афинян последовать зову Солона. Афиняне, избрав его своим предводителем, отвоевали Саламин. Но для того, чтобы доказать, что остров возвращен афинянами по праву, Солон, как сообщает Диоген Лаэртский, даже раскопал несколько могил, показав, что захоронения осуществлены в них по афинскому обычаю и надписи на гробницах высечены с упоминанием афинских демов, выходцами из которых были умершие. (Диог. Лаэрт. I.2.48).

Поэма «Саламин» принесла Солону известность поэта и политика.

К сожалению, возвращение Саламина и расширение афинских владений не привело к восстановлению внутреннего мира в Афинах. Избранный архонтом в 594 г. Солон провел серию реформ, ставших фундаментом для последующих демократических преобразований в Афинах. Я не буду здесь анализировать содержание его реформ, ибо это

тема специального рассмотрения, ставшая предметом исследования ряда современных ученых. Но об отношении к развернувшейся дискуссии о значении творчества Солона между И.Е. Суриковым и Х. Тумансом я изложу свое мнение в заключительной части моего раздела о Солоне[10]. Главное внимание необходимо обратить на цикл его элегических и ямбических произведений, от которых до наших дней дошло более 250 стихов. Эти произведения служили поэтическим комментарием к политической и реформаторской деятельности Солона. Кроме уже упомянутой поэмы «Саламин», современные исследователи выделяют такие циклы как «Благозаконие» (ℳ◆ɾνομία), разного рода наставления (◆☺ποθήκαι), стихи о своей реформе, некоторые послания к друзьям и современникам. Эти произведения, появившиеся после поэмы «Саламин», могут свидетельствовать о том, что Солон решил использовать уже оправдавший себя способ убеждения афинян с помощью поэзии.

Несколько элегий Солона посвящены бедственному положению Афин до его реформ. Длинный отрывок, состоящий из 40 стихов, сохранился в XIX речи Демосфена «О преступном посольстве». Современные исследователи считают, что эти строки относятся к поэме «Благозаконие». Хотя самое начало поэмы не сохранилось, но цитируемые Демосфеном строки, по-видимому, относятся к этой части поэмы. Солон верил во всемогущество бессмертных богов и с оптимизмом утверждал, что «великий город Афины вовек не погибнет». Тем не менее, сами граждане, отмечает Солон:

«… В неразуменье своем город великий
Ввергнуть в погибель хотят, думая лишь о деньгах,
И у народных вождей преисполнены думы неправды.

[10] См. упомянутые выше (прим. 39) работы И.Е. Сурикова и Х. Туманса, а также указаные и используемые ими новейшие работы зарубежных исследователей.

Но за великую спесь много нечастий их ждет:

Сдерживать гордых страстей не умеют.

Только о деньгах мечты их: владеть хоть нечестно стремятся».

Солон старался нащупать ту путеводную нить, которая сделала бы осмысленным человеческое существование. Считая стремление людей к богатству вполне естественным, он старался предотвратить людей от несправедливых и безнравственных поступков:

«Ежели боги богатство дадут, оно прочным бывает

От глубочайших корней вплоть до вершины самой,

Если же дерзостью люди берут, то приходит нестройно,

Несправедливым делам будет служить и тогда

Против желанья. Но быстро приходит беда роковая».

Солон убежден, что человек, добивающийся богатства или власти неправедным путем, нарушает нравственные нормы, теряет разумную меру и впадает в гордыню (◆❁βρι▪). Поэтому он гневно порицал тех, кто оказался под властью корыстолюбия:

«И богатеют они, злым предаваясь делам,

Сытость - надменности мать, коль приходит богатство большое.

Тут не щадят ничего ни сокровищ святых,

И ни народной казны; они грабят, откуда придется,

И не боятся совсем Правды уставов святых».

Корыстолюбие и гордыня ввергают город в тяжелое рабство или гражданскую смуту:

Так от рук супостатов терзается город желанный

В схватках взаимной вражды милых злодеям одним.

Бедствия эти в отчизне кишат, а из бедного люда

Многие угнаны прочь и на чужбину идут;

Проданы в рабство они и влачат там позорные цепи».

Обращаясь к этим супостатам и корыстолюбцам, Солон напоминает, что возмездие их настигнет:

«Но замечает конец всего Зевс и внезапно карает…

Этот казнится сейчас, тот позднее, но если избегнут

Сами и воля богов не свершится теперь,

Все же возмездье придет: неповинные после страдают –

Дети ли этих людей или позднейший их род».

[К Музам, 2.1.20]

Вместе с тем Солон понимал, что страх богов не всегда и не всеми воспринимался соответствующим образом, поэтому он напоминал и о более реальных и близких угрозах:

«Вы же в груди у себя успокойте могучее сердце:

Много досталось вам благ, ими пресытились вы

Знайте же меру надменному духу: не то перестанем

Мы покоряться и вам будет не по сердцу то».

[О своей реформе, 13(4)]

Однако насилие как способ решения проблем Солон отвергал и тиранию считал несправедливой властью. Поэтому он утверждал, что «даже если бы он хотя бы на один всего день стал в Афинах тираном, он дал бы содрать с себя кожу и весь погубить бы свой род». [О своей реформе, 16 (29ав)]. Солон подчеркивал, что там, где господствует корыстолюбие, жажда власти и попрание норм справедливости, неотвратимая язва разъедает все государство. В связи с этим Солон всей своей деятельностью старался утвердить в государстве благозаконие.

Поэтому можно сказать, что впервые в истории человечества Солоном провозглашена идея о господстве закона, сформулированная позднее благодаря Римскому праву как «верховенство закона»:

«Вот, что поведать велит мое сердце народу афинян:

Ведь беззаконье несет городу множество бед.

Где же законность царит, там порядок с согласьем бывает

Да и людям преступным она на ноги путы кладет;

Грубость смягчает, смиряет надменность.

…Правду в неправых судах водворяет дела дерзновенья

Сгладить умеет она и прекращает раздор.

Злобу жестокой вражды погашает, она и повсюду

Мудрость царит меж людьми вместе с согласьем при ней».

[Наставления афинянам, 30-35]

Опираясь на исторический опыт, можно сказать, что реформы, даже крайне необходимые для дальнейшего благоприятного развития общества, далеко не сразу приносят ожидаемый эффект. Лишь значительно позднее становится понятным их громадное значение не только политикам, но и большей части граждан. По этой причине и сами реформаторы часто становятся жертвами своих реформ. Солон был одним из первых в истории реформаторов, деятельность и судьба которого лучше всего подтверждают правильность высказанной мысли. Он стал избранным гражданами примирителем противоположных интересов аристократии и формирующегося демоса – эсимнетом, который с помощью реформ старался предотвратить опасность кровопролитной войны. И хотя Солону не удалось избавить свой город от тирании, тем не мене его реформаторская и просветительская деятельность способствовала тому, что Афины превратились в развитый демократический полис, в котором законы стали главным средством, удерживающим граждан от произвола[11].

Подводя итог своим реформам, Солон следующим образом говорит в одном из своих произведений:

---

[11] Об эсимнетах, эсимнетии как социальном посредничестве между демосом и аристократией см. Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса… С. 121 сл. Он же. Эсимнетия – выборная тирания или вид социального посредничества // Парадоксы истории – парадоксы античности. Санкт-Перетербург, 2004. С. 76-83.

«Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен

Не сократил его прав, не дал и лишнего зато

Также подумал о тех я, кто силу имел и богатством

Славился, - чтоб никаких им не чинилось обид

Встал я, могучим щитом своим тех и других прикрывая

И никому побеждать не дал неправо других».

[О своей реформе, 15(7)]

Именно поэтому Солон приобрел известность в истории как эсимнет (αίσ◆μνήτη▪), т.е. избранный народом правитель, вставший над противоборствующими сторонами и старавшийся их примирить своими реформами. Но по причине свойств человеческой психики, с одной стороны, и невозможности из-за краткости времени утвердить в сознании большинства людей приоритет законности, вытеснив беззаконие сторон, они были недовольны Солоном, так как он не оправдал их сиюминутных ожиданий. Демос рассчитывал на то, что Солон произведет передел всего, в том числе и земли, знатные же надеялись, что он сохранит им полное господство, лишь осуществив некоторые изменения. Но Солон предпочел навлечь на себя гнев тех и других, но зато спасти отечество, предоставив в нем господство законности.

Неудивительно, когда появился популистский лидер, каковым оказался Писистрат, народ тут же бросился в его объятия. Солон предостерегал граждан о злонамерении, хитрости и коварстве Писистрата, подчеркивая, что «ослепленный народ станет рабом властелину». Солона объявили сумасшедшим, но он на это ответил:

«Точно ли я сумасшедший, покажет недолгое время:

Выступит правда на свет, сколько ее не таи».

[Диог. Лаэрц.1.2.49]

Не убедив афинян, Солон покинул город. Согласно Плутарху (Плут. Сол. XXV), он заявил гражданам, что покидает город на 10 лет, надеясь,

что за это время они привыкнут к его законам. Когда уже после отъезда из Афин Солон узнал, что Писистрат стал тираном, он обратился к афинянам с таким увещеванием:

«Если беда вас настигла по слабости вашей постыдной,
То и богов обвинять нечего вам за нее.
Сами ведь этих людей вы усилили, дав им защиту,
И получили за то рабство лихое в удел.
Каждый из вас в одиночку лисиной поступью ходит;
Вместе же всех, коль возмешь, разумом слабы совсем.
Вы на язык лишь глядите и речи лукавого мужа,
Но не глядите совсем, что происходит кругом»
[Против единовластия, 20(15)]

Будучи человеком преклонного возраста и не желая возвращаться в Афины, оказавшиеся под властью тирана, Солон, как сообщает Диоген Лаэртский [Диог. Лаэрц.1.2.63], умер на Кипре, прах его был перезахоронен в родной Саламинской земле:

«Тело Солона огонь на Кипре пожрал отдаленном
Кости приял Саламин, злаком из праха взросли.
Дух же его к небесам вознесли скрижальные оси,
Ибо афинянам был легок Солонов закон».

Имя Солона, может быть единственное среди других поэтов раннегреческой лирики, сохраняется в памяти многих людей, даже специально не занимающихся античной историей и культурой, с того времени, когда они впервые услышали об этом человеке в начальных классах средней школы. Солон не только поэт, он политик и реформатор.

И.Е. Суриков, давая краткий обзор научной литературы, посвященной творчеству Солона, высказывает, как мне кажется, пессимистическое мнение. Он считает, что в исследовании деятельности Солона якобы «наступило признание недостаточно плодотворной

предыдущей работы в этом направлении». Автор считает, что «писать о Солоне так, как писали еще несколько десятков лет назад, уже решительно невозможно (веря в массовую задолженность крестьян и их обезземеливание в Аттике конца VII в. до н.э., где не было еще ни стенохории, ни денег, ни значительного имущественного расслоения; говоря о борьбе демоса с аристократией за власть в условиях, когда этот самый демос не имел ни организации, ни самостоятельно осознанных целей и двигался всецело в русле соперничества аристократических политических группировок, слепо веря всему, что сообщают о Солоне Аристотель или тем более Плутарх, отделенные от него веками. Но как писать. А вот этого, похоже, пока никто не знает. Старые подходы в известной мере дискредитированы, новые еще не обрели право на существование. Не удивительно, что все меньше находится желающих обращаться к данному сюжету»[12].

Далее, характеризуя российское антиковедение, И.Е. Суриков почему-то утверждает, что «переоценка ценностей» его не коснулась. Исследователь считает, что «в отечественной литературе об этом законодателе предпочитают не писать. Монографий на русском языке, посвященных Солону, нет. Наиболее значительные статьи выходили уже довольно давно в 30-50 гг. а к настоящему времени при всех их достоинствах они просто не могли не устареть. На этих работах лежит, несомненно, печать эпохи»[13].

Размышляя над рассуждениями И.Е. Сурикова, прежде всего хочу отметить, что история как гуманитарная наука предусматривает

---

[12] Суриков И.Е. Античная Греция. Политика в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 101-102. с последней фразой особенно трудно согласиться. На это указывает и дискуссия между Х. Тумансом и И.Е, Суриковым, о котором пойдет речь ниже и западноевропейские работы, которые появились уже после 2006 г.

[13] Там же.

отношение человека к прошлому, так сказать, диалог с прошлом. Но в отличие от естественных наук прошлое в данном случае отражено не в природных стихиях (огонь, вода, воздух, земля), а в событиях и поступках людей, которые запечатлены главным образом в письменных литературных памятниках. Сами эти памятники, составленные древними авторами, писателями, мыслителями, историками, сохраняют в большей или меньшей мере элементы субъективизма. Современные ученые, историки, ведущие диалог с прошлым, также не могут быть до конца объективными. Таким образом, историческая наука может быть в большей степени, чем естественные науки, не свободна от субъективного подхода.

Эту объективную данность надо признать и рассматривать историю как «зеркало, в которое смотрится современность. И каждый вправе смотреть в это зеркало своими глазами. Каждый из нас цитирует и обсуждает свидетельства древних авторов. И всегда кто-нибудь может истолковать эти свидетельства иначе. Но это тем более интересно»[14]. В этом и заключена одна из движущих сил науки. Другой движущей силой является время. Каждая эпоха, каждый исторический период создают вызовы, и исследователи пытаются дать на них ответы. Но поскольку исследователи – это люди, люди разные, каждый из них со своими представлениями, мировоззренческими позициями, традициями и воспитанием, поэтому в большей или меньшей мере отвечают его требованиям.

Поэтому переоценка ценностей в исторической науке – это важное явление. Это способ ее существования и дальнейшего развития. Отмечая, что традиционная концепция солоновских преобразований, которую автор рассматривает в своей работе, опирается на данные Аристотеля и Плутарха и творчество самого Солона, И.Е Суриков критически оценивает эту литературную традицию и высказывает ряд недоумений по поводу этой

[14] Остерман Л. О Солон! История афинской демократии. М., 2001. С. 5.

концепции. Автор задается вопросом, откуда Аристотель и вторящий ему Плутарх имели столь детальную информацию о социально-экономических и социально-политических реформах Солона, таких как сисахфия, разделение граждан на 4 разряда и т.д. Но если Аристотель не ссылается на свои источники, то это вовсе не значит, что их у него не было и он, сознательно обманывая своих современников и будущих читателей, распространял на архаический период реалии своего времени. Выдающимися современниками Аристотеля были наиболее известные авторы Аттиды, то есть составители летописи или хроники и истории Аттики Андротион и Филохор. Наиболее знаменитой была Аттида Филохора, состоявшая из 17 книг и охватывавшая всю историю Аттики с древнейших времен до 261г. При этом начало возникновения жанра, вероятно, положил сам Аристотель, возможно, вместе со своими учениками, составивший 158 трактатов о государственном строе греческих и варварских государств, из которых сохранилась только «Афинская полития». Но вполне вероятно ему было известно и сочинение Гелланика Миттиленсконо «История Аттики или Аттиды» в 4 книгах. Написано оно в летописной форме и рассказывалось в нем об основании городов, их истории с древности до конца Пелопоннесской войны. Фактически Гелланик был основателем целой плеяды так называемых Аттидографов. Так что Аристотель располагал весьма обширной информацией.

Две реформы Солона – сисахфия и деление населения Аттики на 4 разряда – связаны между собой. И.Е. Суриков совершенно правильно указывает на важное значение этих реформ, но почему-то считает, что они представляли лишь веху в «формировании афинского полиса» (С. 139). Я думаю, автор просто неточно сформулировал фразу. Во времена Солона полис уже существовал в Афинах и скорее следовало бы говорить о важном этапе его дальнейшего развития. И в этой связи две указанные реформы имели огромное историческое значение. Большинство древних

писателей рассматривают сисахфию как меру, обеспечивающую долг не личностью должника, а только его имуществом. Поэтому Андротион, считавший сисахфию мерой, направленной не на отмену долгов вообще, а только на уменьшение долговых процентов, скорее всего, ошибался. Сисахфия обеспечивала афинянам статус свободного гражданина как бы он ни был беден, и он мог уже не опасаться того, что став должником, может быть продан в рабство. Безусловно, эта реформа способствовала развитию индивидуалистических качеств у афинян и частной собственности и, конечно же, она облегчала социальную напряженность в обществе.

С этой реформой было тесно связано и введение имущественного ценза, и деление населения Аттики на 4 разряда. Историческое значение этой реформы заключается в том, что впервые в истории человечества Солон избрал в качестве критерия, определяющего совокупность прав и обязанностей гражданина в обществе, имущественный ценз, отвергнув прежний, возникший в период укрепления господства аристократии, критерий – происхождение человека. Введение имущественного ценза делало общество более открытым, мобильным, способствовало развитию частной собственности, формированию гражданского общества, укрепляло гражданский коллектив, создавало для реформирующегося общества и государства социальную опору – средний слой (или класс) граждан. Солоновское открытие затем нашло применение в Риме при Сервие Туллие, а в Европе Нового времени все либерально-демократические (марксистский термин: буржуазные) революции во главу угла ставили именно эту реформу.

И.Е. Сурикова смущают две проблемы: откуда в Аттике к началу VI в. могли взяться задолженность крестьян и их обезземеливание, так как земельного голода (стенохории), значительного имущественного расслоения и чеканной монеты афинский полис не знал. Ссылаясь на

суждение В.П. Яйленко в монографии «Архаическая Греция и Ближний Восток» (М., 1990. С. 100-105), И.Е. Суриков подчеркивает, что не только в Афинах, но и во всей архаической Греции не было массовой задолженности и имущественного расслоения. Но вот что написал В.П. Яйленко, объясняя выведение Афинами колоний в конце VII в. в своей монографии «Греческая колонизация VII-III до н.э.» (М., 1982. С, 135-136). «Отправление колоний афинянами, - говорит автор, - было обусловлено двумя причинами. Первая и основная, как можно полагать, состояла в том, что говоря словами Фукидида «Аттики уже не хватало для всех» (I.2,6).

Ее естественные земельные ресурсы были полностью освоены, так что под пахотные участки приходилось сводить лесные массивы (Sol. fr. 1, 47-48. Diechl; Plut. Sol. 22.1.3). С другой стороны, концентрация земли в руках новых богачей сопровождалась обезземеливанием и закабалением населения, что привело, в конце концов, к депопуляции Аттики (Arist. Ath. Pol. 2.2; Sol. fr. 24.8-11; ср. 3.23-25; Plut. Sol. 13.2; 22.1). Исходя из этого, можно полагать, что выведение первых колоний, в том числе и в Сигей, прежде всего, преследовало аграрные цели. Ср. Isocr. IV. 107; Schol. Aristoph. Nub. ,203). Вместе с тем, принимая во внимание важное стратегическое положение Сигея, являющегося ключом к Геллеспонту, можно считать, что Афины начали войну за этот город с целью обеспечить себе беспрепятственное поступление понтийского хлеба»[15]. Автор подчеркивает, что «уже в это время Аттика испытывала недостаток продовольствия, что явствует из установленного Солоном запрета на экспорт продовольственных товаров» (Plut. Sol. 24.1).

Я считаю, что в этой работе В.П. Яйленко дает разумную, хорошо аргументированную характеристику того положения, в котором находилась Аттика в конце VII -нач. VI вв. до Р.Х.

[15] The Cambridge Ancient History IV[5]. P. 32.

Что же касается чеканной монеты в Афинах в VI в. до Р.Х., то мне кажется, что возражения Х. Туманса И.Е. Сурикову вполне оправданы. В своей недавней статье «Еще раз об аристократизме и буржуазности Солона»[16], он справедливо подчеркивает, что «отсутствие монеты еще не означает отсутствие денег (С. 21). Афиняне могли пользоваться или соседней эвбейской монетой, или же слитками серебра»[17].

Рассуждения Х. Туманса о монетной реформе, о которой сообщает и Аристотель (Ath. Pol. 10.2), я считаю вполне разумными и обоснованными (С. 23 сл.). Автор, безусловно, прав в том, что в Афинах деньги были, о них неоднократно упоминает и сам Солон (Solon fr. 1.7, 41, 45 Diehl; 4.2-4 Diehl). Он также говорит о золоте и серебре (Solon fr. 14. 1-2,7). «Но если деньги были в Афинах, - говорит Х. Туманс, - то были и люди, которые жили за счет денег и ради денег».

Вместе с тем совершенно нельзя признать разумным и обоснованным категорическое возражение Х. Туманса И.Е. Сурикову, признававшему, что для улучшения своего материального положения Солон и занимался морской торговлей (Plut. Sol.2)[18]. Вся известная традиция о реформаторской деятельности Солона свидетельствует о том, Солон хорошо разбирался в хозяйственных отношениях афинского полиса и знал цену деньгам. Это свидетельствует о том, что Солон не был абстрактным кабинетным политиком. Его реформы были результатом того накопленного опыта, который он приобрел, активно участвуя в общественно-политической и социально-экономической жизни афинского полиса. Солон знал и видел разные способы приобретения денег и

[16] Туманс Х. Ук. ст. // ВДИ. 2007. № 2. С. 19-39.
[17] Rhodes P. The Reforms and Laws of Solon: An Optimistic View // New Historical and Philological Approaches / Ed. J. Blok, A. Lardinocs // Mnemosyne. 2006. P. 248f; 253; 256. См. также Van Wees H. Mass and Elite in Solonian Athens: The Property Classes Rivised // Mnemosyne. 2006. P. 351-389.
[18] Суриков И.Е. Античная Греция… С. 113, прим. 99.

богатства. Но принадлежа к знаменитому, хотя и относительно обедневшему аристократическому роду Кодридов, он, несомненно, получил соответствующее воспитание и образование и мог сделать сознательный выбор между праведным и неправедным путем приобретения власти и богатства. И, осознав, что только справедливое обогащение и достойное приобретение авторитета и власти будут способствовать расцвету афинского полиса, Солон с помощью своей поэзии просвещал афинян в духе гуманистических нравственных и политических идей.

Наконец, необходимо отметить еще одно важное замечание, высказанное И.Е. Суриковым в его упомянутой книге (С. 126-127); требующем уточнения. Автор заявляет, что «неясно, каков был механизм назначения Солона и делегирования ему чрезвычайных полномочий». Но, пытаясь найти решение, И.Е. Суриков строит сложную конструкцию рассуждения. Однако, если не стоять на позиции, отвергающей свидетельство Аристотеля о существовании архаического института социального посредничества – эсимнетии, или так называемой выборной тирании (Arist. Pol. III. 9.5-6, P. 1285 a 29-63), тогда можно признать, что Солон, будучи архонтом, мог быть избран всем гражданским коллективом эсимнетом с наделением его «чрезвычайной единоличной властью, ненаследственной, но законной с особенной функцией социального посредничества в условиях смуты, ради скорейшего рационального устроения гражданских дел»[19].

Важное место среди элегических и ямбических поэтов занимал также Феогнид Мегарский, зрелые годы которого приходились на середину VI в. до Р.Х. Весьма обстоятельное исследование о нем, опубликованное, к

[19] Подробное рассмотрение этой власти см. Фролов Э.Д.. Эсимнеия – выборная тирания или вид социального посредничества // Э.Д. Фролов. Парадоксы истории – парадоксы античности… С. 76-83.

сожалению, уже посмертно, подготовил выдающийся отечественный антиковед А.И. Доватур[20]. Я позволю себе изложить его выводы в сжатом виде, лишь отчасти дополнив их собственными суждениями. Феогнид был родом из Мегар Нисейских на Истме. А.И.Доватур этот вывод делает на основании анализа соответствующих стихов Феогнида. Поэтому он также как и многие другие современные исследователи считает точку зрения о том, что Феогнид был гражданином Мегар Гиблейских в Сицилии, неудовлетворительной[21].

Феогнид – поэт с ярко выраженным чувством индивидуального творчества. Он старается подчеркнуть это в своих стихотворениях:

«Буду говорить: «это сказал Феогнид

Славный повсюду меж всеми людьми, Феогнид из Мегары».

[Элегия, 20 сл.]

Вместе с тем он позаботился и о том, чтобы стихотворение его не украли и не подделали, то есть, если рассуждать с точки зрения сегодняшнего дня, он старался защитить свое авторское право:

«Кирн! Мои поучения тебе да отмечены будут

Прочно печатью моей. Их не украдет никто,

Худшим никто не подменит хорошего, что я написал…» [Там же]

От Феогнида сохранились две книги, включающие 1389 стихов. Наибольшее число стихов – 1230 сохранилось в первой книге. Относительно характера и назначения сборника стихотворений, составляющих первую книгу Феогнида, существует несколько точек зрения. Этот сборник был известен в Афинах в VI в. до Р.Х. А.И. Доватур дал ему наиболее позитивную характеристику. Автор подчеркивает, что

[20] См. примеч. 40. Сочинение А.И.Доватура является образцом классического историко-филологического исследования, где он мастерски применил свою излюбленную максиму: «Историк без филологии витает в воздухе, филолог без истории прижат к земле».

[21] Доватур. А.И. Ук. соч. С. 25 сл.

сторонники этой теории понимают сборник в целом как нечто вроде записной книжки Феогнида. Стихотворения, собранные в ней и дошедшие до нашего времени под именем Феогнида, в значительной степени носят на себе отпечаток единства социальных, политических и эпических воззрений[22].

Время жизни Феогнида – это обострение социально-политической борьбы между демосом и аристократией. Правда, демос в это время только формировался и поэтому общий фронт борьбы против аристократии объединял разные слои свободного населения. В глазах аристократа представители знати (ἐσθλοί или ἀγαθοί) противостояли дурным и трусливым (κακοί, πονηροί и δειλοί) людям. В условиях обострения социальных и политических противоречий поэт опасался установления тирании и порицал тех, кто ради достижения власти развращает народ и призывает к разрушению государства:

«Город беременен наш, но боюсь я, чтоб им порожденный
Муж дерзновенный не стал грозных восстаний вождем.
Благоразумны пока еще граждане эти, но очень
Близки к тому их вожди, чтобы в разнузданность впасть.
Люди хорошие, Кирн, никогда государств не губили
То негодяи, простор наглости, давши своей,
Дух развращают народа и судьями самых бесчестных
Делают, лишь бы самим пользу и власть получить.
Пусть еще в полной пока тишине наш покоится город, -
Верь мне, недолго она в городе может царить,
Где нехорошие люди к тому начинают стремиться,
Чтоб из народных страстей пользу себе извлекать.
Ибо отсюда восстанья, гражданские войны, убийства,

[22] Доватур. А.И. Ук. соч. С. 29 сл.

Также монархи – от них обереги нас, судьба!»

[ст.т. 40-50]

Эту мысль Феогнида можно сравнить с характеристикой Гесиода «пятого поколения людей железного века» в его поэме «Труды и дни», о чем уже отмечалось выше. Как и Гесиод, Феогнид здесь выступает не только как автор, хорошо понимавший психологию толпы и наглость, и властолюбие демагогов, но и как пророк, высказывания которого неоднократно подтверждались впоследствии историей. И, к несчастью реальным событием, более всего соответствующим описанию Феогнида являются действия большевиков и других экстремистских сил во главе с Лениным, Сталиным и другими демагогами, которые с помощью развращенной ими народной толпы, захватив власть, уничтожили российское государство.

Феогнид был ярким и откровенным идеологом аристократических кругов греческого полиса. В наставлениях, обращенных к своему молодому другу Кирну, поэт старался передать ему с помощью стихов все те нравственные ценности, которые сам усвоил в юности от добрых благородных людей:

«С умыслом добрым тебя обучу я тому, что и сам я,

Кирн, от хороших людей малым ребенком узнал.

Будь благомысленен, достоинств, почета себе и богатства

Не добивайся кривым или позорным путем.

Вот что заметь хорошенько себе: не завязывай дружбы

С злыми людьми, но всегда ближе к хорошим держись.

С этим пищу дели и питье, и сиди только с ними,

И одобренья ищи тех, кто душою велик.

От благородных и сам благородные вещи узнаешь.

С злыми погубишь и тот разум, что есть у тебя»

[ст.т.30 сл.]

Поэт резко критически высказывается в отношении внутреннего положения в Мегарах. Он очень огорчен и недоволен тем, что аристократия утратила свое господствующее положение, в то время как худые и дурные люди благодаря развитию торговли и ремесла становились все более богатыми и влиятельными. Феогнид, занимая непримиримую позицию, лишился имущества и земли и даже вынужден отправиться в изгнание. Вернувшись на родину, Феогнид обнаружил, что обедневшие знатные и благородные семьи стали сближаться с богатыми, но незнатными людьми. Поэтому основной тон произведений поэта пессимистический:

«Город наш все еще город, о, Кирн, но уж люди другие.

Кто ни законов досель, ни правосудья не знал

Кто одевал себе тело изношенным мехом козлиным

И за стеной городской пасся как дикий олень,

Сделался знатным отныне.

Ну, кто б все это вытерпеть мог?»

[ст.т.52-56]

Говоря о худых людях из народа, Феогнид отмечает:

«Бедностью, кто угнетен, тот промолвить

И слова не может, связан язык у него»

[ст.т.178-179]

Поэтому простые бедные люди стремились разбогатеть любыми средствами. И добившись богатства часто неправедным путем, они становились хозяевами в городе. Эти мысли Феогнида имеют общеисторическое значение. Достаточно вспомнить Вольтера, который почти теми же словами характеризует простой народ: «Они живут в

хижинах со своими самками и со скотом, говорят на языке, непонятном горожанам, у них мало мыслей, и они с трудом могут их выразить»,

Вместе с тем Феогнид обличал тех представителей из лагеря аристократов, которые изменяют идеалам и увлекаются погоней за богатством:

«…замуж ничуть не колеблется лучший
Низкую женщину брать, только б с деньгами была.
Женщина также охотно выходит за низкого мужа,
Был бы богат! Для нее это важнее всего.
Деньги в почете всеобщем. Богатство смешало народы.
Знатные, низкие – все женятся между собой.
Полипаид, не дивись же тому, что порода сограждан
Все ухудшается: кровь перемешалася в ней».
[ст.т.184-189]

Интерпретируя эти мысли Феогнида, А.И. Доватур подчеркивает, что поэт жил в то время, когда борьба аристократии в Мегарах за свое безраздельное господство уже заканчивалась не в ее пользу[23]. Ей пришлось поступиться своими правилами в том, смысле, что она поделилась ими с выходцами из обогатившейся верхушки народа. Это проявилось не столько в форме политического союза, сколько в форме брачных союзов, а, следовательно, и возникновения кровного родства. Появился, в сущности, новый слой общества, характеризовавшийся, прежде всего признаком богатства. Дополняя выводы А.И. Доватура, можно отметить, что в Афинах этот процесс стал развиваться после реформ Солона, а в Риме он начался вследствие реформаторской деятельности Сервия Туллия. Правда, плебеи добились принятия закона, разрешающего браки с патрициями (ius

[23] Доватур. А.И. Ук. соч. С. 72 сл.

conubium) только после установления республики, в 445 г. до РХ. Разрешение браков и установление кровного родства, как в Греции, так и в Риме открывало путь богатым людям из народа к властным полномочиям.

Поэтому часть аристократов из небогатых и прямо бедных продолжала оставаться на прежних позициях, упорствуя в непризнании совершившихся фактов. К их числу относится и Феогнид. Поэтому он так сокрушался ухудшением породы сограждан и смешением крови. Так же как и Солон Феогнид обличал тех, кто нажил богатство нечестным трудом:

«Если от Зевса богат человек, справедливо и чисто
Ставши богатым, тогда прочно богатство его
Если ж, стяжательный духом, неправедно он и случайно
Или же ложно клянясь, средства свои приобрел, -
Сразу как будто и выгода есть, но в конце торжествует
Разум богов и бедой делает счастье его»
[ст.т.198-2002]

Большой силы и выразительности достигает Феогнид в тех стихах, где подобно лесбосскому поэту Алкею изображает государство, подвергшееся смутам, кораблю, терпящему бедствие. Он сравнивает его с кораблем, который, потеряв управление, носится по бушующему морю, а команда на корабле подняла бунт:

«Да, в корабле мы несемся, спустив уже парус свой белый,
Прочь от мелосских брегов: ночь нас окутала мглой.
Воду вычерпывать надо – никто не желает, а волны
Хлещут с обоих бортов. Трудно нам будет спастись,
Если мы так поступаем. У кормчего дельного мужа
Отняли руль. Это был опытный страж корабля.
Деньги насильственно грабят; нарушился всякий порядок
Делят добро, но не всем равную долю дают.

Грузчики всем верховодят, и подлые добрыми правят,

А я боюсь, что волна нашу ладью поглотит.

В иносказанье моем есть значенье, понятное добрым

Впрочем, поймет и худой, если размыслит над ним».

[ст.т.670-682]

Феогнид призывал аристократов к расправе с демосом. Он горел желанием мщения, не брезгуя при этом никакими средствами, мечтая даже испить «черной крови» своих врагов:

«Крепкой пятой наступи ты на этот народ тупоумный

Острым копьем его бей, взнуздывай шею ярмом.

Сладко баюкай врага, а когда попадет к тебе в руки,

Мсти ему и не ищи поводов мести тогда».

Однако, понимая, что аристократия все более теряла почву, Феогнид остро ощущал свою беспомощность и отсюда его глубочайший пессимизм:

«Лучшая доля для смертных

На свет никогда не родиться

И никогда не видать яркого солнца лучей.

Если ж родился – войти поскорее в ворота Аида

И глубоко под землей в темной могиле лежать»

[ст.т.425-428]

Завершая рассмотрение творчества Солона и Феогнида, необходимо отметить, что оба эти поэта, хотя и с разных позиций, дают реальную картину жизни греческого полиса в VII – нач. VI в. до Р.Х., характеризовавшуюся острыми социально-политическими противоречиями. Эта реальность, безусловно, была благоприятной почвой, взрастившей греческую историографию. Ведь те процессы, которые охарактеризованы поэтами в элегиях и ямбах, безусловно, нуждались в осмыслении их историками.

Клио

Глава 4. Возникновение раннегреческой историографии: логографы

Выяснение значения эпоса и лирики для становления греческой историографии показало, что переход от эпоса к исторической прозе происходил постепенно. И поскольку эпос и лирика, хотя и в художественной форме, отразили различные процессы, происходившие в греческом обществе VIII-VI вв. до Р.Х., поэтому греческая историография как повествование, как искусство рассказа о прошлом и, наконец, как далекая предшественница современной исторической мысли имела социально-экономические, политические и психологические корни, заключавшиеся в тех событиях и явлениях, которые происходили почти во всех областях Греции в указанное время. Важнейшими процессами этого периода были следующие:

VIII-VI вв. до Р.Х. отличались расширением контактов с Восточной Эгеидой и распространением ориентализирующего стиля в искусстве[1].

[1] Горбунова К.С. Культура и искусство Древней Греции. Л., 1959; Виппер Б.Р. Искусство Древней Греции. М., 1972; Соколов Г.И. Искусство

Имело место взаимопроникновение культур. Это способствовало развитию торговли, ремесла, денежного обращения, укрепления частной собственности. Уже Алкею, поэту VII в. с о. Лесбоса, известна поговорка «χρήματα, χρήματ' αἀνήρ («Жизнеотношение, 64(360) - «деньги плюс деньги – человек»[2].

В это время стали усиливаться противоречия как внутри аристократии, так и между знатью и формирующимся демосом. Борьба между этими социальными группами касалась, прежде всего, власти и

Древней Греции. М., 1980; Полевой В.Г. Искусство Греции. М., 1984; Борухович В.Г. Вечное искусство Эллады. Санкт-Петербург, 2002; Burkert W. The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age. Cambr., 1992.

[2] Выпуск первых правильных металлических денег относится к VII в. до Р.Х. Сначала это произошло в городах Ионии, а с середины VII в. чеканка монет стала распространяться и в Балканской Греции: на Эгине, Эвбее, в Коринфе и Афинах. Об этом см. Фролов Э.Д. «Рождение греческого полиса». Л., 1988. С. 95-96, прим. 10. Критическое отношение к суждениям Фролова Э.Д., Т.В. Блаватской (см. ее работу «Черты истории государственности Эллады. XII-VII вв. до Р.Х.». СПб., 2003) и др. недавно высказал И.Е. Суриков (см. его работу «Архаическая и классическая Греция». Уч. пособ. М., 2007. С. 186 сл.). Автор, опираясь на работы западных нумизматов, а также выводы исследователей Фуртвенглера, Рушенбуша, Осборна и др., настаивает на пересмотре сложившейся концепции о том, что отчеканенные уже в VII-VI вв. до н.э. монеты по определенному весовому стандарту, открывали новые, поистине неограниченные возможности для развития торговых и кредитных операций, для роста торгового и ростовщического капитала. Эта концепция опирается как на прямые свидетельства источников, так и на глубокий анализ общекультурного и общеисторического развития древнегреческого общества раннархаической эпохи. Отвергая это мнение, И.Е. Суриков в духе высказываний представителей новейшего скептического направления утверждает, что введение чеканки монет в греческих полисах было обусловлено не столько экономическими факторами, сколько политическими мотивами, имея в виду под этими мотивами политические распри и устремления представителей аристократии.

перераспределения богатства[3]. Следствием этих конфликтов и противоречий, развития товарно-денежных отношений явилась греческая колонизация, приведшая к распространению греческой городской полисной культуры по всему Средиземноморью, а также за его пределами, в частности в Причерноморье.[4]

---

[3] Тема эта приобрела остроту суждений и критических замечаний в последнее время особенно в отечественной литературе. Основательный анализ сочинений западных исследователей новейшего скептического направления дал в своих работах Э.Д. Фролов (см. уже упоминаемое его исследование «Рождение греческого полиса»…С. 18сл.; и его же «Парадоксы истории – парадоксы античности». Издат. дом СПбГУ. 2004. С. 128сл. Современными адептами новейшего скептического направления в отечественной литературе в той или иной мере можно считать И.Е. Сурикова (см. его работу «Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения». С. 40сл.; Х. Туманса (Рождение Афины – Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII-V вв. до н.э.) СПб., 2002. (См. критическое суждение об этой работе Э.Д. Фролова в указанной книге «Парадоксы истории – парадоксы античности»... С. 182сл.

[4] О древнегреческой колонизации см. Э.Д. Фролов «Рождение греческого полиса». С. 141; там же см. обширную библиографию по данной теме (прим.1. с 141); Яйленко В.П. Греческая колонизация VII-III вв. до н.э.: по данным эпиграфических источников. М., 1982; Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции. Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. И.Е. Суриков, рассматривая в упомянутой книге «Архаическая и классическая Греция» проблему Великой греческой колонизации (С. 70сл.), совершенно правильно указывает на то, что при выявлении причин выведения колоний важно уделять должное внимание и политическому фактору. Однако нельзя согласиться с автором, что во всех случаях выведения колоний ойкистами были аристократы – выходцы из древнейших родов и по этой причине утверждать, что основание колоний чаще всего было результатом борьбы за власть между отдельными представителями аристократических семей. И.Е. Суриков не возражает против того, что греческая колонизация была связана с ростом населения, вызванным демографическим взрывом. Тем не менее, его утверждение, подкрепленное суждением американского исследователя Д. Тэнди (Tandy D.W. Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece. Berkel., 1997. P. 19-58) о том, что демографический взрыв был результатом перехода к интенсивному земледелию в VIII-VII вв. до Р.Х. от экстенсивного скотоводства, характерного для гомеровского периода. Это совершенно противоречит данным гомеровских поэм, где, во-первых, о земледелии говорится чаще, чем о скотоводстве, во-вторых,

Результатом упомянутых конфликтов было и возникновение записи законов[5].

В ходе борьбы как внутри аристократии, так и между знатью и формировавшимся, еще недостаточно окрепшим демосом, устанавливались тиранические режимы[6] (в Коринфе, Милете, Сикионе,

---

землевладение в гомеровский период достигло такого уровня, когда наряду с многоклерными владельцами появилось немало и бесклерных.

[5] Переход от норм обычного права к записи законов в Древней Греции VIII-VII вв. до Р.Х. был связан с ростом индивидуализма, индивидуального творчества и обострением социальных противоречий в обществе. В такой ситуации и возникла необходимость совершенствования социально-правовых отношений. Наиболее детально эта проблема в отечественной литературе изучена Э.Д.Фроловым в его работе «Рождение греческого полиса» (С.120 сл., см. там же указания на современную зарубежную и отечественную литературу). Этой проблемы касается в своей недавней работе «Архаическая и классическая Греция» и И.Е. Суриков. Он подверг резкой критике работы Э.Д. Фролова, И.А. Шишовой (Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991.) и Г.Е. Залюбовиной (Архаическая Греция: особенности мировоззрения и идеологии. М., 1992.) И.Е. Суриков полагает, что законы вводились в Древней Греции в VIII-VII вв. до Р.Х. «скорее для урегулирования отношений внутри самого слоя аристократии и для предотвращения междоусобной борьбы (стасиса) между знатными вождями (С. 74). Этот взгляд, мне представляется, очень искажает реальную ситуацию, сложившуюся в греческом обществе в рассматриваемый период. Автор фактически пытается реанимировать идею господства феодальных отношений в архаической Греции. Кроме того, понятие «стасис», широко употребляемое античными авторами как историками (Фукидид), так и философами (Аристотель), трактуется вполне определенно как смута внутри гражданского коллектива полиса, а не просто борьба между аристократическими вождями.

[6] Несмотря на предпринимаемые эсимнетами-посредниками между аристократией и основной массой граждан предупредительные меры, в греческих общинах непримиримые противоречия между формирующимся демосом и аристократией и соперничество между самими аристократическими вождями постоянно возбуждало социально-политическое брожение или смуту. В этой ситуации, поскольку основная масса граждан еще не способна была добиться реализации большинства своих требований, а аристократия не хотела поступаться в пользу народа своими традиционными привилегиями, поэтому на политической

Мегарах, Самосее, Афинах). Тираны, стремясь придать своему правлению блеск, окружали себя пышным двором, возводили богатые постройки, покровительствовали наукам и искусствам.

В такой обстановке углублялся процесс секулярной идеологии, наметившийся еще в гомеровский период и явившийся следствием выдвижения из коллектива индивидуальной личности. Индивидуализм как характерная черта психологии личности утверждался в экономике и

авансцене стали появляться влиятельные политические лидеры, как правило, из числа знати, которые, захватив единоличную власть, становились тиранами. При этом важно отметить, что архаическая тирания устанавливалась, прежде всего, в развитых в экономическом отношении районах, где острота внутренних социальных противоречий достигла особой силы. Главной особенностью старшей или архаической тирании было то, что она, с одной стороны, стремилась ослабить влияние и господство аристократии, с другой – не допустить чрезмерного усиления народа. При этом важно иметь в виду, что при всех издержках единоличного правления, в целях обеспечения своей популярности они проводили административные реформы, меры по благоустройству городов, укрепляли и обогащали полис. Но именно таким образом они, возможно, того не желая, способствовали окончательному становлению демоса как своего могильщика. Наиболее обстоятельно исследовал проблему тирании как старшей, так и младшей в отечественной литературе Э.Д. Фролов (см. его работы: «Греческие тираны VI в. до н.э.». Л., 1972; «Рождение греческого полиса…» С. 158 сл. Там же см. ссылки на современную литературу). Проблему архаической тирании рассматривает в уже упомянутой работе «Архаическая и классическая Греция» также И.Е Суриков. Однако он весьма критически оценивает сложившуюся в отечественной науке концепцию архаической тирании и вслед за Х. Берве и другими западными исследователями рассматривает архаическую или старшую тиранию как «аристократический феномен». Автор также утверждает, хотя это противоречит сведениям многих источников, что установление тирании происходило либо с прямой санкции народного собрания, либо при его молчаливом согласии (С. 77-78). Невозможно согласиться и с мнением И.Е. Сурикова о том, что «демос как раз был в основе своей удовлетворен деятельностью тиранов: его больше устраивало, когда над ним стоял один правитель». Поскольку царская власть в большинстве греческих полисов исчезла к VII в. до Р.Х., отношение основной массы граждан к тирании было скорее терпимым, нежели добровольно принимаемым.

политике, способствовал возникновению индивидуализированного творчества в искусстве и ремесле. Все это вместе создавало благоприятную почву для возникновения новых литературных жанров (различные формы поэтического творчества), так и для развития греческой философии и различных наук, в том числе и истории).

Наконец, важно отметить, что все перечисленные процессы VIII-VI вв. обеспечили формирование греческой народности и связанное с этим противопоставление греков так называемым варварам, прежде всего персам, но также и тем народам, которые жили по соседству с эллинами[7]. Процесс самоидентификации, то есть осознания себя единым греческим народом, а географического пространства, заселенного греками, как единого названия Эллада, также имел немаловажное значение для развития греческой историографии.

Итак, греческое историописание явилось созданием греческой городской полисной культуры, а его создателями были эллины или эллинизированные представители народов, живших по соседству с ними. Их пытливые интересы были обращены к прошлому, а в пространственном отношении к странам, ставшим объектом греческой колонизации. Известный английский ученый Дж. Коллингвуд, указывая на то, что у греков рождение исторического сознания было связано с рождением аристократического полиса и его секулярной идеологии, как уже говорилось выше, подчеркивал: «у греков не историк выбирал предмет описания, а предмет – политизированный мир – искал своего историка»[8].

Отмеченные выше процессы, происходившие в VIII-VI вв., были характерны как для Балканской Греции, так и для других областей, но

---

[7] О процессе национальной консолидации эллинов и их противопоставление варварам см. Фролов Э.Д. «Рождение греческого полиса…». С. 136 сл.

[8] Коллингвуд Р.Дж. Ук. соч. С. 28.

особенно они отчетливо и ярко обнаруживались в М. Азии[9]. Здесь умственный кругозор людей был шире. Греческий мир соприкасался с миром восточным. Это был район повышенной контактности. М. Азия, в частности города Милет и Эфес – родина философов (Фалес, Анаксимандр, Гераклит). Здесь развивались отношения с различными странами и народами, иногда весьма отдаленными – с народами Понта (Черного моря), Египта, далекого Запада. Это побудило наиболее сметливых и пытливых граждан к сопоставлению культур. Именно с ионийской натурфилософской школой было связано и появление термина «История» (ϗ☺♦τορία – исследование, разыскание, историческое повествование, рассказ о прошлых событиях; термин происходит от глагола (ϗ☺♦τορℳ❖ω)[10]. Здесь в М.Азии появились и первые исторические сочинения, написанные прозой. Этих историков, предшествовавших Геродоту, а отчасти и бывших его современниками, принято называть логографами (от двух греческих слов λόγο▪ – рассказ; γράφω - пишу). Впервые этот термин встречается у Фукидида (I.21.1). В научный оборот это слово введено Ф. Крейцером[11].

---

[9] Об Ионии как древнем центре греческой культуры см. Михайлова Э.Н., Чанышев А.Н. Ионийская философия. М., 1966; Залесский Н.Н. Очерки истории античной философии. Л., 1975. Вып. 1; Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 60 сл.; Жигунин В.Д. Очерки античной естественной истории от Гомера до Анаксагора и его последователей // Μνημα. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора В.Д. Жигунина. Казань, 2002. С. 45 сл.; Лаптева М.Ю. У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI – VI вв. до н.э. Санкт-Петербург. 2009. С. 215-357.

[10] О термине ι☺στορία см. Тахо-Годи А.А. Ионийское и аттическое понимание термина «история» и родственных с ним // Вопросы классической филологии. М., 1969. Вып. 2. С. 115; См. также Немировский А.И. У истоков исторической мысли… Воронеж, 1979. С. 19; его же Рождение Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 28сл.

[11] Creuzer F. Die historische Kunst der Grichen in ihrer Entstehung und Fortbildung. Leipzig, 1845. См. к этому Momigliano F. Friedrich Creuzer and

Немецкий исследователь, опираясь на литературу XIX в., рассматривал гомеровское общество как период «дикости». Поэтому, характеризуя этапы развития общественной мысли греков, выделял мифологический период (Гомер, Гесиод); период логографов (Гекатей, Гелланик); начало историографии (Геродот, Фукидид). Отечественные историки М.С.Куторга, С.Я. Лурье и А.И. Немировский возражали против такого схематического, прямолинейного деления[12]. Сам термин «логограф» они считали ошибочным, подчеркивая, что этот термин у греческих историков имел пренебрежительное значение. Так, Геродот по отношению к этим авторам употреблял термин «λογοποιόι» (от «λογοποιℳ❖ω»), то есть те, кто выдумывал, измышлял небылицы, а Фукидид, употребляя термин «λογόγραφοι», имел в виду своих предшественников, которых считал не более чем «рассказчиками басен» (Фукидид I.21.1)

В западноевропейской науке О.Шпенглер, как уже отмечено выше, говорил, что у греков отсутствовал историзм и называл этот народ аисторичным, поэтому он не считал Грецию родиной историографии[13]. У.Виломовитц - Мёллендорф, возражая Шпенглеру, считал, что Геродот и Фукидид могут быть названы основоположниками истории, ибо вся современная историография основывается на началах, заложенных греками. Что же касается Востока, то он считал, что у семитов и других

Greek Historiography // Journal of the Warburg and Courtault Institutes. 1964. IX. P. 152.

[12] Куторга М.С. О различных видах бытописания у древних эллинов // Собр. соч. Т.II. СПб., 1896. С. 25сл.; Лурье С.Я. Очерки по истории исторической науки. М.-Л., 1947. С. 51сл.; Немировский А.И. У истоков исторической мысли… С. 8.

[13] Schpengler O. Untergang des Abenlandes. Münch, 1920. Bd. I.

древневосточных народов сложилось историческое повествование, но не сформировалась историческая наука и не было историков.[14]

Немецкий историк В.Шадевальдт высказался на этот счет еще более определенно: «способность греков мыслить исторически и писать историю заложена в сути этого гениального народа. До греков народы лишь переживали и делали историю, но они не писали исторических трактатов, потому что то, что они совершали, они не понимали как историю»[15]. Приблизительно в этом же духе высказывался и Штрасбургер, полагая, что уже Гомер был настоящим историком.

Конечно, необходимо освобождаться от крайних суждений. Несомненно, нужно учитывать своеобразие эллинского менталитета и изначально заложенные у них потенции. Но вместе с тем нельзя не учитывать и вполне объективный фактор, в частности то, что греческая историография оформилась к VI в. до Р.Х. Поэтому, если даже термин «λογόγραφοι» не совсем точен, то в нем нельзя видеть только негативный смысл. Уже в VI в. существовало различие между понятиями συγραφ ύ и λογόγραφο. Если первый термин обозначал писателя прозаика вообще, то второй – писателя, рассказывавшего о событиях прошлого. Сведения, сохранившиеся о логографах у Страбона и Дионисия Галикарнасского, не позволяют характеризовать их только в негативном смысле. Страбон (I.2.6) следующим образом пишет о логографах:

«Речь (у логографов – В.С.) прозаическая, по крайней мере, обработанная, есть подражание поэтической. Прежде всего, появилось на свете поэтическое изложение и приобрело славу; потом, подражая ему, не прибегая к стиху, но, сохраняя прочие поэтические особенности, писали свои произведения Кадм, Ферекид, Гекатей. Затем позднейшие писатели,

[14] Wilamowitz – Moellendorf U. On Greek Historical Writing // Reden und Vorträge. 1926. P. 4 ff.
[15] Schadewaldt W. Die Anfänge der Geschichtsschreibung bei den Griechen // Die Antike. 1934. S. 144 ff.

постоянно отнимая что-нибудь от поэтических свойств, низвели речь к ее настоящему виду, как бы с какого-то возвышенного пьедестала».

Дионисий Галикарнасский дал более развернутое описание творчества логографов (De Thucudide.5):

«Древних историков много, и они были во многих местах до Пелопоннесской войны. К числу их относятся: Евгеон Самосский, Дейох Проконнесский, Эвдем Паросский, Демокл Фигелейский, Гекатей Милетский, Акусилай Аргосский, Харон Лампсакский, Мелесагор Халкедонский, а те, которые немного моложе, то есть жили незадолго до Пелопоннесской войны и прожили до времени Фукидида – это Гелланик Лесбосский, Дамаст Сигейский, Ксеномед Хиосский, Ксанф Лидийский и др. В выборе темы они руководствовались почти одинаковой точкой зрения и способностями немногим отличались друг от друга. Одни писали эллинские истории, другие – варварские, причем эти истории они не соединяли между собой, но разделяли по городам и народам и излагали их независимо друг от друга, преследуя одну и туже цель: обнародовать для всеобщего сведения предания, сохранившиеся у местных жителей среди разных народов и городов, письменные документы, хранившиеся как в храмах, так и в светских архивах; обнародовать эти памятники в том виде, в каком они их получили, ничего к ним не прибавляя и не убавляя. Среди этого были и некоторые мифы, которым верили с давнего времени, и некоторые необычайные события, которые нашим современникам представляются невероятными. Способ выражения употребляли они по большей части одинаковый – все те, которые писали на одном и том же наречии, имели язык ясный, обычный, чистый, краткий, соответствующий описываемым событиям, не представляющий никакой художественности. Однако произведениям их присуща какая-то красота и прелесть, в одних в

большей мере, в других в меньшей, благодаря которой их сочинения еще остаются до сего времени[16].

Дионисий делил логографов на старших и младших. Первым логографом был Кадм из Милета (VI в. до Р.Х.), автор сочинения «Об основании Милета и всей Ионии». Однако уже в древности высказывались

[16] Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker Bd I. Berl., 1923-1930; Die Fragmente der älteren Geschichtsschreiber mit Kommentar bei F. Jacoby Die Fragmente der Griechischer Historiker Bd I.Neudruck mit Zusätzen. Leiden, 1957; Fritz K. von Die Griechische Geschichtsschreibung. Bd I. (2 Teile). Berlin, 1967; Pearson L. Erly Ionian Historians. Oxf., 1939; Latte K. Die Anfänge der griechischen Geschichtsschreibung / Histoire et Historiens dans l´antiquité // Entretiens sur l´antiquité classique. Vandoeuvres-Genéve. 1956. t.4; Bury J. B. Ancient Greek Historians. London, 1958; Bernagozzi G. La storiographia graeca dai Logographi ad Erodoto. Bologna, 1961; Schadewaldt W. Die Aufänge des Geschichtsschreibung bei den Griechen. Frankfurt am Mein., 1990; Шеффер В. Очерки античной историографии. Вып. 1. Логографы; Ксанф, Гекатейб Акусилай, Харон и Ферекид. Киев, 1884; Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей: в 2 тт. Т. 1. М., 1995 (репр.); Античная историческая мысль и историография. Практикум – хрестоматия. Авторы составители А.В. Махлаюк, И.Е. Суриков. М., 2008. С. 9-33. Совсем недавно опубликовал свою статью о логографах И.Е.Суриков [ΛΟΓΟΓΡΑΦΟΙ в труде Фукидида (I.21.1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2008. №2. С. 25-37]. Автор делает вывод, что Фукидид в упомянутом сюжете имел в виду Геродота, считая его логографом и вкладывая в этот термин значение сочинителя речей общего смысла. Автор опирается на мнение У.Р. Коннора, считавшего логографов сочинителями речей. Эта точка зрения представляется мне не более чем остроумным умозаключением. Во-первых, Фукидид имел в виду прозаических писателей, составителей баснословных историй. Поэтому он и намекал на Геродота, в сочинении которого есть немало баснословных рассказов, мифов и легенд. Во-вторых, И.Е.Суриков вовсе не принимает во внимание толкований термина «логографы», данных Дионисием Галикарнасским (De Tucydide,5) и Страбоном (I.21.1). Между тем, они не отличаются от того, как этот термин понимал Фукидид, разве что их информация более пространная по своему содержанию. Правда, в своей недавней книге, посвященной Геродоту, И.Е. Суриков, хотя и не считает термин «логографы» вполне удовлетворительным, тем не менее, признает их первыми греческим историками, предшественниками Геродота (Суриков И.Н. Геродот… С. 190-200).

сомнения в принадлежности ему этого сочинения и утверждали, что его смешивали с Финикийским Кадмом, с именем которого связано принесение в Грецию алфавитного письма (так называемые кадмейские письмена).

Самым крупным из предшественников Геродота был Гекатей Милетский[17], выходец из аристократического рода, родившийся около 540 г. Он участник Ионийского восстания. Накануне восстания Гекатей, имея опыт путешественника и зная каково было могущество Персидской державы, убеждал соотечественников отказаться от восстания (Геродот II.143), но лидеры восстания его не послушались. После первых неудач восставших Гекатей советовал им занять остров Лерос и сделать его центром обороны (Геродот V.125). Этот совет также не имел успеха и следствием этого было поражение ионийцев в битве при Ладе. После подавления восстания он упросил Артаферна вернуть независимость ионийским городам (Diod. X. 25.2). Свида сообщает, что Гекатей пережил Персидские войны. Все его поступки свидетельствовали о том, что он был человеком с твердым характером, независимым, рассудительным умом, чуждый всякой иллюзии и слабости. Ему принадлежали два сочинения «Генеалогии» и «Землеописание». «Генеалогии» состояли из 4 книг, от которых сохранилось 37 отрывков. В этом сочинении рассказывалось о потомках Девкалиона и других мифических родоначальниках эллинского народа. Тут фигурировали Эллин и его сыновья, Геракл и Гераклиды, затем иноземные герои – Египт, Кадм, Данай и др. Здесь Гекатей следовал традиции своих предшественников. Возможно, его произведение заканчивалось описанием греческой колонизации.

[17] Nenci G. Hekataei Milesii Fragmentae. Firenze, 1954. ; Fritz K. von Die Griechische Geschichtsschreibung. Berlin, 1967. S.409 ff.; Античная историческая мысль и историография… С. 26-28.

Следующий трактат «Землеописание» состоял из 3 книг (Европа, Азия, Африка), от которых сохранился 331 отрывок. Гекатей привел карту. Как считают современные ученые, это была усовершенствованная карта, впервые составленная Анаксимандром – философом милетской школы (Страб.I.11). Научное значение «Описания Земли» весьма велико. По крайней мере, оставшиеся фрагменты позволяют судить о широте познаний Гекатея и его влиянии на последующих авторов, как историков, так и географов, причем самого Гекатея даже называют отцом греческой географии.

Источниками информации Гекатея могли быть как сведения, полученные от купцов в Милете, так и его собственные наблюдения. Известно, что он сам много путешествовал. Его называли αeтνήρ πολυπλανή▪. Гекатей известен также тем, что пытался давать этимологическое объяснение некоторым названиям, в том числе географическим. Так, он полагал, что название острова Хиос от слова χιών – снег.

Наиболее подробно Гекатей описывал Египет. От этого описания сохранился целый ряд фрагментов: о причинах разлива Нила; о редких птицах и животных (гиппопотам (◆❁ππ□▪ о☺ ποταμό▪, то есть речная лошадь), крокодил (κροκόδ℩ιλο▪), птица Феникс (φοι▯νιξ – баснословная золотисто-пурпурная птица, раз в 500 лет прилетавшая из Аравии в Гелиополь; в древнерусском фольклоре это жар-птица). В трактате Гекатея имели место описания жизни и быта некоторых народов. Сохранились отрывки, рассказывающие о фракийском племени пеонов и малорослых племенах пигмеев (πύγμαιο▪-карлик, средний рост мужчин этого племени 145-150 см.).

Гекатей высказывал критическое отношение к тем сообщениям, которые оказывались в его распоряжении. Однако критика его носила субъективный и весьма примитивный характер. Так, в одном из

фрагментов Гекатей говорит: «это я пишу, как оно мне кажется истинным, ибо рассказы эллинов многочисленны и смешны («Генеалогии», 332). Он старался устранить из эллинских мифов и сказаний сверхъестественный элемент и сделать их более правдоподобными. Характерно, что подобный же подход использовался в XIX в. протестантскими богословами. Они считали необходимым очистить от сверхъестественного библейские сюжеты и предания, стараясь дать им реалистическое объяснение. Конечно, критика Гекатея была субъективной и слишком упрощенной, тем не менее следует отметить, что это был первый шаг в развитии греческой исторической мысли. Значение его критики заключалось в том, что он вносил рационализм, хотя и поверхностный, в толкование мифов; кроме того, она свидетельствовала о его здравом уме, который заставлял его выбирать из нескольких преданий менее невероятное, более согласующееся с другими известными фактами.

Гекатей стал задумываться и о хронологии. Так он внес в свою историю некоторый хронологический порядок, введя счет по поколениям и полагая на каждое поколение 40 лет. Наконец, в историописании Гекатея наметился переход от местной истории к более общей. На протяжении всей древности Гекатей пользовался большой славой.

Писатель II в. от Р.Х. Гермоген поставил Гекатея в один ряд с Геродотом, Фукидидом и Ксенофонтом (Rhetores graeci II ed. Spengel. P. 424, 10-19).

Страбон, говоря о достойных уроженцах Милета, упоминает Гекатея рядом с Фалесом, Анаксимандридом и Анаксименом (Strab.XIV. 1,7. P. 635).

Отрицательное отношение к Гекатею высказал Гераклит Эфесский, поместив его среди других поэтов и мыслителей, которых он оценил негативно. Так, он утверждал: «Многознание не дает ума, иначе оно дало бы ум Гесиоду, Пифагору, Ксенофану и Гекатею». (Diog. Laert.IX.1.1).

Итак, безусловно, Гекатей был уже весьма значительным историком, хотя, несомненно, у него еще не было последовательного критического подхода как к той информации, которой он пользовался, так и к оценкам излагаемых событий. Писал Гекатей на ионийском диалекте.

Ко второй пол. VI в. относился также Акусилай Аргосский. Он написал поэму «Генеалогии» в трех книгах. Подражая Гесиоду, он начинал свое изложение рассказом о сотворении мира. Поэма заканчивалась описанием приключения героев, возвращавшихся из-под Трои. Источниками Акусилая были сочинения Гесиода «Теогония», «Каталог женщин». Иосиф Флавий в сочинении «Против Апиона» (1034) отмечал, что Акусилай исправлял Гесиода, иногда дополняя его вариантами мифа, почерпнутыми из других источников. Главной целью своей Акусилай считал собирание мифов. «Генеалогии» Акусилай начинал с рассказа о хаосе, продолжал о Гее и Эроте, как у Гесиода, затем переходил к Форонею, первому человеку, и к древним именам людей. Доводил он свое повествование до героических поколений. Иногда некоторые сказания у него представляли небольшие романы, например, сказание об Орифии, похищенной Бореем.

На конец VI – середину V в. приходилось творчество Харона из Лампсака (520-460гг. до Р.Х.)[18]. Ему принадлежали два сочинения: «Персидская история» в 2-х книгах и «Летопись Лампсака» в четырех книгах. Первое сочинение начиналось рассказом о времени царя Нина и заканчивалось свиданием Фемистокла с персидским царем Артаксерксом вскоре после вступления его на престол в 465г. Он кратко описал те же события, о которых рассказывает и Геродот, и довел свою историю до 465г. От этого сочинения сохранилось незначительное количество отрывков.

---

[18] О Хароне Лампсакском см. Hepperle A. Charon von Lampsakos // Festschriften. Regenbogen. Heidelberg, 1956. 5.67.

От второго сочинения «Летопись Лампсака» сохранилось всего шесть отрывков. Харон отдавал предпочтение реальной истории. Он первый начал писать о Греко-персидских войнах, очевидцем и возможно участником, которых он был. У него были попытки исторической критики, но вместе с тем он немало места уделял генеалогическим легендам и мифологическим сказаниям, наивно веря в них. Он имел пристрастие к анекдотам, предзнаменованиям и преданиям. Что касается фактов, то он лишь кратко их перечислял, поскольку он писал не историю, а летопись. Нередко его изложение напоминает сказку (frg. 9). Харон писал на ионийском диалекте.

К младшим логографам, жившим уже в нач. V в., можно отнести прежде всего Ксанфа Лидийского[19]. О нем сведения у Свиды. Жил он (или родился: Свида употреблял глагол γℳ́γονα от γίνομαι) во время взятия Сард. Правда, неясным остается вопрос, о каком взятии идет речь: персами ли в 546г. или ионийцами во время восстания в 498г. Согласно свидетельству Дионисия Галикарнасского, Ксанф один из тех историков, которые жили незадолго перед Пелопоннесской войной, будучи старшими современниками Фукидида. В одном из фрагментов Ксанф рассказывает о засухе, случившейся в царствование Артаксеркса I (465-425гг.). Поэтому большинство исследователей определяет его время жизни 500-440гг. до Р.Х. Он написал «Лидийскую историю» в четырех книгах, от которой сохранилось 27 отрывков.

Для характеристики его творчества важное значение имеет замечание Дионисия Галикарнасского (Дион. Гал. I.28) о том, что «Ксанф более чем кто-либо другой сведущ в древней истории, а относительно отечественной не уступал никому». Сочинение Ксанфа служило источником для Николая Дамасского (I в.н.э), которому принадлежит

[19] О Ксанфе Лидийском см. Diller H. Zwei Erzählungen des Lyders Xanthos // Navicula Chiloniensis (Festschriften. F. Jacoby) Leiden, 1956. S. 66.

сочинение «Всеобщая история», сохранившееся в большей части и недавно переведенное на русский язык. Критика источников у Ксанфа отсутствовала. Его произведение пронизано глубокой религиозностью.

К младшему поколению логографов относится также Гелланик Митиленский[20], современник Геродота и Фукидида. Он родился около 490/480гг. и умер в 410/406гг. до Р.Х. Более точное определение времени жизни Гелланика невозможно из-за противоречивых суждений у древних. О нем упоминала Памфила, поэтесса и ученая женщина, жившая во время римского императора Нерона; в своем сочинении «О знаменитых мужах древности» Дионисий Галикарнасский считал его одним из историков, живших раньше Геродота; по свидетельству Псевдо-Лукиана, Гелланик прожил 85 лет (Макроб.22); из схолиев к «Лягушкам» Аристофана (стихи 690 и 720) следует, что Гелланик описывал события 407/406 гг.

От сочинений Гелланика сохранилось 179 отрывков. Он был одним из наиболее плодовитых логографов. Только по фрагментам известно 30 наименований его произведений. Его сочинения можно разделить на 3 группы.

Генеалогические сочинения свидетельствуют о его глубоком интересе к легендарным событиям. В этих сочинениях он описал древнейшую историю Аргоса, Фессалии. У него была поэма «Атлантида», содержание которой осталось неизвестным. О Троянской войне Гелланик рассказал в «Троянских событиях». Дионисий позаимствовал у него рассказ о бегстве Энея из горящей Трои.

Хорографические сочинения свидетельствуют о том, что Гелланика интересовали не только легендарные, но и реальные события. К этим сочинениям относятся 2 книги «Истории Эолии», 2 книги «Истории

[20] Fritz K. Von. Die Griechische Geschichtsschreibung Bd I. (2 Teile). Berlin, 1967; Jacoby F. Atthis. The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxford, 1949. Античная историческая мысль и историография… С. 29-30.

Персии» и 4 книги «Истории Аттики» или «Аттиды». В этих сочинениях речь шла об основании городов и об их истории с древности до времени жизни автора. История Аттики написана в летописной форме и доведена до конца Пелопоннесской войны. Этим сочинением Гелланик открыл длинный ряд так называемых «аттидографов» - писателей истории Аттики[21].

К хронологическим сочинениям относятся «Карнейские победы» и «Жрицы Геры» в трех книгах. Первое из этих сочинений заключало в себе список победителей на Корнейских играх в честь Аполлона; второе – летопись, в которой излагались события всей Эллады. Год обозначался именем жрицы и под этим годом описывались происшедшие события. В основу хронологии были взяты имена жриц, потому что храм Геры в Арголиде пользовался уважением в Элладе и по жрицам его велся счет лет не только в Арголиде, но и в других местах. Поэтому и Фукидид в своей «Истории» говорит, что Пелопоннесская война началась в 48-й год жречества Хрисиды (Фукид. II.1).

В этой Хронике Гелланик изложил также мифологические события Италии и Сицилии. Так, Дионисий Галикарнасский, ссылаясь на рассказ

---

[21] В основе этих сочинений лежат списки архонтов, к которым присоединялись записи о важнейших происшествиях и природных явлениях. Авторы этих сочинений касались хронологии и топографии, политической и литературной истории, в частности истории государственных учреждений. Они отличались стремлением к точной хронологии, нередко прибегали к цитатам из постановлений и законов. От сочинений аттидографов сохранились только фрагменты. Наиболее известными аттидографами были Андротион и Филохор, возможно один из последних представителей этого направления. Филохор, самый выдающийся из аттидографов, жил в конце IV-нач. III вв. до Р.Х. Он принадлежал к жречеству. Его «Аттида» состояла из 17 книг и охватывала всю историю Аттики с древнейших времен и до 261г. От нее сохранилось 155 фрагментов и несколько фрагментов найдены в папирусе, содержащем комментарий Дидима к Демосфену. К этому см. Jacoby F. Atthis. The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxford, 1949; Филохору принадлежал также «Сборник аттических надписей».

Гелланика, сообщает о том, что «сикелийский народ» оставил Италию за три поколения до Троянской войны в 26-й год жречества Алкиопы в Аргосе (Дион. Галик. I.22). Опираясь также на Гелланика, Дионисий приводит рассказ о том, как «Эней», придя вместе с Одиссеем из земли Молоссов в Италию, основал город и назвал его Роме (Ρόμη) по имени одной троянки (Дион. Гал. I.72).

Гелланик собрал и систематизировал огромный материал по мифологической истории Греции. Мифы и сказания в его изложении лишились чудесного элемента и всякой поэзии; боги и герои превратились в обыкновенных царей. Таким образом, Гелланик старался сгладить и примирить противоречия в разных вариантах мифа. Древние авторы упрекали Гелланика в неточности. Его критиковали Фукидид, Эфор и Страбон. Так, Фукидид обвинил Гелланика в том, что он события 478-432гг. изложил кратко и в отношении хронологии неточно (I.97.2). Его хронология действительно была неточна. Она основывалась на генеалогии и он считал, что 3 поколения составляли 100 лет.

Младшим логографом, современником Геродота и Фукидида, был Ферекид из Афин[22]. Дионисий Галикарнасский отзывался о Ферекиде как об «одном из древних историков, не уступающем никому из генеалогических писателей (Дион. Гал. I.131). Аполлоний Родосский цитировал Ферекида столько же раз, сколько всех других логографов вместе. В древности говорилось о двух и даже трех Ферекидах: о Ферекиде логографе и философе. Ферекида логографа называли то леросцем, то афинянином. Обычное объяснение заключается в том, что Ферекид якобы был уроженцем Лероса, а свое главное сочинение написал в Афинах и питал большое уважение и интерес к этому городу. Ферекида – философа характеризуют как уроженца Сирии либо острова Сироса (Σύριο▪),

[22] О Ферекиде Афинском см. Uhl A. Pherekides von Athen. Grundris und Einheit des Werkes. Münch., 1964.

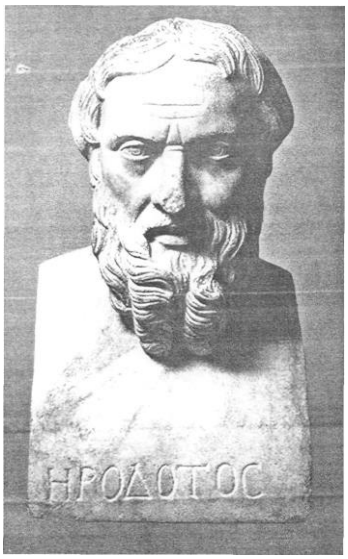
жившего в VI в. до Р.Х. и написавшего космологическое сочинение о пяти стихиях (Πεντέμυχο▪, т.е. об эфире, огне, воде и земле). На основании сообщений Евсеевия и Псевдо-Лукиана время его рождения относится к 500-490гг.

Свида приписывал Ферекиду несколько сочинений, но сохранились отрывки от его сочинения «Истории», состоявшего из 10 книг. В нем речь шла о происхождении богов и знатных родов. Так в первой книге рассказывалось о Теогонии и гигантомахии, во второй книге – о Прометее, в книге III книге - о Геракле, в IV-V книгах – об аргосских и критских сказаниях, в VI-VIII книгах - об эолийских сказаниях и о походе Аргонавтов, в IX-X книгах – об аркадских, лаконских и аттических сказаниях. От этого сочинения сохранилось 118 отрывков.

К сожалению, остается неизвестным, до какого времени Ферекид довел свой труд. Исследователи сомневаются в том, что он мог рассматривать современные ему события. Скорее, все его истории заканчивались рассказом о вторжении дорийцев в Пелопоннес и о выселении эллинов на берега М. Азии. Относительно этих событий есть несколько отрывков, где речь идет о героической смерти царя Кодра (фр.110), о первоначальных жителях Ионийского побережья – карийцах и лелегах, изгнанных переселенцами (фр.11) и об основании города Теоса (фр.112).

Главное достоинство сочинения Ферекида состоит в обилии собранного им материала и в простом пересказе, лишенном даже простейшего толкования легенд. Диалект, на котором писал Ферекид – ионийский, но в нем встречаются многие аттические формы, что свидетельствует о его длительном пребывании в Афинах. Ферекида очень часто цитировали, в том числе и византийские хронисты.

Итак, завершая рассмотрение творчества логографов, следует отметить важнейшие особенности их историописания. Они были первыми прозаическими писателями из М. Азии, писавшими на ионийском диалекте. До этого господствующим был эпический и эолийский диалекты. Уделяя значительное внимание мифологии и генеалогии, они вместе с тем обработали и богатейший исторический материал. Они описывали историю как отдельных городов и местностей, так и всеобщую. В произведениях логографов содержались экскурсы на мифологические, географические и этнографические темы. Такой комплексный подход к историописанию послужил образцом для всей последующей греческой историографии. В их произведениях уже были попытки критической переработки древних преданий и рационалистического толкования мифов. Однако этот рационализм и критика были еще очень субъективны и примитивны. Их хронологические построения были, конечно, не точны, но они первые обратились к использованию списков царей и должностных лиц, ввели понятия «поколение» и «век», равный 100 годам или 3 поколениям. Источниками для логографов служили: эпос, лирика (особенно элегии и ямбы), местные летописи и хроники, собственные наблюдения, рассказы купцов, моряков и путешественников. Историописание логографов было прозаическим, но в их языке сохранилось еще немало подражаний поэтической речи. Поэтому произведениям их была свойственна художественная форма. Именно это заставляет некоторых скептически настроенных ученых не признавать в них историков. Но если учитывать не только форму их произведений, но и их содержательную сущность, а также то, что в VI - нач.V вв. до Р.Х. появилось весьма большое число этих писателей, востребованных обществом, можно с уверенностью утверждать, что греческая историография появилась именно в это время, а ее творцы логографы и были первыми греческими историками.

Глава 5. Геродот – отец истории

5.1. Биографические сведения о Геродоте «История» Геродота, ее композиция и стилистические особенности

В конце VI – нач. V вв. до Р.Х. в истории Греции совершалось одно из самых ярких событий – Греко-персидские войны. Победа эллинов в этой войне подготовила благоприятную почву для качественно нового этапа в развитии греческого историописания. Это было обусловлено следующими причинами. Накануне и в течение этой войны активизировались политические связи между греческими городами, с одной стороны, и усилились контакты греческих полисов с варварским миром, с другой. Победа эллинов дала возможность сравнить восточно-деспотический режим Персии с демократическими формами правления греческих полисов и сделать вывод о преимуществе последних.

В это время стал складываться универсальный подход к историческим событиям. Писатели старались не только излагать историю отдельных городов, но пытались определить место этих городов в общегреческой истории. На этот же период приходится и возникновение идеи противостояния между Западом и Востоком.

Исторические события стали рассматриваться с рационалистических позиций под углом религиозно-философской и политической точек зрения. К VI в. до Р.Х. сложилась этническая идентичность эллинов, и возникло понимание различия между эллинами и варварами, правда, на этом этапе оно еще не стало антагонистическим.

В это время и произошел переход от сочинений логографов к подлинной историографии, отцом которой и считается Геродот. Биография Геродота и других историков дана в книге «BI0I» Гермиппа из Смирны (II в. до Р.Х.). На основании этой книги и составлена была биография Геродота и Фукидида у Дионисия Галикарнасского. Материалы о жизни Геродота можно найти в словаре Свиды, в свидетельствах Памфилы-поэтессы времен Нерона (I в. до Р.Х.), Авла Гелия (Аттические ночи II в. до Р.Х.), Страбона[1].

Родился Геродот в 484г. до Р.Х. в Галикарнассе. Происходил будущий историк из карийской знати. Имена его родителей негреческие: Ликс и Дрио, но, по-видимому, уже сам Геродот и его брат Феодор воспитаны были в духе греческой культуры и получили греческие имена. Дядя Геродота, как уже отмечалось выше, тоже был эллинизирован и носил греческое имя Паниасид. Галикарнасс называли «островом морских карийцев», но они жили здесь вместе с прибывшими позже дорийцами из Трезена. Распространенным в этом регионе был ионийский диалект. Геродот был по тому времени хорошо образованным и имел литературные способности. Он знал сочинения Гомера, Гесиода и поэтов. По-видимому,

[1] Jacoby F. // R-E. Suppl. Bd. II. Stuttg., 1913. Col. 205ff. (Rpt. In Griechische Historiker. Stuttg., 1956. S. 7-164.); Лурье С.Я. Геродот. М., 1947; Соболевский С.И. Геродот // история греческой литературы / Под ред. Соболевского и др. М., 1955. С. 28сл.; Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957; Немировский А.И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 50сл.; Кузнецова Т.И., Миллер Т.А. Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий / Отв. ред. М.Л. Гаспаров М., 1984. С. 6-79; Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 104-119; Суриков И.Е. Геродот. М., 2009.

он окончил одну из существовавших тогда Гомеровских школ. Геродот был знаком с драматургией Эсхила и Софокла[2].

В начале V в. Галикарнасс находился под властью тирана Лигдамида. Отношение Геродота к тирании не было сугубо принципиальным. К Артемиссии-дочери Лигдамида, а затем и к Поликрату, самосскому тирану, он относился с почтением. Возможно, Геродот и его родственники находились в ссоре с Лигдамидом. Он участвовал в освобождении Галикарнасса от тирании. В этой борьбе погиб его дядя Паниасид, а ему, возможно, вместе с семьей пришлось эмигрировать и он до 455г. жил на Самосе[3]. С 455г. начинается период путешествий Геродота. В каком качестве и с какой целью путешествовал Геродот - неизвестно. Возможно, эллинское воспитание пробудило в нем чувство любопытства, присущее грекам. География путешествий Геродота была обширной. Он побывал в Персии, Египте, различных частях Эллады и в греческих колониях, в том числе и в Северном Причерноморье[4].

---

[2] О хорошем знании Геродота драматургии Эсхила и Софокла и влиянии ее приемов и техники на него см. Waters H.The Purpose of Dramatization in Herodotus // Historia. 1966. Bd. 15. P.157; Немировский А.И. Ук. соч. С. 60сл. О взаимоотношении Геродота и Софокла с детальным анализом дискуссии о дружбе поэта и историка см. статью А.А.Синицына Геродот, Софокл и египетские диковинки (Об одном историографическом мифе) // Античный мир и археология / Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 12. Саратов, 2006. С. 363сл.

[3] Об отношении Геродота к тирании см. Соболевский С.И. Ук. соч.С. 44сл.; Немировский А.И. Ук. соч. С. 68; Бузескул В.П. Ук. соч. С.118; Diesner H.J. Die Gestalt des Tyrannen Polykrates bei Herodot //Acta Antiqua Acad. Scientiar. Hungarica, 1959.Bd. 7. S. 211; Waters K.H. Herodotus on Tyrants and Despots: A Study in Objectivity. Wiesbaden, 1971; Grame G. The Properity of Tyrants: Bacchylides, Herodotus and the Contest for Legitimacy //Arethusa. 1966. Vol 29, P. 57-85; Lavelle B.M. The Compleat Angler: Observations on the Rise of Peisistratos in Herodotus (I. 59-64) // ClQ. 1991. Vol. 41. P. 317-324.

[4] О путешествиях Геродота, в том числе и в Северное Причерноморье см. Соболевский С.И. Ук. соч. С.32; Борухович В.Г. Ук. соч. С. 465сл.; Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шилова И.А. «Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982; Armayor O.K. Did Herodot ever go to the

Существует устоявшееся мнение, что с 447 г. Геродот поселился в Афинах, но афинского гражданства он не получил и оставался метеком. Геродот прибыл в Афины в то время, когда укреплялась власть Перикла. После изгнания его политического соперника Фукидида, сына Мелесия, Перикл в нарушение порядка, сложившегося после реформ Клисфена, ежегодно избирался в стратеги и фактически единолично руководил Афинами. Незадолго перед тем, как Геродот прибыл в Афины, Перикл провел гражданскую реформу, резко сократив число граждан, поскольку, согласно реформе, афинским гражданином теперь мог стать лишь тот, у кого отец и мать были гражданами Афин, либо лицами, получившими гражданство в результате усыновления. Насколько можно судить по самому содержанию «Истории» Геродота его отношения с Периклом не были близкими и дружественными (VI.131)[5]. На этом основании и, используя другие аргументы, И.Е. Суриков считает, что появление Геродота в Афинах следует отнести к 460–м гг., и дружественные отношения он, скорее всего, имел с Филаидами. Именно поэтому, как

Black Sea? // HSPh, 1978. Bd. 82; см. также Бузескул В.П. Ук. соч. С. 120 и ссылки на более раннюю литературу (там же прим.1).

[5] Нельзя проблему Геродот и Перикл увязывать непосредственно с его отношением к Афинам и афинской демократии, как это делал Г.Штрасбургер, подвергая сомнению позитивное отношение к демократическим Афинам периода правления Перикла (Strasburger H. Herodot und das Perikleische Athen. // Historia. 1955. Bd. 4. S. 1-25. К дискуссии об этом см. Edelman H. Demokratie bei Herodot und Thukydides // Klio, 1975. Bd. 57. S. 574ff; Немировский А.И. Ук.соч. С. 66 сл. Об отношении Геродота к афинской демократии и к Периклу см. также Wells J. Herodotos and Athens // Clas. Philol.1928. Vol. 23. P. 317-331; Treves P. Herodotus. Gelon and Perikles // Clas. Philol. 1941. Vol. 36 (Коммент. к Herod. VII.162); Waters K.H. Herodotos and Politics // Greece and Rome. 1972. Vol. 19. №2 P. 136-150; Develin R. Herodotus and the Alkmeonids // The Craft of the Ancient Historian / Ed J.W. Eadie and J.Ober Lanham Md. 1985. P. 125-139; Schwartz J. Hèrodot et Périkles // Historia 1969. Bd. 18. Hft 3. S. 367-370; Ostwald M. Herodotus and Athens // ICS.1991. Vol. 16. № 1/2. P.111-124. см. также мою статью: Строгецкий В.М. Геродот и Алкмеониды // ВДИ. 1977. №3. С. 145-155. особ. 153-155.

вполне разумно считает исследователь, Геродот вскоре после изгнания из Афин Фукидида, сына Мелесия, выходца из рода Филаидов в 444 г. до Р.Х., покинул Афины и отправился в Фурии[6].

Плутарх в трактате «О злокозненности Геродота (De malign. Herodot.26. P. 862b) сообщает о полученной им награде в 10 талантов в Афинах. Позднее авторы отмечают, что он получил награду от афинян за то, что на празднике Панафиней читал им свои книги об участии афинян в войне с персами[7]. Сочинение Геродота было достаточно хорошо известно в Афинах, поскольку цитаты из него встречаются у трагиков и у младшего современника Геродота Фукидида[8].

В середине 40-х гг. Геродот покинул Афины и переселился в Фурии, афинскую колонию в Ю.Италии, ставшую фактически самостоятельным полисом. Причины отъезда Геродота из Афин остаются неизвестными. Возможно, имело место расхождение с Периклом. Геродот в Афинах не имел гражданских прав, поэтому его отъезду могли способствовать дружественные отношения с Протагором, который по просьбе фурийцев отрегулировал в полисе систему законодательства. Фурийцы в благодарность, возможно, предоставили гражданство ему и Геродоту. Сохранилось упоминание о том, что «Историю» написал Геродот фуриец (Aristot. Ritor. 1409 a.29; Strab.XIV.2.16), то есть гражданин Фурий[9].

---

[6] Суриков И.Е. Геродот… С. 165сл.

[7] Информацию о полученной Геродотом награде в 10 талантов Плутарх передал со слов афинского историка III в. до Р.Х. Диила. К дисскусии об этом см. В.П. Бузескул. Ук. соч. С. 129; Соболевский С.И. Ук. соч. С. 33; Lesky A. Geschichte der greschichen Literatur… München, 1971. S. 351.

[8] К этому см. Соболевский С.И. Ук. соч. С. 66. Нет ничего удивительного в том, что художественные достоинства текста Геродота, о чем Дионисий Галикарнасский писал в трактате «Письмо к Помпею» (III), привлекали современников и побуждали их к заимствованию некоторых понравившихся им выражений.

[9] О переселении Геродота в Фурии см. Соболевский С.И. Ук. соч. С.30; Борухович В.Г. Ук. соч. С.467-468. К этому см. также Lassere Fr. Hérodote

Здесь Геродот продолжил работать над своим сочинением, но не закончил его. Последняя девятая книга фактически обрывается. Она заканчивается описанием истории о Ксеркссе и его брате Масисте. Умер Геродот между 430 и 424гг. Остается неизвестным, умер ли он в Фуриях или в Афинах после своего возвращения.

История труда Геродота, его тема и композиция в новейшей литературе стали предметом дискуссии. Исследователи сочинения Геродота: немецкий ученый Ф.Якоби, отечественный историк С.Я.Лурье и с некоторыми оговорками В.Г. Борухович считают, что он не писал историю по заранее задуманному плану и сначала не собирался писать о Греко-персидских войнах. Он начал якобы писать логосы (λόγοι) на различные темы, вставляя в них в виде экскурсов сведения по истории и этнографии других народов. Затем он эти логосы стал обрабатывать для написания истории Греко-персидских войн[10]. Описание этих событий начинается с шестой книги.

Вторая точка зрения, которой придерживаюсь и я, заключается в том, что Геродот с самого начала решил писать о том, как и почему начались Греко-персидские войны, на что указывает уже вступление. В первых пяти книгах (I-V.28) Геродот дал предисловие к Греко-персидским войнам, рассказав как эллины и другие народы постепенно вступили в столкновение с персами. Начиная с книги V.29, он уже непосредственно описывает сами войны. Одним из главных требований авторского плана является его единство. «История» Геродота вполне удовлетворяет этому требованию[11].

---

et Protagoras. Le débat sur les constitutions // Mus. Helvet. 1976. t.33. P. 65-84; Суриков И.Е. Геродот. С. 299сл.

[10] Jacoby F. Herodotos… S. 2717; Лурье С.Я. Геродот. С. 124; Борухович В.Г. Ук. соч. С. 469 сл.

[11] Sanctis G. de La composizione della storia di Herodoto // Rivista di Filologia. 1926. t.4. P. 290f; Pohlenz M. Herodot der erste Geschichtsschreiber des

Несмотря на множество вставных эпизодов, сочинение Геродота написано по глубоко продуманному замыслу. В основе его заключена идея об изначальной вражде между эллинами и восточными народами. И в отличие от логографов, которые дробили свое повествование на многие мелкие эпизоды, часто совершенно не связанные друг с другом, у Геродота обнаруживается целостность изложения и передача событий в последовательном историческом развитии.

В современных печатных изданиях сочинение Геродота имеет разные названия «Геродот», «История», «Музы Геродота». Это объясняется тем, что в рукописи нет общего заглавия сочинения, но только названия отдельных книг. В рукописной традиции сочинение Геродота разделено на девять книг, каждая из которых называется именем одной из муз. Это деление не восходило к Геродоту. О том, что книги Геродота вскоре после их появления получили названия Муз, сообщает Лукиан в трактатах «Геродот или Аэтион» и «Как надо писать историю, 42. Автор говорит, что «Геродот, читая свою «Историю на Олимпийских играх до такой степени восхитил и очаровал присутствующих, что его книги получили имена Муз, которых также было девять». О том, что сочинение Геродота было разделено на девять книг, сообщает Диодор Сицилийский (XI.37).

Abendlandes // Neue Wege zur Antike. Lpz., 1932 Reiche 2. Heft 7/8. S. 81, 85, 165; Börnitz H.F. Herodotes Studien. Beitrage zum Verstandnis der Einheit des Geschichtswerks. Berlin, 1986. S. 139-163; Cobet J. Herodots Exkurse und die Frage der Einheit seines Werkes. Wiesbaden, 1971. В отечественной литературе точку зрения о том, что сочинение Геродота отличается единством содержания и последовательностью реализации заранее спланированного замысла см. в следующих работах: Бузескул В.П. Ук. соч. С. 112; Соболевский С.И. Ук. соч. С. 38; Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 65; Немировский А.И. Ук. соч. С. 50сл.; Фролов Э.Д. Ук. соч. С. 108сл.; Кузнецова Т.И., Миллер Т.А. Ук. соч. С. 6сл.

Композиция сочинения Геродота выглядит следующим образом. В нем можно выделить три части: предисловие, описание событий, предшествующих началу Греко-персидских войн и изложение военных событий, начиная с Ионийского восстания (500г. до Р.Х.) и вплоть до битвы у мыса Микале (478г. до Р.Х.)[12]. В предисловии к «Истории» Геродот говорит о своем авторстве, характеризует цели, которые он ставит пред собой и дает краткое описание древних мифологических конфликтов между Азией и Европой, приведших, в конце концов, к Троянской войне (I.1-5).

Стремясь сохранить для потомков ценный человеческий опыт, Геродот подразумевал прагматическое понимание сущности истории, то есть, считал, что она способна учить людей на основе деяний (ℳ☯ργα)[13] прошлого предугадывать поворот событий в будущем, извлекать уроки из ошибок прошлого[14]. Поскольку Геродот жил и писал на стыке двух эпох, когда религиозно-мифологическое мировоззрение сосуществовало с рационально-философским, он создал не столько научный, сколько научно-художественный труд. Кроме того, Геродот был тесно связан с дельфийским жречеством. Поэтому, как справедливо отметил А.И. Доватур, сочинение Геродота написано двумя стилями:

---

[12]К этому см. Sanctis G. de La composizione della storia di Herodoto…ibid.; Groningen B.A. van. La composition littéraire archaïque grecque // Verh. Niederl. Ak. N.R. 1958. t.65/2. S. 70; Beck I. Die Ringskomposition bei Herodot und ihre Bedeutung für die Beweistechnik. Hindelsheim; N.-J., 1971; Wood H. The Histories of Heradotus: Formal Structure. The Hague, 1972; Henry W. The Histories of Herodotus. An Analis of the Formal Structure. Mouton, 1972; Бузескул В.П. Ук. соч. С. 112; Соболевский С.И. Ук. соч. С. 38 сл. Борухович В.Г. Ук. соч. С. 468 сл.

[13] К дискуссии о значении «ℳ☯ργα» и «αι𐅂τία» у Геродота см. Krischer T. Herodots Proimion // Hermes. 1965. Bd. 93. S. 159-167; Немировский А.И. Ук. соч. С. 53сл; Борухович В.Г. Ук. соч. С. 468 прим.24; Фролов Э.Д. Ук. соч. С. 108.

[14] См. Фролов Э.Д. Ук. соч. С. 107; Строгецкий В.М. Возникновение и развитие исторической мысли в Древней Греции (на материале изучения Исторической библиотеки Диодора Сицилийского. Горький, 1985. С. 9.

повествовательным или новеллистическим и научным[15]. Первый преобладал при передаче разного рода новелл, мифов и легенд, которыми труд Геродота изрядно наполнен. Второй – проявляется главным образом в экскурсах, в изложении и интерпретации исторических событий, сражений, в том числе и Греко-персидских войн. Новеллистический стиль Геродота связан также с влиянием на него греческой идеологии. Это находит свое проявление в его представлении о божественном воздаянии, в объяснении исторических событий как цепи взаимных обид (♋ε♂δικίαι) и возмездий (τίσιε▪). Когда же он переходит к изложению конкретных исторических событий, он руководствуется научным стилем и рационалистическим объяснением причин их вызвавших[16].

Завершив описание мифологических конфликтов, приведших к Троянской войне, Геродот переходит к изложению исторических событий в первой части своей истории. Он начинает свой рассказ медийским логосом (I. 6-94), установив исторический факт, заключавшийся в том, что медийский царь Крез первым из варваров, покорив часть эллинов, заставил

[15] См. его сочинение «Повествовательный и научный стиль Геродота».

[16] Об обиде и мести как факторах религиозно-идеологического характера, объясняющих природу исторических событий, см. Доватур А.И. Ук. соч. С. 113; к этому же см. также Суриков И.Е. Лунный лик Клио: элементы иррационального в концепциях первых европейских историков // Проблемы исторического познания. М.: ИВИРАН. 2002. С. 223-235. Рациональные объяснения начала Греко-персидских войн Геродот дает при описании Ионийского восстания V. 35-39; 49-51; 97-126; VI. 1-20), считая, что участие афинян и эритрийцев в этом восстании послужило поводом (πρόφασι▪) к выступлению персов против Эллады. Концептуальное объяснение возникновения Греко-персидских войн Геродот связывал с ростом персидского могущества, обусловленного политической активностью и агрессивностью первых царей из династии Ахеменидов. Этот взгляд Геродота наиболее ярко отразился в беседе персидского вельможи Артабана и царя Ксеркса (VII. 46-53).

их платить ему дань (I.6). Изложение этого логоса дополняется рядом экскурсов и новелл[17].

Следующим является персидский логос, содержание которого охватывает четыре книги его сочинения (I.94-VI). Геродот рассказывает о начале правления Кира Старшего и покорении им Мидии и мидийского царства (I.95-140), о завоевании Ионии и остальной части М. Азии полководцем Кира Гарпагом (I.141-177), о подчинении Киром Ассирии и Вавилонии (I.178-200). Повествование в первой книге завершается описанием похода Кира против массагетов и его гибели (I.201-216). Рассказ Геродота в этой книге сопровождается историческими экскурсами[18].

Вторая книга посвящена описанию Египта, что составляет содержание египетского логоса. Опираясь на рассказы жрецов и другие свидетельства, Геродот дает географическое описание Египта, рассказывает о жизни и быте египтян, их религии, жречестве, об искусстве врачевания и бальзамирования покойников (I.2-98). Далее Геродот переходит к описанию египетских царей и совершенных ими деяний, среди которых самым выдающимся он справедливо считал строительство пирамид (I.99-182). Содержание египетского логоса дополняется двумя экскурсами[19].

Завершением египетского логоса является описание Геродотом в начале третьей книги похода Камбиса в Египет (III.61-до конца VI книги). Геродот рассказывает о восстании Смердиса и подавлении его Дарием

---

[17] Экскурс в историю Спарты (I. 58-70), тирания Писистрата в Афинах (I. 59-64); новелла о певце Арионе, жившем при дворе коринфского тирана Периандра (I. 24); легендарное описание встречи Солона с Крезом и рассказ Геродота о солоновском понимании человеческого счастья (I. 30-33).

[18] Экскурс об ионийских городах (I. 142-153); о вавилонской истории (I. 178-200).

[19] Содержание египетского логоса дополняется экскурсом о гомеровском эпосе и Троянской войне (II. 113-120)

вместе с другими знатными персами (III.61-79). Дальнейший рассказ сопровождается описанием дискуссии трех знатных персов (Отана - сторонника демократии, Мегабиза - олигархии и Дария - монархической власти) о характере будущего устройства персидского государства (III.88-97); о жизни народов Дальнего Востока и Севера Европы (III.97-117), а также о тиранах Самоса (Поликрате, Меандрие и Силосонте -III.39-149)[20]. Большая часть IV книги посвящена скифскому логосу (IV.1-142). Конец четвертой книги (IV.152-203) и начало пятой (V.1-24) посвящены ливийскому, киренскому и фракийскому логосам.

Вторая часть сочинения Геродота посвящена описанию собственно Греко-персидских войн (V.28 - IV.32). Изложение событий сопровождается целым рядом экскурсов в историю Спарты и Афин[21].

Далее Геродот переходит к описанию трех походов персов против Эллады. Первый – это поход Мардония (IV. 43-45), второй – поход Датиса и Артаферна, организованный Дарием (IV.46 – до конца IV книги). Центральной темой этой книги является описание марафонской битвы (IV. 94-120). Это описание дополняется целым рядом экскурсов, посвященных отдельным сюжетам спартанской и афинской истории[22].

---

[20] Третья книга Геродота содержит также две новеллы: О Поликратовом перстне (III. 40-43) и коринфском тиране Периандре (III. 50-53).

[21] Геродот сообщает о конфликте между Дориэем и Клеоменом в Спарте (V. 39-48). Экскурс в историю Афин характеризуется изложением сведений о древнем роде афинских тираноубийц гефиреев (V. 55-61); рассказом об афинском аристократическом роде Алкмеонидов, освобождении Афин от тирании и преобразованиях Клисфена (V. 62-70); о Килоновой смуте в Афинах (V. 71); о борьбе между Спартой и Афинами и четырех походах дорийцев в Аттику (V. 72-76); о войне между Афинами и Эгиной (V. 77-89); о попытках лакедемонян вернуть бывшего тирана Гиппия в Афины и коринфском тиране Периандре (V. 90-96).

[22] Геродот сообщает о взаимоотношениях афинского тирана Писистрата и Мильтиада, сына Кимона, который, будучи тираном Херсонеса Фракийского, вернулся в Афины, едва избежав захвата в плен финикийцами, союзниками персов (VI. 34-42); передает дополнительные сведения об истории Алкмеонидов (VI. 121-125); рассказывает о

Третий поход персов организовал и возглавил новый персидский царь Ксеркс. Геродот рассказывает об этом походе в седьмой, восьмой и девятой книгах. Важными сюжетами седьмой книги являются: описание прихода к власти Ксеркса и спора знатнейших персов (Мардония, Артабана и самого царя о целесообразности выступления против эллинов (VII. 1-20); рассказ о подготовке к походу и сооружение канала через мыс Афон (VII. 22-37); характеристика персидского войска и флота, состоящих из многих покоренных народов и выставленных ими кораблей по требованию Ксеркса (VII. 60-99); сообщение об отправлении посольств к различным народам с требованием признания персидского господства и о создании панэллинского союза против персов (VII. 131-175). Заключительным и решающим сюжетом седьмой книги является описание битвы у Фермопил (VII. 201-238). Седьмая книга также сопровождается рядом речей и экскурсов[23].

В восьмой книге Геродот дает характеристику эллинским морским силам и описывает сражение их с персидским флотом у мыса Артемисий (VIII.1-16). Далее он рассказывает о продвижении сухопутного персидского войска в Среднюю Грецию и взятии Афин (VIII.32-56). Затем Геродот сообщает о пребывании греческого флота у Саламина, сообщая о

сикионском тиране Клисфене и свадьбе его дочери Агаристы (VI. 126-131); о деятельности Мильтиада, победителя персов при Марафоне (VI. 103-111; 132-140).

[23] Содержание седьмой книги Геродот дополняет речами Мардония, Артабана и Ксеркса о целесообразности нового выступления против эллинов (VII. 5.8-11); диалогом Артабана и Ксеркса о характере продолжения военных действий против эллинов (VII. 46-53); беседой Ксеркса со спартанским изгнанным царем Демаратом (VII. 101-104; 209); рассказом о беседе Ксеркса с Демаратом и предводителем своего флота Ахеменом о том, где лучше дать морское сражение эллинам (VII. 234-237); сообщением об эллинских народах, особенно спартанцах и афинянах, не пожелавших признать персидское господство (VII. 132-135) и выдвижении в Афинах в число выдающихся политиков Фемистокла (VII.143-144); рассказом Геродота о Гелоне Сиракузском и его победе над арфагенянами в битве у Гикмеры (VII. 156-167).

его составе (VIII.40-49), и описывает действия Фемистокла и саламинское сражение (VIII. 57-123). Завершается восьмая книга рассказом Геродота о передвижении сухопутного персидского войска во главе с Мардонием (VIII.131-144).

Большая часть девятой книги посвящена описанию Платейской битвы, в которой эллинскими войсками командовал спартанец Павсаний (IX.1-89), и битвы у м. Микале, в которой эллинским флотом командовал спартанец Леотихид. В этом сражении эллины одержали над персами победу как на море, так и на суше (IX.90-107). Дальнейшее повествование Геродота обрывается рассказом о любовных домогательствах Ксеркса к жене своего брата и ее трагической судьбе (IX.108-113).

5.2. Стилистические особенности труда Геродота. Источники и отношение к ним «отца истории»

Стилистические особенности Геродота как историка и новеллиста тесно связаны с его источниками и его отношением к ним. Среди источников следует выделить письменные, документальные, устные и визуальные. К последним можно отнести военные монументы, храмы, храмовые посвящения, статуи и другие увиденные «отцом истории» объекты и явления. Живя в Афинах и на Самосее, Геродот несомненно знал литературу, которая уже появилась к его времени. Это прежде всего эпическая поэзия, раннегреческая лирика, философская и медицинская проза, а также литература логографов и аттидографов. Среди всего этого могли быть и семейные архивы известных аристократических фамилий. Правда, поскольку во времена Геродота не принято было обязательно ссылаться на источники полученной информации, современный исследователь крайне ограничен в возможности получения соответствующих сведений. Он должен учитывать, прежде всего, ту информацию, которую сообщает ему Геродот.

Есть несколько фрагментов сочинений писателей позднего времени, указывающих, что Геродот черпал данные из произведений некоторых логографов[24]. Несомненно, он имел перед глазами, по крайней мере, одно из сочинений Гекатея «Землеописание». Об этом не только свидетельствует Порфирий, один из учеников неоплатоника Плотина III в. от Р.Х. и ритор Гермоген Тарсский, современник Марка Аврелия, но и сам Геродот четыре раза упоминает о Гекатее (II. 143; V. 36, 125-126; VI. 137). На этом основании гиперкритик XIX в. Г. Сейс обвинял Геродота в плагиате, но это обвинение было отвергнуто[25]. Историк IV в. до Р.Х. Эфор, получивший образование в школе Исократа, в одном из фрагментов своей «Всеобщей истории» говорит, что Геродот почерпнул сведения для своего медийского логоса из сочинения логографа Ксанфа медийского «☹◆♎♓♋&♋❖». Но вместе с тем, сравнивая фрагменты его «Медийских рассказов» с содержанием Медийского логоса, можно найти ряд сведений, отличных от того, что писал Ксанф[26].

Дионисий Галикарнасский, известный ритор и историк I в. от Р.Х., называет среди источников Геродота логографов Гелланика Митиленского и Харона Лампсакского (de praec. Hist . VI. 769)[27]. Наиболее вероятное сходство между Геллаником и Геродотом – это сообщение «отца истории» о человеческих жертвоприношениях гетов своему богу Замолксису (Hdt. IV.94). Но Гелланик был моложе Геродота и мог сам позаимствовать у него этот сюжет. Что касается Харона, то точно также можно отметить некоторое сходство между ним и Геродотом (см. Hdt. I.107 - сюжет об Астиаге, царе мидян). Но вместе с тем о независимости Геродота говорит и тот факт, что Плутарх ссылается на Ксанфа (De malignit. Hdt. 20, 24) для

[24] How W.W. Wels J. A Commentary on Herodotus. Vol. I. Oxf., 1966. P. 22f.
[25] Sace A.N. The Ancient Empires of the East. Herodotos. Vol. I-III. Oxford, 1883.
[26] См. How W.W. Wels J. A Commentary on Herodotus. P. 23.
[27] Ibid. P. 23-24.

того, чтобы опровергнуть сюжет Геродота о мидийце Пактие, поднявшем восстание против персов (I.160.3) и о взятии Сард (V. 102). Кроме того, Геродот, по-видимому, был не знаком с сочинением Харона о Лампсаке, на что указывает его рассказ о пленении Мильтиада лампсакийцами и требование к ним Креза отпустить пленника (Hdt. IV.37).

Геродот прекрасно знал эпическую поэзию Гомера, что подтверждается его собственными ссылками на этих поэтов (о Гомере см. (Hdt. II.23, 56, 116, 117; IV. 29, 32; V. 67; VII. 161; о Гесиоде см. Hdt. II.53; IV.32). Ему была хорошо известна лирика Архилоха (I.12), Алкея (V. 95), Сафо (II.135), Анакреонта (III.121), Солона (II.177; V.113), Симонида Кеосского (V.102; VII.228). Он был также знаком с драматургическим искусством Эсхила и Софокла[28]. По крайней мере, на Эсхила он ссылается (II.156).

Важным источником для Геродота служила оракулярная традиция. Он сообщает об оракулах в Дельфах, в Абах-город в Фокиде со святилищем, и оракулом Апполона в Додоне – город в Эпире со святилищем и оракулом Зевса, в Беотонии, где находилось святилищем с оракулом Зевса Трофония, в Дидимах, город возле Милета, в месте, называемом в честь жреческого рода Бранхидов «Бранхиды», при храме Аполлона. Но наибольшее предпочтение Геродот отдавал Дельфийскому

[28] Характеризуя религиозно-эпические взгляды Софокла и его отношение к мантике, И.Е. Суриков указывает на весьма важные и интересные идеи, отразившиеся в пьесах Софокла (Суриков И.Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине Vв. до н.э. Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной религии. М., 2002. С. 112сл.) Но, к сожалению, он не проводит сравнительного анализа с идеями и взглядами Геродота. Сходство между ними весьма близкое, но на этом основании не следует искать доказательства заимствования одного у другого. Религия и этика второй пол. Vв. до Р.Х. были фоном или духовной средой, в которой создавали свои творения оба автора и, будучи современниками, они имея свои собственные цели, не могли не интересоваться сочинениями друг друга.

оракулу дельфийскому жречеству. В его «Истории» обнаруживаются около 100 ссылок на дельфийские пророчества[29]. С определенной долей уверенности оракулярную традицию можно отнести к письменным источникам Геродота. Большинство оракулов, содержащихся в его Истории – это результат изысканий самого автора.

Придавая огромное значение этому источнику информации, Геродот, судя по его высказываниям, старался побывать в большинстве святилищ и поговорить с жречеством. По-видимому, больше всего он бывал в Дельфах. Из 100 оракулов 20 изречений Пифии известны в стихотворной форме, остальные – либо в прозаическом переложении, либо просто в виде упоминания об их существовании[30]. В крупных храмах, несомненно, существовали архивы, называвшиеся ◆☺◘☐❍■♒❖❍♋♦♋ ♓☺♏❒♋♦♓&♋❖, в которых велись записи оракулов[31]. Геродот чаще всего пользовался изложением содержания оракулов в стихотворной форме или передавая их содержание в прозе. Кроме того, он знал о многих оракулах благодаря устным сообщениям, полученным от других лиц. Весьма доверительное отношение Геродота к оракулярной традиции (Hdt.

---

[29] Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений. (VII-V вв. до н.э.) Санкт-Петербург, 2001. С. 14сл.

[30] Кулишова О.В. Ук. соч С. 14.

[31] О пребывании Геродота в Дельфах и использовании им храмовых архивов свидетельствуют оракулы из дельфийской коллекции данные Крезу (I.47, 55, 85), спартанцам (I.65.2), Милету и Аргосу (VI.18, 77.2; VII.148.3), жителям Сифноса (III. 57.4), коринфянам (V.92) и афинянам (VII.140-141), серия оракулов, данных жителям Феры о выведении колонии в Ливию (IV.150f); Писистратиды оставили на афинском акрополе коллекцию оракулов (V.90.2); Геродот сообщает также оракулы прорицателей Мусея, Бакида и Писистрата (VII.6.3; VIII.20.2; 77.2; 96.2); IX.43.2. К этому см. How W.W. Wels J. A Commentary on Herodotus. Vol. I. Oxford, 1966. P. 31; Parke H.W. Wormell D.E. W. Delphic Oracle. Vol. I-II. Oxford, 1955. Vol. II. P. VII-VIII; Кулишова О.В. Ук. соч. С. 16.

VIII.77) часто давало основание для гиперкритики[32]. Однако большинство современных исследователей, относясь с доверием к Геродоту, не считают его легковерным популяризатором жреческих идей, не имеющих исторической ценности.

Среди источников Геродота были и документальные материалы, причем не только эллинские, но и персидские. Это стелы, надписи, картины, сооружения. Историк подчеркивает, что он все это видел собственными глазами. В большинстве случаев это подтверждается данными археологии. После свержения тирании в Афинах и установления демократического строя первые победы были достигнуты афинянами над беотийцами и халкидянами, многие из которых были захвачены в плен. Позже они были освобождены за выкуп. Геродот, сообщая об этом (V. 77), говорит, что на десятую часть выкупа афиняне посвятили богине Афине медную четверку лошадей, с вырезанной на ней победной надписью, которую Геродот приводит в своем описании. Во время ионийского восстания перед сражением с финикийским флотом часть самосских кораблей покинула союзников ионийцев, остальные же корабли приняли участие в сражении. Геродот, рассказывая об этом (VI.14), отмечает, что власти Самоса, стремясь увековечить этот доблестный подвиг, повелели начертать на колонне их имена. Геродот видел эту надпись и поместил ее в текст своей главы.

Самосский строитель Мандрокл построил мост через Боспор. Дарий, как говорит Геродот (IV.88), был весьма доволен сооружением и осыпал

---

[32] Fehling D. Die Quellenangaben bei Hérodote. Berl., New York, 1971; Fontenrose J. The Delphic Orocle: its Responses and Operations with a Catalogue of Responses. Berkeley, 1978; Defradas J. Les themes de la propaganda delphiqúe. Paris, 1954 (2[de]ed. Paris, 1972. P. 226); Crahay R. La litérature óraculaire chez Hérodote. Возражение приверженцам гиперкритического напрвления см. Роде П. Дж. В защиту греческих историков // Античность и Средневековье Европы / Под. ред И.Л. Маяк и А.З. Нюркаевой. Пермь, 1994. С. 14-30; Кулишова О.В. Ук. соч С.15-16.

самосца дарами. Мандрокл часть этих богатств использовал для написания картины с изображением всего строительства. Картину эту Мандрокл посвятил храму Геры на Самосе, сопроводив ее надписью, которую цитирует Геродот.

В честь четырехсот пелопонесских воинов павших вместе со спартанским царем Леонидом в сражении при Фермопилах, был поставлен камень с соответствующей надписью, отдельная надпись была посвящена павшим спартанским воинам, которых насчитывалось 300 человек. Эти надписи с точностью цитирует Геродот (VII.228). Ему известно и посвящение, сделанное в виде надписи на могиле в честь прорицателя Мегистия. Это посвящение в форме четырехстишья выполненное поэтом Симонидом Кеосским, также дословно приводит Геродот (там же).

Геродот, по-видимому, имел доступ и к персидским официальным документам. На основании этих документов Геродот рассказывает (III.89-97) о делении персидской державы на 20 сатрапий или податных округов, для каждого из которых устанавливалась единая сумма дани. Сама же Персия была свободна от уплаты податей. По-видимому, из этих же документов Геродот получил сведение о том, что дань собиралась в вавилонских серебряных талантах. Геродот также сообщает о пересчете вавилонских серебряных талантов на эвбейский вес и устанавливает ежегодную сумму поступлений дани в эвбейских талантах (III.95).

Руководствуясь, по-видимому, персидским документом, Геродот дает подробное описание царской дороги из Сард в Сузы с точным указанием количества стоянок и расстояния между ними. Каждая стоянка, как отмечает Геродот, была обеспечена великолепным постоялым двором (V.52).

Геродот, вероятно, не знал Бехистунской надписи, так как нигде о ней не упоминает, но поскольку документ этот имел огромное значение для персов, некоторые фразы из него стали широко употребляться в

письменной речи. Поэтому, когда Геродот цитирует письмо Дария Гистиэю Милетскому тирану (V.24), оно начинается словами: «Гистиэй, царь Дарий говорит тебе…». Выражение «говорит царь Дарий» происходит из Бехистунской надписи. Геродот неплохо разбирался в персидских делах времен Дария. Так его рассказ о борьбе между сыновьями Дария за власть (VII.2-3) находит подтверждение в так называемой «гаремной надписи» Ксеркса из Персеполя[33].

После расправы над Гауматой, который царствовал в Персии в течение семи месяцев, выдавая себя за сына Кира Смердиса, убитого по его приказу, между знатными персидскими заговорщиками начались споры о форме правления. Об этом подробно рассказывает Геродот (III.80-84). Отечественные исследователи В.В.Струве, И.М, Дьяков, А.И. Доватур и М.А. Дандамаев считают, что рассказ Геродота основан на подлинной персидской традиции[34].

Геродот не владел ни персидским, ни египетским языками, поэтому пользовался переводчиками. Благодаря этому он знает о содержании надписи на нижней части пирамиды Хеопса (II.125), надписи на гробнице из глиняных кирпичей египетского фараона Асихиса (II.136), а также надписи на каменной статуе фараона Сетоса (II.141).

Но, безусловно, основным источником Геродота была устная традиция. Геродот сообщает имена некоторых своих информаторов. Это Архий, с которым Геродот познакомился с спартанском округе Питане. Он был внуком того Архия, который участвовал в спартанской экспедиции против Самоса во время правления Поликрата (III.55). В Скифии его информатором был знатный скиф Тимн, рассказавший Геродоту о судьбе эллинизированного скифа Анахаренса (VII.76). Одним из информаторов

[33] См. Борухович В.Г. Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История / Пер. Г.А. Стратановского. М., 1993. С. 482.
[34] Дандамаев М.А. Порлитическая история ахеменидской державы. М., 1985. С. 482.

Геродота был Ферсандр из Орхомена, видный сторонник персофильской группировки, сообщившей Геродоту о том, что некий перс предсказал ему, что войско Мардоний будет разгромлено в битве при Платеях (IX, 16). Среди информаторов Геродота было немало жрецов и жриц. Так, жрицы в Додоне Пролиния, Тимарета и Никандра рассказали о возникновении прорицалищ в Додоне и в Ливии (II.55). Среди иностранных информаторов Геродот называет имя Зопира – персидского перебежчика и правнука персидского военоначальника. Мегабиза (III.160). Но чаще всего Геродот ограничивается анонимными замечаниями, указывая лишь на этническую принадлежность информаторов: афиняне, аркадяне, коринфяне и т.д.

Подтверждением того, что во время Геродота устная традиция считалась основным видом информации, является его мнение о том, что критерием истины можно считать только увиденное им самим (♋◆❖♦♐♓❖♒ ❍♋❑♏♓🕯■ ♦♓ ср. Hdt. II. 29). Поэтому Геродот большое значение придавал так называемым визуальным источникам информации. Он подробно описывал памятники искусства и архитектуры и другие объекты и явления, увиденные им, благодаря которым он получил информацию, или в связи с которыми он узнал исторические сведения, о чем и сообщает в своем сочинении.

Описывая дары, посланные Крезом в Дельфы, Геродот помогает читателю понять действия медийского царя, направленные на подготовку его к войне с персами (I. 51). Рассказывая о Вавилоне, Геродот подчеркивает грандиозность завоеваний Кира (I.178-183).

Описание пирамид Хеопса и Хефрена послужили для Геродота свидетельством величайших тягот и бедствий, которые испытали египтяне во время их правления (II. 124-128).

Характеризуя знаменитый лабиринт и Меридово озеро, на берегу которого он стоял, Геродот показывает, чего могли добиться самоские

цари после освобождения Египта от эфиопов, если они действовали сообща, заключив договор о дружбе (II. 148-149).

Рассказ об архитектурных сооружениях Амасиса и его посвятительных дарах в храмы, в том числе и эллинские, позволили Геродоту показать величие правления этого фараона (II. 175-182).

Важнейшим источником Геродота, в частности для установления хронологии, служили также списки должностных лиц. Геродот руководствовался списками спартанских царей (VII.204; VIII.131), афинских архонтов и жриц.

Поскольку устная традиция была для Геродота главным источником информации, он не отрицал значения мифов, сновидений, чудесных явлений, но старался придать им рациональное объяснение и считая мифологические сюжеты первоосновой для реальных исторических событий. Так, причину вражды между Западом и Востоком, приведшей впоследствии к войне между греками и персами, Геродот видел в мифологических похищениях женщин: Ио, дочь царя Аргоса, выкрали финикийцы и поспешно уплыли в Египет, а эллины похитили в Тире царскую дочь Европу. Он считает, что это были критяне (I.1.2). Геродот рационализирует миф о похищении Европы Зевсом. Такой же рационалистической отработке Геродот подвергает и миф о похищении сыном троянского царя Приама Александром – Парисом жены спартанского царя Менелая Елены (II. 113-119). Рационалистическое объяснение Геродот дает также мифологическому рассказу о происхождении оракулов в Ливии и Додоне (ср. II.55-57). Явно из фольклорной традиции происходит рассказ Геродота, также подвергшийся рационалистическому объяснению, о происхождении двойной царской власти в Спарте (VI.52).

Геродот соединяет божественное объяснение явлений с естественным. Так, он говорит, что если Посейдон производит

землетрясения, то результатом этого землетрясения и явилась расселина между горами (VII.129.4).

Придавая серьезное внимание мифам и устной традиции, Геродот вместе с тем противопоставляет мифологический и исторический периоды. Сравнивая Поликрата и Миноса, Геродот различает героический, (то есть мифологический) период и исторический III.122.2). Он осознавал, что описывая исторические события, необходимы твердые доказательства. Поэтому «Отец истории» избрал для себя следующие основные принципы:

1. Он утверждает, что главной его целью была запись (♋♐❒❒❖♎♏☒♓▪) свершившихся событий (♑♏■❒❖❍♏■♋) и достойных удивления великих деяний (♏☯❒♑♋ ❍♏♑♋❖●♋ ♦♏ &♋♓▭ ❑⬩❍♋⬩♦♋❖), совершенных эллинами и варварами, чтобы они со временем не пришли в забвение, а также все прочее (♦♋❖♦♏ ♋☯●●♋) и причину, из-за которой они начали войну друг против друга (♎♓♐ ♒“ ♋♓♐♦♓❖♒■ ♏♐❒❒●♏❖❍♒⬩♋■ ♋♐●●♒❖●❒♓⬩♓); рассматривая конкретные события, связанные с началом Греко-персидских войн, Геродот дает этому вполне рациональное объяснение, указывая на роль Ионийского восстания и агресиссивную политику царей династии Ахеменидов (V.97; 105-106)[35];

2. Своим долгом Геродот считал необходимым передавать все, что рассказывают, но верить всему он не обязан (VII.152, ср. II.123);

3. Принцип отбора и исследования информации Геродотом сводился к следующему:

1) прежде всего, он записывал все то, что наблюдал собственными глазами (♋◆♐♦♲♓♋, ❒♲♓▪) (II.99);
2) все о чем узнавал со слов других (♋&❒♒❻🕯) (II.99);

[35] См. Строгецкий В.М. Возникновение и развитие исторической мысли в Древней Греции // На материале изучения историч. библиотеки Диодора Сицилийского / Горький, 1985. С. 9-12.

3) то, что становилось ему известным в результате собственного исследования и умозаключений (♓☺♦♦☐❐♓❖♒ и ♑■♦☺❍♒);

4. Геродот старался приводить разные точки зрения (II.142.1; 147.1; III.9.2; IV.5,12; VI.75, 84), но за истину принимал часто то, что мог подтвердить, увидев собственными глазами (II.147.1), либо из соображений вероятности (II.49.1; III .45.3; VIII.8.3; 94), либо, если разные точки зрения совпадали (IV.4, 12);

5. Часто приводя разные точки зрения, Геродот окончательный ответ оставлял за читателем, подтверждая тем, что истина может быть достигнута только благодаря прочному доказательству (II.123; IV.195; VII.152);

6. Геродот продемонстрировал также и способность к филологической критике. Сравнивая гомеровский эпос с циклической поэмой «Киприи», он обнаружил противоречие, заключавшееся в том, что Гомер, хотя и поместил Елену в Трое, знал о том, что Парис и Елена были занесены ветром в Египет, о чем он и сообщает в «Одиссее». В поэме «Киприи» Елена и Парис из Спарты прямиком отправились в Трою (II.113-117). На этом основании Гомер делает вывод, что поэма «Киприи» принадлежала не Гомеру, а другому какому-то автору[36].

Итак, сочинение Геродота являет собой образец историографии более высокого уровня, чем сочинения логографов. Геродот не только совершил перенос исторического интереса с далекой мифологической эпохи на более современную. Описав Греко-персидские войны и показав превосходство эллинской цивилизации, для которой была характерна демократическая полисная система, над восточной цивилизацией отличавшейся жестоким деспотическим режимом с восточно-

[36] Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 115.

бюрократической системой, «Отец истории» способствовал росту национального самосознания греков, и в связи с этим формированию истории как науки[37].

Вместе с тем недостатки исторической критики Геродота были обусловлены тем, что он, будучи представителем своей эпохи, не мог освободиться от ее следов. Его принцип быть самому очевидцем событий и опираться на мнения очевидцев, не срабатывал, когда речь шла о событиях и явлениях далеких времен или мест. Поэтому исторические личности Гигес, Периандр, Псамметих, Амасис и др. оказывались в центре баснословных описаний, в которых реальные факты были затемнены или потеряны.

История Геродота полна различных новелл, интересных и поучительных с литературной философско-этической точки зрения, но снижающих ценность его научного историописания.

Недостатком Геродота является его хронология. Его хронологические рамки часто отличаются несовместимостью, особенно для VI в. до Р.Х. Вследствие этого историческая перспектива его сочинения часто искажается.

Тем не менее, отмеченные недостатки не дают основания оспорить правильность данного ему в древности титула – «Отец истории». Главное из его достоинств – это универсализм, благодаря которому в центре внимания Геродота не только греки и персы, но и многие другие народы ойкумены.

Другим достоинством, которое является крайне важным для историка, является объективность в оценке событий и лиц, как эллинов, так и варваров.

В начале своего рассуждения об источниках Геродота и его отношении к ним я отметил, что это важно для выяснения стилистических

[37] Там же. С. 105.

особенностей сочинения Геродота. Как уже было сказано, Геродот не только историк, но и новеллист. Известный ритор и историк I в. до Р.Х. Дионисий Галикарнасский именно с этих позиций и оценивает Геродота[38]. Он отнес Геродота к числу тех авторов, сочинения которых нужно читать и изучать, ибо они являются и прекрасными образцами для подражания, ведь Геродот лучше, чем кто-либо другой, сумел придать прозаическому тексту достоинства и прелесть поэтической речи.

Поэтому Дионисий, подчеркивая, что самая первая и необходимая задача любого историка – выбрать достойную и приятную для читателя тему (◆☺◘◘❖❑♏⬧♓▪), считает, что Геродот выполнил ее самым лучшим образом. Он избрал темой своей истории описание деяний греков и варваров, «чтобы ни события, ни дела не изгладились из памяти людей» - как говорит он сам. Дионисий справедливо замечает, что это вступление явилось началом и концом его истории (Письмо к Помпею. III.768). Геродота не остановило то обстоятельство, что до него писатели Гелланик и Харон, известные логографы, выпустили сочинения на ту же тему, но Геродот верил и считал, что может создать нечто лучшее, и сделал это (III.769).

Вторая важная для исторического труда задача – определить, с чего начать и где и чем следует завершить сочинение. И в этом отношении Геродот достойно выполнил свою задачу, потому что он начал с тех причин, которые побудили варваров впервые причинить вред эллинам и закончил, дойдя до возмездия и наказания за это (III.769).

Третья задача историка – обдумать, что следует включить в свой труд, а что оставить в стороне. Геродот поэтому сознавал, что длинный рассказ только тогда приятен, когда в нем есть передышки; если же

[38] Дионисий Галикарнасский. Письмо к Помпею // Античные риторики / Пер. О.В. Смыки. Под ред. А.А. Тохо-Годи. М., 1978. С. 222сл.

события следуют одно за другим, как бы удачно они не были описаны, это неизбежно вызывает пресыщение и скуку, и поэтому Геродот стремился придать своему сочинению пестроту, следуя в этом Гомеру (III.772).

Решая следующую задачу историка – распределить материал и расставить все по своим местам, Геродот стремится схватить ряд взаимосвязанных событий. Начав с царства лидийцев и дойдя до Креза, сразу переходит к Киру, который сокрушил власть Креза, и затем начинает рассказ о Египте, Скифии, Ливии, следуя по порядку, добавляя недостающее и вводя то, что могло бы оживить повествование (III.773). Сообщая о военных действиях между эллинами и варварами, и происходившими в течение двухсот двадцати лет на трех материках и дойдя в конце истории до бегства Ксеркса, Геродот нигде не разбивает повествования. Таким образом, Геродот, затронув много самых различных тем, создал гармоничное целостное произведение (III.774).

Особенно выразительным является следующее суждение Дионисия о стиле Геродота: «Геродот по выбору слов, по расположению их, по разнообразию риторических фигур далеко превзошел всех и довел прозаическую речь до того, что она стала подобна самой лучшей поэзии относительно силы убеждения, прелести и дошедшей до высшей степени наслаждения»[39].

Характеризуя стиль и язык Геродота, важно отметить его искусство рассказчика, что, между прочим, имеет немалое значение для историка не только древнего, но и современного. Его не зря называли «самым гомерическим писателем»[40]. Подобно эпическим поэтам Геродот обладал способностью излагать материал в стиле народных сказаний, используя такие приемы, как замедленность повествования, повторение отдельных

[39] Dionis. Hal. De Phucydide. 25. К этому см. Соболевский С.И. Геродот // История греческой литературы т. II. М., 1955. С. 62-63.
[40] Дионисий Галикарнасский. Письмо к Помпею, 772; Псевдо Лонгин «О возвышенном», 13.

слов и предложений, употребление народных образных выражений и пословиц.

Исследователи языка и стиля сочинения Геродота отмечают, что у него в отличие от эпических поэтов и логографов кажущаяся безыскусственность и простота рассказа на самом деле являются плодом большого искусства[41], что соответствует известному римскому изречению: «ars est celare artem», т.е. «искусство есть сокрытие искусства».

Наиболее высокую оценку стилю Геродота дал Дионисий Галикарнасский. Он писал: «Геродот по выбору слов, по расположению их, по разнообразию риторических фигур далеко превзошел всех и довел прозаическую речь до того, что она стала подобна самой лучшей поэзии относительно силы убеждения, прелести и дошедшего до высшей степени наслаждения» (Dion. Hal. De Thucudide, 25).

В отличие от эпических поэтов и логографов Геродот в своем труде охватывает огромный и очень сложный материал. Чтобы придать ему стройность и единство, необходимо было определить основную идею, способную привести в органичный порядок массу различных фактов, расположив их в соответствующей последовательности. Геродот успешно справился с этой задачей. Он избрал действительно главную идею – борьбу греков с варварами от Креза до Ксеркса. Историк остается, верен ей от начала до конца, не смотря на то, что последняя его девятая книга осталась не оконченной. Поэтому, несмотря на множество отступлений, единство сочинения не нарушается[42].

---

[41] Fränkel H. Wege und Formen frühgr. Denkens 2 Aufl. Münch., 1960. S. 65, 83; Lamberts E. Untersuchungen zur Parataxe bei Herodote. Wien, 1967; Immerwahr H.R. Form and Thought in Herodotus. Cleveland, 1966; Schwabl H. Herodot aes Historiker und Erzähler // Gymnas. 1969. Bd.76. S. 253 f; Борухович В.Г. Ук. соч. С. 472 сл.

[42] К этому см. Cobet Y. Herodotos Ekscurse und die Frage der Einheit seines Werkes. Wiesbaden, 1971; Fridrich-Bornitz H.R. Herodot-Studien. Berlin, 1968.

Как уже отмечалось, сочинение Геродота написано двумя стилями: новеллистическим или повествовательным и научным. Повествовательный стиль Геродот использовал для передачи целого ряда новелл и мифов, таких как о Солоне и Крезе (I.29); о мидийском царе Кандавле и его жене и хитром оруженосце Гигесе (I.7-13); о Периандре и его сыне Ликофроне (II.1-50); о Поликрате и его перстне (III.41-43, 125); о Кипселе и Периандре (V.92); о происхождении спартанского царя Демарата (V.61); новелла о сватовстве к дочери сикионского тирана Клисфена Агаристе (VI.126); миф о происхождении оракулов Зевса в Ливии и Додоне (II.54-57) и, наконец, новелла о любовных домогательствах Ксеркса и жуткой судьбе жены его брата Масисты (IX. 108-113). Все эти новеллы характеризуются сюжетной законченностью, сжатостью формы и высокими художественными достоинствами.

При этом следует отметить, что новеллы и легенды у Геродота лишены сказочного и в ряде случаев религиозного элементов. Они являются вполне реалистическими по своему характеру и служили не только для художественной выразительности. С их помощью историк стремился передать философские, этические и в том числе религиозные мотивы.

Как уже было отмечено в «Истории» Геродота обнаруживается сильное влияние приемов и техники трагедии и в этой связи новеллы, легенды и мифы являлись важным средством драматизации его исторического повествования[43] и поэтому можно сказать, что

[43] К проблеме драматизма в «Истории» Геродота см. Waters H. The Purpouse of dramatization in Herodotus // Historia. 1966. Bd. XV. P. 157ff; Stahl P.H. Herodots Gyges-Tragodie // Hermes. 1968. Bd.XLVI. S. 385ff; Немировский А.И. Ук. соч. С. 59 сл.; Борухович В.Г. Ук. соч. С. 474.; Синицын А.А. Геродот, Софокл и египетские диковинки // Античный мир и археология / Межвузовский сб. науч. труд. 2006, вып.12. С. 363 сл.; там же см. указ. на новейшую литер., прим.12 и 20.

драматизация, впервые используемая Геродотом, станет важнейшей особенностью всей последующей греческой историографии.

Как видно из композиционного построения труда Геродота, весьма важную роль в нем играли экскурсы. По мнению Ф.Якоби, им не следует придавать особое значение. Они якобы нужны были Геродоту как связующее звено, необходимое при переходе от одного сюжета к другому. Эта точка зрения опровергнута современными учеными, которые считают, что экскурсы необходимы Геродоту для сообщения исторических, этнографических, географических и других сведений, дополняющих его основной текст повествования[44]. Для экскурсов, также как и для передачи в целом исторической информации и рационального объяснения исторических фактов и событий, Геродот использовал научный стиль.

Важной особенностью стиля Геродота является также использование речей. По-видимому, Геродот первым ввел практику вставлять в историческое повествование речи и диалоги действующих лиц. Речи, также как и экскурсы, являются образцом научного стиля Геродота, хотя, безусловно, в большинстве случаев они плод творчества самого историка. Нельзя сказать, что они вставлены в текст только с художественными целями: придать ему эпическую красоту и оживить его историческое повествование. Речи были необходимы ему для того, чтобы выразить свои этико-философские и политические взгляды. Подтверждением этому и являются, например: рассуждения Солона перед Крезом (I.32); беседа трех персидских вельмож о выборе формы правления в персидском государстве после подавления восстания – монархии, олигархии и демократии (III.80-82)[45]; спор о целесообразности нового выступления персов против Эллады

[44] Jacoby F. Op. cit. coll.338, но см. Fridrich- Bornitz H.R. Op.cit.; Cobet J. Op.cit.

[45] Большинство исследователей склонны считать эту дискуссию для Персии не реальной, и полагают, что Геродот воспроизводит дебаты, популярные в Афинах его времени и переносит их в Персию. Однако в

(VII.5,8-11); диалог Артабана и Ксеркса о характере продолжения военных действий против эллинов (VII.46-53); беседа Ксеркса со спартанским царем Демаратом перед сражением у Фермопил (VII.101-104, 209) и др. Сами речи и построение их содержания, безусловно, свидетельствуют о знакомстве Геродота с получившим распространение в это время новым философским направлением софистикой[46]. Дионисий отмечает, что главное достоинство Геродота в использовании речей – их соответствие повествованию (III.776). Речи также помогают ему раскрыть психологию того или иного персонажа. Дионисий подчеркивает, что Геродот в совершенстве владел искусством рисовать характеры действующих лиц своей «Истории» (III.776).

5.3. Мировоззрение Геродота и его политические позиции

Своеобразие эпохи VI – нач.V вв. до Р.Х. заключалось в том, что религиозно-философские идеи и взгляды в Элладе сосуществовали с рационалистическими. Это особенно ярко отразилось в мировоззрении Геродота. Он был искренне верующим, убежденным в том, что божество завистливо и наказывает человека за его гордыню по закону Немезиды –

последнее время исследователи признают, что рассказ Геродота основан на подлинной персидской традиции. К этому см. Доватур А.И, Повествовательный и научный стиль Геродота…С.138 сл.; 195сл; Дьяконов И.М. Рецензия на кн. Дандамаева М.А., Иран при первых Ахеменидах. М., 19673 // ВДИ. 1964 №3 С. 177-1873; Дандамаев М.А. Политическая история ахеменидской державы М., 1985. С. 77 сл; Apffel H.Die Ferfassungsdebatte bei Herodot. Diss. Erlangen. 1957.

[46] См. Маргулес Б.Б. Геродот III.80-82 и софистическая литература // ВДИ. 1960. № С. 21-34; Dulf H. Herodot und die Sofphistik. // Philolog. 1962. Bd.106. S. 207; Winton B. Herodotus, Thucydides and Sophists // The Cambridge History of Greek and Roman Political Thoght. (ed.) Christopher Rowe and Malcolm Schofield. Cambr., 2000. P. 89-121.

богини возмездия[47]. Рассказанная Геродотом новелла о Поликрате и его перстне необходима была для подтверждения учения о Гордыне (◆❁βρι▪). Согласно Геродоту, божественное наказание неотвратимо и неизбежно должно настигнуть преступника (V.56). Если преступник сам не понес кары, то ее понесут его потомки. Это традиционное мнение известное еще со времен Солона продолжало бытовать как у трагиков, так и у Геродота[48].

В силу этого Геродот считал, что божество редко бывает милостивым, ибо оно наказывает людей не только за преступные деяния, но даже и за то, что они в мыслях очень высоко ценят и возвеличивают себя. Так, по словам Геродота, египетский царь Априй был побежден в сражении будущим египетским царем Амасисом за свое нечестивое самомнение: «потому что у него была мысль, будто ни один бог не может лишить его царской власти: таким непоколебимым казалось ему его

---

[47] О религиозных взлядах Геродота см. Maddalena A. L´umano e il divino in Erodoto // Studi di filos. Greca. Bari, 1950. P. 57f.; François G. Le polythe❖isme et l´emploi au singulier des mots ✈εό▪, δαίμων // Bibliothe▭que de la faculte❖ de Philosophie et letters. Lie▭ge; Paris, 1957. t. 147. P.201f; Pötscher W. Götter und Go❖ttheit bei Herodot // Wiener Studiums. 1958. Bd.71. S. 5ff; Crahay R. La litérature oraculaire cher Herodote. Paris, 1965; Huber L. Religiöse und politische Beveggründe des Handelns in der Geschichtsschreibung des Herodotos. Diss. Tübingen, 1965. Kirchberg J. Die Funktion der Orakel im Werke Herodotos // Hypomn. 1965. Bd. 11; Lachenaud G. Mythologies, religion et philosophie de l´histoire dans Herodote. Lille, 1978.

[48] См. об этом Суриков И.Е. Эволюция религиозного осознания афинян во второй полов. Vв. до н.э. М., 2002. Автор подробно исследует отражение идеи υ❁βρι▪ в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида. Он отмечает, что и у Геродота «зависть богов» - одна из наиболее частных мотиваций событий (Ук. соч. С. 42). Правда, с его оговоркой о том, что историк неправильно приписывает это же мировоззрение Солону нельзя согласиться. Сюжет Геродота, который И.Е. Суриков подвергает критической интерпретации (I.32), отражает известную солоновскую мысль о том, что Зевс наказывает тех, кто нарушает меру. Об этом см. Солон «К музам», 2(1), 25-333 // Эллинские поэты VIII-III вв. до н.э. Эпос, элегия, ямбы, мелика / Издан. подгот. М.Л. Гаспаров, О.П. Цыбенко, В.Н. Ярхо. М., 1999. С. 246.

положение» (II.164). Эта идея у Геродота также опирается на традиционное представление. Об этом свидетельствует известный миф об Арахне и Афине[49].

Выше богов Геродот ставил судьбу (μοῖρα), поскольку ей были подчинены сами боги. Они могли только отсрочить ее решения, но не отменить его (I.91). Идея о противоречивости судьбы наиболее ярко отражена в разговоре Солона с Крезом (I.30-33). Так, рассуждая о счастье, Солон утверждал, что человека нельзя называть счастливым, пока он жив: « Ведь многим людям бог показал счастье, а потом низвергнул их (I.32). С судьбой тесно связано понятие рока (ὁ θεὸς ἀνάγκη). По мнению Геродота, все подчинено року. У Геродота рок отождествляется с самим божеством: «что по определению божества должно случиться, того человек не в силах предотвратить», - устами Геродота говорит один из персов (IX.16).

Учитывая все сказанное, едва ли можно согласиться с утверждением И.Е.Сурикова о том, что в противоположность Фукидиду Геродот является историком-оптимистом[50]. В действительности его мировоззрение проникнуто, если и не безысходным, то значительным пессимизмом. В его рассуждениях чаще всего звучит грустная нота. Он, безусловно, вслед за Солоном считал, что никто не может раньше смерти считать себя счастливым. Устами Артабана он говорит: «Полного счастья не существует для людей». Земное счастье скоропреходящее и скоротечное, и нет человека настолько счастливого, чтобы ему не приходило в голову не раз желание лучше умереть, чем жить; жизнь коротка, но вследствие несчастий и болезней и она может показаться даже долгой, а сама смерть – явится желанным пристанищем. Пессимистический взгляд на жизнь как

[49] Арахна – искусная рукодельница из Лидии, дерзнувшая вызвать Афину на состязание в ткачестве и за это превращенная богиней в паука.
[50] Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения: Учебное пособие. М., 2007. С. 31.

назло, широко был распространен у Геродота (I.31; II.108; V.9; VII.146). Восходит он к Гесиоду и, наиболее отчетливо этот взгляд отразился в его поэме «Труды и дни». На основе учения о пяти поколениях у Гесиода Гераклит Эфесский выдвинул идею о циклах человеческой жизни (фрг.70). Эта идея стала известна и Геродоту, на что указывает приведенная им беседа между Киром и Крезом (I.207).

Итак, Геродот твердо верил в непрестанное вмешательство божества в человеческие дела, являясь представителем теории провиденциализма. Согласно Геродоту в истории действует мудрый божественный промысел (…τοῦ θείου προνοίη …ἐοῦσα σοφή - III.108), направляющий судьбы людей, целых народов и государств. По мнению Геродота, божественная воля обнаруживается во всех земных делах. Геродот считал, что божественная воля проявляется через оракулы и предсказания, разного рода чудеса, сновидения и мифы. Поэтому истинным защитником Дельф во время нашествия персов, по его мнению, был Аполлон (VIII.35-36). Геродот убежден, что «обыкновенно божество посылает предзнаменования, если городу или народу угрожали бедствия (VI.27). Вмешательству божества Геродот приписывает и поражение огромного войска персов гораздо меньшими силами эллинов. Поэтому устами Фемистокла Геродот заявлял: «не мы совершили это, но боги и герои: им ненавистно было, чтобы над Азией и Европой владычествовал один человек несчастливый и преступный».

Геродот с большим пиететом относился к жрецам и оракулам. Наибольшее доверие у него вызывали рассказы жрецов в Египте и Дельфах и жрецов в Додоне (древнейшее святилище и оракул Зевса). На основании этих свидетельств Геродот считал, что почти все имена греческих богов произошли из Египта, да и сами боги имели египетское происхождение (II.50; 156). правда, не исключено, что у Геродота

перемешалась информация, полученная от жрецов и от греческих поселенцев в Дельте Нила[51] Геродот указывает также на антропоморфизм как важную черту греческой религии (I.131), при этом Геродот не скрывает наличия, например, в культе Диониса некоторых отрицательных явлений с точки зрения религиозно-этических представлений (II.49, IV.79).

Важным вопросом мировоззренческого характера является соотношение этического и религиозного у Геродота. Тему этики детально рассмотрел на материале исследования мировоззрения у греческих трагиков И.Е. Суриков[52]. Прослеживая эволюцию развития этики и религии со времени Гомера, автор делает совершенно правильный вывод, согласно которому на протяжении всего указанного периода наблюдалась тенденция сближения религиозных и нравственных ценностей, достигшая своего апогея у Эсхила, но затем, начиная с Софокла, вновь обнаруживается расхождение. В отечественной историографии существует устоявшееся мнение о том, что мировоззрение Геродота имеет много общего с мировоззрением трагиков. Мне представляется, что более близкие мировоззренческие позиции были у Геродота и Софокла, хотя и в этом случае невозможно сказать, что между ними было полное единство.

Исследуя религиозные воззрения Софокла, И.Е. Суриков характеризует его как консерватора, сторонника традиционного «ортодоксального» благочестия, для которого характерна подчеркнутая ориентация на авторитет Дельфийского святилища и признание априорной

---

[51] Значительную часть информации Геродот получал устным путем посредством расспросов (II.50: «…πυνθανόμενο▪ ου☆τω ευ☺ρίσκω ε𝒸ϯόν») и бесед с жрецами. Египетского языка Геродот, по-видимому, не знал и беседовал с жрецами с помощью переводчиков. Других информаторов, чаще всего греков или тех, кто владел греческим языком, он расспрашивал непосредственно.

[52] Суриков И.Е. Эволюция религиозного осознания афинян во второй полов. Vв. до н.э. М., 2002. С. 68.сл. особ. 70-77.

неподсудности религиозной традиции нормам человеческой нравственности[53]. Из современных Софоклу мыслителей, по мнению И.Е. Сурикова, созвучные ему идеи высказывал и Геродот[54]. Эта мысль ранее была провозглашена С.И. Соболевским, С.И. Радцигом и В.Г. Боруховичем и др.[55] Оформился получивший широкое признание также взгляд, что не только мировоззренческие позиции Геродота и Софокла совпадали, но в жизни их объединяла дружба[56]. Возражение против этого впервые выдвинул С.И. Соболевский[57]. Критическое возражение Соболевского воспринял и до некоторой степени развил упомянутый саратовский исследователь А.А. Синицын[58]. Правда, возможно потому, что работа А.А. Синицына посвящена конкретной проблеме, он высказал критические замечания лишь по поводу мифа о дружбе историка и драматурга. Подробный сравнительный анализ мировоззрений Геродота Софокла не входил в его задачу.

Для характеристики формирования мировоззрения Геродота я воспользуюсь моделью описания ментального процесса, имевшего место в Древней Греции, которую применяет в своем исследовании эволюции

---

[53] Суриков И.Е. Ук. соч. С. 132сл.; особ. 141.
[54] Там же. С. 149.
[55] Соболевский С.И. Ук. соч. С. 51; Радциг С.А. История древнегреческой литературы. М., 1977. С. 353; Борухович В.Г. Ук. соч. С. 162; Немировский А.И. Ук. соч. С. 56, 59-64. Исчерпывающий перечень отечественной и иностранной литературы, в которой говорится о «совпадениях» взглядов у Геродота и Софокла и близости их мировоззрения см. в статье молодого саратовского исследователя А.А. Синицына «Геродот, Софокл и египетские диковинки (об одном историографическом мифе) // Античный мир и археология / Межвузовский сб. научных трудов. Саратов, 2006. вып. 12. С. 366-368, прим. 13, 20.
[56] О дружбе между Геродотом и Софоклом обширную литературу приводит А.А. Синицын (см. ук. стат. С. 368, прим. 23).
[57] Соболевский С.И. Ук. соч. С. 34-35.
[58] Синицын А.А. Ук. соч. С. 367-368.

религиозного сознания афинян И.Е. Суриков[59], позаимствовав ее у М.М. Бахтина. Содержание этой модели характеризуется трансформацией «вертикальной ориентации» восприятия картины мира, отражающегося в мироощущениях людей, в горизонтальную ориентацию». Но в отличие от И.Е.Сурикова я полагаю вслед за Э.Д. Фроловым[60], что процесс этой трансформации совпал с развитием рационализма в Древней Греции, торжество которого относится к VIII-VI вв. до Р.Х., т.е. к архаическому периоду в истории Эллады. Именно к этому периоду следует относить решительный поворот вертикальной модели ориентации, характеризующейся преобладанием ранее религиозно-мифологического восприятия мира к горизонтальной модели, характеризовавшейся его новым научным истолкованием[61]. Мировоззрение Геродота формировалось как раз на гребне этой трансформации. Основы его мировоззрения сложились еще в Галикарнассе и в Ионии, возможно, в одной из гомеровских школ и они зиждились, как уже выше было отмечено, на вере его в божественный миропорядок и в постоянное вмешательство богов в человеческие дела через сны, знамения, предсказания и чудеса.

Затем Геродот приобретает и накапливает рационалистические знания, прежде всего под влиянием ионийской философии и науки. Живя в

---

[59] Суриков И.Е. Ук. соч. С. 20сл.

[60] Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 45 сл.

[61] Фролов Э.Д. (Ук. соч. С. 46, прим.1) дал высокую оценку характеристике существа этого поворота, изложенной Э.Н. Михайловой и А.Н. Чанышевым в их кн. Ионийская философия. М., 1996. С. 11. Сущность этого поворота заключалась в том, что «уживавшийся до времени с религиозно-мифологическим мировоззрением элементарный научный материал постоянно возрастал и расширялся в связи с практической деятельностью людей, вырабатывая в человеке новые формы мышления, распространявшиеся на область мировоззрения, результатом чего эпос-слово повествовательное - уступило место логосу-слову научному».

Галикарнассе, а позже на Самосе, Геродот мог непосредственно познакомиться с трудами Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена или через Гекатея Милетского, являвшегося важным источником влияния ионийской науки, прежде всего географии на Геродота[62], что обусловлено было интересом историка к географическим, этнографическим описаниям и в целом к человеческой природе[63].

Сколько лет прожил Геродот в Афинах до переселения в Фурии – неизвестно, но поскольку он хорошо знал Афины и Аттику, можно думать, что относительно долго. Этого времени ему было достаточно, чтобы познакомиться с философским учением Анаксагора о роли разума (νουῦ▪), с помощью которого он считал, что можно понять начало и порядок мира,

---

[62] О влиянии ионийской философии и науки на становление и развитие древнегреческой историографии см.: Fritz K. von Gemeinsame Ursprung der Geschihtsschreibung und der exakten Wissenschaft bei den Griechen // Philosophia naturalis. 1952. Bd. 2. S. 200ff. Его же Die griechische Geschihtsschreibung. Bd.I. (2Teile). Berl., 1967. Sorton G. A History of Science. Ancient Science through the Golden Age of Greece. Lond., 1953; Claget M. Greek Science in Antiguity. N.-J., 1956; Sanillana G. de The Origins of Scientific Thought. From Anaximander to Proclus. Chicag., 1961; Рожанский И.Д. Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1982; Жмудь Л.Я. Зарождение истории науки в античности. Санкт-Петербург, 2002.

[63] См. к этому Trüdinger K. Studien zur Geschichte der griechisch. – römisch. Ethnographie / Diss. Bsel., 1918; Thomson J.O. A History of Science Geography. Cambr., 1948; Bunbary E.N. A History of Science Geography among the Greeks and Romans 2 ed. 2. Vol. Cambr., 1960. О естественно-исторических, географических и этнографических замечаниях Геродота см.: Benecke A. Die naturhistorischen Bemerkungen in Herodots Geschihte // Wissenschaftliche Monatsblatter. 1879. Bd.1; Vogel G. Herodots Naturgefühl / Diss. Erlang. Nürnb., 1965; Thomas R. Heroduts in Context: Etnography, Science and Art of Persuasion. Cambr., 2000; Борухович В.Г.Ук. соч. С. 490сл. Немировский А.И. Ук. соч. С. 63сл. О Гекатее см.: Nenci G. Hecataei Milessii fragm. Firenze, 1954. Latte K. Die Anfänge der griechischen Geschictsschreibung // Histoire et historiens dans l′antiquite❖ Entretiens sur l′Antiquite❖ Classique. t. 4. Vandeuvres-Geneve. 1954. P. 3ff, Геродот часто ссылается на Гекатея Милетского и упоминает его прямо по имени (II.143; V.36; 125, 126; VI.137).

а также с идеями старшей софистики, представителем которой был Протагор. Геродот и отмеченные философы были не только современниками, но и в известной степени ровесниками. Годы жизни Анаксагора - 500-428гг., а Протагора - 481-411гг. Анаксагор выдвинул теорию о мировом разуме – творце космоса из первобытного хаоса. В его понимании νο◆▯▪ един, действующий посредством мышления; он бесконечен, независим и не смешан ни с какой вещью[64]. Влияние Анаксагора в Афинах было очень велико. Оно проявилось главным образом в общем подъеме философского знания, авторитета разума и в подрыве религиозно-мифологического мышления. Учитывая это, можно предположить, что в эпическом сознании Геродота наметилась трансформация, в результате которой наряду с признанием богов греческого пантеона во главе с Зевсом, он делает шаг к более абстрактной религии. Это отразилось в его указаниях на некое абстрактное божество, не имеющее имени (θεός, δαίμων) и являющееся общим для эллинов, персов и вообще всех людей (VII.105)[65]. Мировое божество Геродота не тождественно мировому разуму. Человек в своей деятельности всецело оказывается во власти божества, но и νου▯▪, согласно Анаксагору, «властвует над всем, что только имеет душу, как над большим, так и над

[64] О философских взглядах Анаксагора см. Аристот. Метафизика // Соч. в 4т. М., 1976. Т.1. С. 74сл. passim; Диог. Лаэрт. II.6-15; Фрагменты ранних греческих философов Ч.1. М., 1989; Рожанский И.Д. Анаксагор. М., 1972. С. 189сл.; Асмус В.Ф. Античная философия М., 1976. С. 74сл.; Рожанский И.Д. Развитие естествознания в эпоху античности. Ранняя греческая наука о природе. М., 1979. С. 210сл.; Богомолов А.С. Диалектический логос. Становление античной диалектики. М., 1982. С. 135сл.; Он же. Античная философия. М., 1985. С. 98сл.; Донских О.А., Кочергин А.Н. Античная философия. Мифология в зеркале рефлексии. М., 1993. С. 134сл.; Жмудь Л.Я. Ук. соч. С. 220сл.

[65] К этому см. François G. Le polytheisme et l´emploi au singulier des mots θεό▪, δαίμων…; Pötscher W. Götter und Gottheit bei Herodot…; Немировский. Ук. соч. С. 63.

меньшим»[66]. Но уже современники Анаксагора подменяли его ум другими понятиями, полагая, что то, что обладает сознанием – это «воздух» или «бог». И ученик Анаксагора Диоген Аполлонийский, рассуждая об этом утверждал: «…именно это, думается мне и есть бог (θεό▪), он везде присутствует и все устраивает, и во всем содержится. И нет ничего, что ему не причастно; причастно же [всякое на свой лад], и нет ни одной вещи, которая была бы ему причастна так же, как другая, но есть много видоизменений и самого воздуха и сознания…Так как превращения многообразны, то многообразны и животные, многочисленные и внешним видом не похожи друг на друга, ни образом жизни, ни сознанием по причине множества превращений. И, тем не менее, все живут, и видят, и слышат одним и тем же, и прочее сознание все имеют от одного и того же»[67]. Не исключено, что Геродоту, воспитанному в духе эпического сознания, ближе была именно такая трактовка аристагоровского νου▪.

Под влиянием ионийской науки и философии Анаксагора у мыслящих людей развивалось критическое сознание. Примеры рациональной критики весьма часто встречаются в сочинении Геродота. Как уже отмечалось, он, несмотря на то, что верил в мифы и в одной плоскости рассматривал, как мифологических, так и вполне реальных персонажей, тем не менее, он далеко не всегда принимал содержание

---

[66] Аристот. Метафизика. I, 3, 984в 12. К этому см. Рожанский И.Д. Ук. соч. С. 210сл.; Богомолов А.С. Диалектический логос… С. 150сл.; Он же. Античная философия… С. 105сл.

[67] Диоген Аполлонийский // цитир. по кн. Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. М., 1989. С. 548. К этому см. Донских О.А., Кочергин А.Н. Ук. соч. С. 167. О Диогене Аполлонийском см. Рожанский И.Д. Анаксагор… С. 66сл; Он же: Развитие естествознания в эпоху античности… С. 41сл.; Богомолов А.С. Диалектический логос…С. 37сл; Донских О.А., Кочергин А.Н. Ук. соч. С. 157; Жмуть Л.Я. Ук. соч. С. 208 сл.; Diels H. Leukippos und Diogenes von Apollonia // Rh.Mus. für. Philol. 1887. Bd. 42. S. 1f; Natorp P. Diogenes von Apollonia // Rh.Mus., 1887. Bd.42. S. 374f.

мифов буквально. Во многих случаях Геродот в своей «Истории» относится к мифам критически. Особенно часто он свой собственный индивидуальный взгляд и критические суждения демонстрирует в египетском логосе[68]. Но элементы критики и рационалистические объяснения уже встречаются у Геродота в первых главах первой книги. Передавая различные мнения о древнейших раздорах, связанных с похищениями женщин, между эллинами и варварами, сообщаемые персами, финикийцами и греками, Геродот не принимает на веру какое-либо одно из них, но, опираясь на здравый смысл и свое собственное толкование сведений, высказывается в том смысле, что только тот является мудрым, кто не заботится о похищенных женщинах, ибо женщин не похитили бы, если бы те сами того не желали (I.4). Он делает также смелый вывод не в пользу эллинов, утверждая, что именно эллины раньше отправились походом в Азию, чем варвары в Европу, имея в виду Троянскую войну и разгром державы Приама (там же).

Подобно египетскому логосу, так же и скифский логос (кн.4) содержит немало мест, где мифологические сюжеты Геродот излагает в стиле научной ионийской прозы, сопровождая их собственными рационалистическими объяснениями. Современные исследователи подчеркивают, что именно благодаря этому «Скифский рассказ» Геродота позволил решить важнейший для этногенеза скифов вопрос об их иранском происхождении и родстве их языка с языками иранских племен[69].

Начиная с пятой книги, где Геродот в основном излагает историческую канву событий, связанных с возникновением Греко-

[68] Об этом см. Борухович В.Г. Историческая концепция египетского логоса Геродота – Античный мир и археология. Саратов, 1972. вып. 1. С. 71сл.
[69] Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, еомментарий. М., 1982. С. 7, 39, 78.

персидских войн, он меньше касается мифологических сюжетов, но и в этом случае он старается давать свои рациональные объяснения. Так в пятой книге, передавая рассказ фракийцев о том, что в области за Истром обитают пчелы и из-за них проход далее невозможен, Геродот считает рассказы фракийцев невероятными. В областях за Истром историк, по-видимому, не был, но он рассуждает с точки зрения здравого смысла, полагая, что эти северные страны недоступны и необитаемы из-за холодов и пчелы там по этой причине не могли водиться (V.10)[70].

В шестой книге Геродот передает рассказы лакедемонян и эллинских поэтов о царской власти в Спарте (VI.52-54)[71]. Сравнивая эти сообщения, Геродот отдает предпочтение эллинским поэтам. Геродот считал рассказ лакедемонян единственным в своем роде и отличавшимся от общеэллинского предания, передаваемого поэтами, более субъективным. Общеэллинское предание его привлекало еще и потому, что оно не противоречило сведениям, полученным им от египетских жрецов.

В седьмой книге есть два сюжета, отражающие критический взгляд Геродота и его стремление устранить из рассказа вмешательство божества, объясняя события естественными причинами. Геродот это делает весьма искусно, фактически не изменяя своей вере в божество и вместе с тем

---

[70] Комментаторы полагают, что возможно, под «пчелами» имелось в виду туземное название иллирийское племени … «мелиссай» (μελίσσαι, т.е. в переводе с греческого «пчелы»). К этому см. Борухович В.Г. Ук. соч. С. 524, прим. 13; How W.W. and Wells J. A Commentary on Herodotus, with an Introduction and Appendixes. Oxf., 1928. см. comment. ad V. 10.

[71] К этому см. описание мифологических сюжетов, связанных с мифологическими героями, упоминаемыми Геродотом в Мифологической библиотеке Аполлодора (издан. подгот. В.Г. Борухович. М., 1993). К этому см. также How W.W. and Wells J. Op cit.com. ad. (VI.52-54); Vitalis G. Die Entwicklung der Sage von der Rückkehr der Herakliden, Untersuchung im Zusammenhang mit der politischen Geschichte der Peloponnes bis auf den ersten Messenischen Krieg / Diss. Greiswald., 1930; Lenschau Th.Agiaden und Euripontiden //Rh. Mus. 1939.Bd. 88 S. 142ff.

объясняя явления естественными причинами. Так, уже в самом начале книги, излагая речи Мардония, Артабана и Ксеркса, касавшиеся целесообразности выступления персов против эллинов, Геродот рассказывает, что персидский царь терзался сомнениями, не зная какое принять решение (VII.8-18). Геродот отмечает, что во сне Ксерксу несколько раз являлся призрак, побуждая его принять решение в пользу организации похода против Эллады. Полагая, что бог, таким образом, являет ему свою волю, Ксеркс подчинился ей. После этого он призвал Артабана, который изначально был противником похода и предсказывал гибельные его последствия для персов. Когда Ксеркс сообщил ему о сновидениях. В ответ Артабан объяснил Ксерксу, что «сновидения исходят не от богов. Обычно ведь люди видят во сне то, о чем они думают днем. В последние же дни все мысли были заняты только этим походом» (VII.16). Речи, которые приводит Геродот, в большей степени составлены им самим и несомненно мысль о естественном происхождении сновидений принадлежит самому историку. Однако, стараясь не нарушить принцип провиденциализма, он, во-первых, приписывает естественное объяснение сновидения персидскому вельможе. Во-вторых, он рассказывает, что Артабан подчинился предложению Ксеркса облачиться в царское одеяние, воссесть на престол и затем возлечь на царское ложе, убеждая царя, в том, что ночной призрак не явится ему во сне, так как сумеет обнаружить подмену (VII.16). Однако, желая это доказать, он согласился с волей царя. Он облачился в царскую одежду, воссел на трон и когда отошел ко сну, ему явился во сне тот же самый призрак, которого видел и Ксеркс. Артабан внезапно с криком проснулся, заявив царю, что божество действительно хочет, чтобы персы выступили против греков (VII.17-18). Таким образом, благодаря этому приему Геродот не нарушил принцип доверия божеству и вместе с тем выказал свое понимание естественного происхождения

сновидений. Ведь Артабану сон мог присниться по той же причине, по которой приснился и Ксерксу.

В другом месте (VII.129), передавая фессалийское предание о создании Темпейского ущелья Посейдоном, Геродот объясняет образование этого ущелья естественной причиной-землетрясением, заявляя, что если Посейдон производит землетрясения, то, посмотрев на возникшее ущелье, можно посчитать и его появление делом Посейдона.

В.Г. Борухович, рассматривая мировоззрение Геродота, подчеркивает, что, хотя зрелость историка совпадает со временем развития ионийской науки и началом движения софистов, сам он сохранял ортодоксальные взгляды, усвоенные им еще в юности[72]. Исследователь полностью соглашается с мнением Ф.Якоби, который считал, что Геродот никогда не прилагал усилий, чтобы отыскать подлинные причины событий, если у него было теологическое их объяснение[73]. Однако, учитывая уже рассмотренный материал, можно сказать, что эпическое сознание Геродота, сформировавшееся в юности под влиянием ионийской науки, философии Анаксагора и старшей софистики претерпело серьезные изменения, в результате которых былая ортодоксальность в значительной степени оказалась разрушенной.

Как уже отмечалось, в Афинах Геродот познакомился с Протагором, представителем старшей софистики и возможно под его влиянием в 40-е гг. переселился в организованную Афинами колонию Фурии. Протагоровское учение об относительности знания оказало большое влияние на развитие эллинского мировоззрения. Протагор заявлял, что о всякой вещи возможны противоположные мнения[74]. Этот принцип нередко

---

[72] Борухович В.Г. Ук. соч. С. 487.
[73] Там же. С. 488.
[74] Об учениях Протагора см. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии М., 1981. С. 203сл.; Богомолов А.С.: 1) Диалектический

приводит и Геродот, передавая несколько мнений об одном и том же явлении или событии.

Замечание Протагора о том, что «ничто не есть само по себе, все всегда возникает в связи с чем-то» нашло свое отражение у греческих историков и в частности у Геродота при установлении причинно-следственных связей. В этом случае упомянутое выше мнение Ф.Якоби и В.Г. Боруховича о том, что Геродот никогда не прилагал усилий, чтобы отыскать подлинные причины событий, нуждается в пересмотре, поскольку Геродот не только руководствуется теологическим объяснением событий. Его рационалистический подход обнаруживается в объяснении причин начала Греко-персидских войн. Поводом Геродот считал помощь, оказанную афинянами и эретрийцами ионийским восставшим. Главной же причиной войны он считал рост персидского могущества, обусловленный политической активностью и агрессивностью первых царей из династии Ахеменидов. Описывая Ионийское восстание и подчеркивая, что ионийцы уже давно стремились к нему, Геродот характеризует реальные события, выделяя среди них как повод к восстанию (интриги Анаксагора и Гистиэя - тиранов Милета), так и политические, экономические и другие причины, делавшие это восстание неизбежным, считая его вместе с тем «ошибкой века»[75].

Не просто решается вопрос и о политической позиции Геродота. Его сочинение не дает ясных и четких указаний на этот счет. И в этом следует видеть не столько недостаток, сколько достоинство автора. Политика – это такая сфера общественных отношений, в которой самостоятельно и

логос… С.182 слл.; 2) Античная философия …С. 113сл.; Донских О.А., Кочергин А.Н. Ук. соч. С. 136 слл.

[75] К этому см. Строгецкий В.М.: 1) Ионийское восстание и позиция Спарты // ВДИ. 1973. №3. С. 134-144; 2) Возникновение и развитие исторической мысли в древней Греции. Горький, 1985. С. 8сл.

критически мыслящий человек, а именно таким был Геродот, едва ли указывал бы на свою вполне определенную политическую ориентацию.

Тем не менее, исследователи XIX – нач. XX вв. признавали его безоговорочно сторонником демократии, и это признание стало устоявшимся мнением, вошедшим в учебники по истории Древней Греции. Известно, что Геродот в юности участвовал вместе со своими родственниками в заговоре против галикарнасского тирана Лигдамида[76]. После раскрытия заговора он один из немногих оставшихся в живых, нашел убежище на Самосее. Затем он стал путешествовать и со временем поселился в Афинах в эпоху расцвета афинской демократии, во время правления Перикла, а возможно, как считает И.Е. Суриков, еще раньше в период правления Кимона. Геродота принято считать сторонником аристократического рода Алмеонидов, другом Перикла и участником знаменитого кружка Перикла.

Сегодня это мнение подвергается сомнению. И право на такое сомнение имеется. Хотя, безусловно, политические взгляды Геродота, как это подтверждается его сочинением, не были аморфны и расплывчаты, тем не менее, в них присутствует элемент двойственности. Такая двойственность, по-видимому, была результатом того, что Геродот считал вполне справедливым право выбора альтернативного варианта, в том числе и в области политических отношений. В качестве подтверждения можно сослаться на оценку, которую дает Геродот принятой Аргосом нейтральной позиции в годы Греко-персидских войн. Накануне похода Ксеркса распускались среди греков слухи о том, что Аргос вступил в тайный сговор с персидским царем. Геродот по поводу этих слухов пишет следующее (VII. 152): «Одно только я знаю: если бы все люди однажды вынесли на рынок все свои грешки и пороки, то каждый, приглядев пороки

[76] К этому см. Суриков И.Е. Геродот. М., 2009. С. 86сл.

соседа, с радостью, пожалуй, унес бы свои домой. Поэтому-то и поступок аргосцев еще не самый постыдный».

Формирование политических взглядов Геродота началось с юности. Он получил образование, соответствующее его аристократическому происхождению. Безусловно, это оказало влияние на его отношение к политической жизни. Но, по-видимому, не меньшее, если не большее, значение имело влияние его родственника дяди или двоюродного брата Паниасида. Он был одним из пяти признанных выдающихся поэтов эпического жанра наряду с Гомером и Гесиодом[77].

Геродот, будучи юношей, не лишенным литературного таланта, с большим почтением относился к своему родственнику. Но Паниасид, являясь уже сложившейся личностью, имел и вполне определенные политические позиции. Он был противником правившего в Галикарнасе тирана Лигдамида и организовал против него заговор. Участником заговора был и Геродот. Его участие среди заговорщиков было, скорее всего, обусловлено не сознательным выбором, а тем влиянием, которое оказывал на него Паниасид. По мере формирования его самосознания у него складывалось свое собственное отношение к тирании.

Общее мнение Геродота к тирании, безусловно, отрицательное и оно отражало то общее негативное отношение к этой власти, которое сложилось у древних эллинов, начиная со времени Солона[78]. В классический период в драматической поэзии тирания вместе с царской властью и варварской деспотией противопоставлялась подлинному государству, опирающемуся на закон и не нарушающему права граждан[79].

---

[77] Суриков И.Е. Ук. соч. С. 85сл.
[78] К этому см. Фролов Э.Д. Тирания глазами древнего историка // Фролов Э.Д. Парадоксы истории – парадоксы античности. Санкт-Петербург, 2004. С. 129сл.
[79] Там же. С. 130.

Геродот рассматривает тиранию с точки зрения характеристики ее места среди других политических форм власти, таких как демократия, олигархия и царская власть. Поэтому в знаменитой дискуссии знатных персов о характере будущего правления после свержения власти узурпатора Гауматы, Геродот устами сторонника демократического правления перса Отаны выделяет те негативные черты, которые присущи деспоту или тирану (III.80сл). К ним он относит высокомерие и зависть (◆❀♌❒♓▪ и ➚❑☐❖■☐▪); тиран любит самых дурных граждан (♍♋♓❖❒♏♓ ♎♏▭ ♦☐♓♗♦♓ &♋&♓❖♦♦☐♓♦♓ ♦♦♗■ ♋♐♦♦♗■); он склонен внимать клевете (♎♓♌☐●♋▭▪ ♎♏▭ ♋☯❒♓♦♦☐▪ ♏♐ ■♎♏♓❖&♏♦❑♋♓); он нарушает отеческие обычаи и законы, насилует женщин, казнит людей без суда (■☐❖❍♋♓♋❖ ♦♏ &♓■♏❖♏♓ ◘♋❖♦❒♓♋ &♋♓▭ ♌♓♋♗♦♋♓ ♑◆■♋♓♗& ♋▪ &♦♏♓❖■♏♓ ♦♏ ♋♐&❒♓❖♦☐◆▪).

Поэтому в другом месте (V.92) Геродот устами коринфянина Сосикла, порицавшего спартанцев за то, что они хотели восстановить тиранию в Афинах, утверждал, что нет никакой свойственной людям более несправедливой и кровожадной власти, чем тирания (♦☐◆♗ ☐◆☯♦♏ ♋♐♎♓&♦❖♦♏❒☐■ ♏♐♦♦♓ ☐◆♐♎♏▭■ &♋♦⇗ ♋♐■❑❒♦❖◘☐◆▪ ☐◆☯♦♏ ❍♓♋♓➚■♦❖♦♏❒☐■).

Вместе с тем, когда Геродот рассказывает об отдельных тиранах, у него негативные описания их произвола и насилия переплетаются с сообщениями о некоторых позитивных фактах их деятельности. Так, целый энкомий он посвящает царице Галикарнаса Артемисии (VII.69; VIII.68сл). О правлении Писисстратидов и Периандра он говорит, что оно было более жестоким и кровожадным чем власть Писистрата и Кипсела (V.55; 92). Поликрат, тиран Самоса, представлен у него как жестокий

тиран, пользующийся вместе с тем известной славой, привлекший к своему двору выдающегося врача Демокеда, строителя Мандрокла, поэта Анакреона (III.39-46; 121; IV. 87-89). Силосонт, младший брат Пеликрата охарактеризован Геродотом как честный и бескорыстный человек (III.139-141).

Правильность объяснения такому переплетению негативных и позитивных суждений при описании тиранических режимов дает Э.Д. Фролов. Он считает, что «для памяти о любом самовластном правителе характерно переплетение двух противоположных тенденций – критической, преобладающей в ранний период, когда произвол и насилие, характерные для любого авторитарного режима, были свежи в памяти, и апологетической, формирующейся позже в силу естественного для людей стремления противопоставить неудовлетворяющему их современному общественно-политическому строю реальный или мнимый успех какого-либо режима личной власти в прошлом, в особенности если носителем этого режима была действительно сильная личность, пусть даже и злодейского типа»[80].

Это объяснение особенно характерно для Геродота, поскольку его главным источником информации была устная традиция. В человеческом сообществе в условиях неудовлетворенности современным общественно-политическим строем после того, как по истечении времени в памяти

[80] Фролов Э.Д. Бык Фалариса: миф и реальность в предании об акрагантском тиране VI в до н.э. // Парадоксы истории – парадоксы античности. Санкт-Петербург, 2004. С. 127. Критическое замечание И.Е. Сурикова в адрес мнения Э.Д. Фролова нельзя считать оправданным (Суриков И.Е. Ук. соч. С. 358). Во-первых, Э.Д. Фролов, безусловно, прав в том, что общественно-политическая мысль и историческая наука древних греков единодушна в отрицательной характеристике раннегреческой тирании. Во-вторых, Э.Д. Фролов вовсе не отрицает того, что у греческих историков, в частности у Геродота отразились и апологетические тенденции в оценке деятельности известных тиранов.

человеческой забываются наиболее негативные события, связанные с именем того или иного тирана, возникает ностальгическая тоска о прошлом, об утраченном и вспоминаются некоторые позитивные факты и эти приступы ностальгии по былому чаще всего находят свое отражение в устной передаче.

Кроме того, необходимо отметить, как совершенно правильно заметил Ю.В. Андреев, что в общественном сознании греков тиран выступал как сильная неординарная личность, одаренная необыкновенными способностями и настойчиво прокладывающая себе путь к власти, не считаясь ни с какими преградами.

В сохранившихся описаниях жизни и деятельности тиранов отразилась характерная для греческой ментальности вера в жизненный успех как предназначение человека. Поэтому в сознании греков тиран приобретал сходство с мифическим «героем» злодейского типа, резко выделявшимся среди толпы простых смертных[81].

Поэтому неслучайно, хотя отношение Геродота в целом к тиранической власти вполне отрицательное, тем не менее, в его описании тех или иных тиранов, особенно таких известных как Писистрат, Кипсел, Поликрат, они предстают как своего рода избранники богов. Рождению их предшествуют всякие чудесные знамения, об их появлении на свет возвещают различные прорицания божества и в начальный период их деятельности, сопряженной с проявлением произвола и жестокого насилия, им, как правило, сопутствовал успех.

Это объяснялось тем, что гражданский коллектив полиса в это время еще окончательно не сформировался и поэтому не мог противостоять тиранам, более того, часто в них видел своих защитников. Тираны,

[81] Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. Санкт-Петербург, 1998. С. 138сл.

безусловно, руководствовались, прежде всего, своекорыстными интересами, но вместе с тем фактически укрепляли полис в организационном плане. Они способствовали развитию ремесла и торговли, выводили колонии, возводили оборонительные сооружения, привлекали в полисы выдающихся архитекторов, строителей, поэтов, музыкантов, философов. Этим они, усиливая гражданский коллектив полиса, не желая того, готовили на будущее своего могильщика.

Как уже отмечалось, достаточно устойчивым является мнение о том, что Геродот был безоговорочно сторонником демократии, поскольку он большую часть сведений об афинской истории почерпнул из семейной традиции аристократического рода Алкмеонидов[82], выдающимися представителями которого были Клисфен и Перикл. У Геродота встречаются сообщения о предпочтительном отношении к демократии. Он впервые употребляет термин «демократия», рассказывая о совещании тиранов ионийских городов, которые по просьбе скифов обсуждали вопрос о разрушении моста через реку Истр, чтобы не дать возможность войску Дария покинуть Скифию. Тираны решили мост не разрушать, ибо гибель персидского войска в Скифии, по мнению тирана Милета Гистиэя, приведет к тому, ни один из тиранов не сохранит свою власть, так «каждый город», - говорит Геродот устами Гистиэя, - предпочитает народное правление господству тирана (IV.137: «♌□◆●♒❖♦♏♦❑♋♓ ♑♋▤❒ ♏☺&♋❖♦♦♒■ ♦♦🕯■ □□●♓❖♦■

[82] Эту идею впервые выдвинул Ф. Якоби (Jacoby F. Herodotos // RE. Suppl. II. Stuff., 1913. S. 237, 238, 413. Rpt in Griechische Historiker (Stuff., 1956. S. 7-164; idem. Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxf., 1949. P. 152-158. Недавно это же мнение высказал Б.М. Лавель (Lavelle B.M. The Sorrow and the Pity. A. Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids. Stuttg., 1993. P. 94), который доказывает, что Алкмеониды были «the primary beneficiaries» Геродота.

♎♒♋□&❐♋♦♏❖♏⬧❑♋♓ ♋♋🕯●●□■ ♒☸
♦◆❐♋■■♏◆❖♏⬧❑♋♓).

Что же касается Афин, то Геродот подчеркивает, что во время тирании Писистрата аттический народ был расколот и подавлен междоусобными распрями (I.59). В другом месте Геродот говорит, что когда Писистрат стал тираном, то одни из них погибли в борьбе с тираном, а другие вместе с Алкмеонидами должны были уйти в изгнание (I.64.3). После освобождения Афин от тирании, как отмечает Геродот, их могущество возросло. Поэтому историк утверждает, что равноправие для народа – это драгоценное состояние (V.78).

Однако следует заменить, что Геродот только три раза употребляет слово «демократия» (IV. 137; VI.43.3; 131.4). Чаще он прибегает к понятиям, раскрывающим его содержание, например, ♓♐⬧♒♑□❐♓❖♒ (V.78), то есть равное право говорить или свобода слова; ♓♐⬧□■□♋♓❖♒ (III.80.6; 1423), то есть равенство всех перед законом или такие парафразы как: «□♋❖■♦♋… ♏♐▪ ♋♏❖⬧□■ ♦♒▭■ ♋♐❐♍♒▭■ ♦♓❑♏♓🕯▪ ♓♐⬧□■□♋♓❖♒■ ◆☺♋♓❖■ □❐□♋♑□❐♏◆❖⬧, то есть «я передаю всю власть народу и провозглашаю свободу и равенство.

Итак, несомненно, Геродот относился к демократической форме правления с большим пиететом. Однако будучи сторонником демократии – это не значит, что он был ее бессловесным адептом. Геродот как историк обладал критическим сознанием. Поэтому он критически относился не только к источникам информации[83], но и к реальной действительности.

[83] Поэтому ряд исследователей высказали возражение против упомянутого выше мнения Ф. Якоби о том, что Геродот некритически воспринял традицию Алкмеонидов, например, Strasburger H. Herodot und das perikleische Athen // Historia. 1955. Bd.4. S. 1-25. Rpt. In Marg W. Herodot: Eine Auswahl aus der Neueren Forschung. Darmstadt, 1962. ; Fornara C. W. Herodotus: An interpretative Essay. Oxf. 1971. P. 51-58; Hart J. Herodotus and

Как известно, Геродот считал восстание ионян против персов большой ошибкой. Поэтому, когда один из руководителей восстания Аристагор прибыл в Афины и убедил афинское народное собрание принять решение об оказании помощи ионийцам, Геродот, не одобряя это решение, язвительно заметил, что многих людей легче обмануть, чем одного: одного лакедемонянина Клеомена (спартанский царь, который отказал Аристагору в его просьбе оказать помощь Ионии) ему не удалось провести, а 30000 афинян он обманул.

Как уже отмечали многие исследователи, рассказ Геродота об освобождении Афин от тирании Писистратидов имеет содержание далеко не удовлетворительное для Алкмеонидов (V.62сл.), поэтому исследователи предполагают, что информацию о падении Писистратидов и установлении демократии в Афинах Геродот мог получить, как из семейного архива Филаидов – противников Алкмеонидов, так и на основе устной полисной афинской традиции[84].

Отношение Геродота к Периклу также сегодня пересматривается, и основания для такого пересмотра, безусловно, имеются. Ведь трудно представить, чтобы Геродот, будучи другом Перикла, участником его кружка и, руководствуясь семейной традицией Алкмеонидов, о самом Перикле высказался всего единственный раз (VI.131) и то как бы между прочим, ведя речь об афинском реформаторе Клисфене. Геродот отметил, что у Клисфена была дочь Агариста, которая вышла замуж за Ксантиппа и

Greek History. London, 1982. P. 1-24; Develin R. Herodotus and the Alkmeonids // The Craft of the Ancient Historian, (ed) J.W. Eadie and J. Ober. Lanham, 1985. P. 125-139.

[84] Thomas R. Oral. Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambr. 1989. P. 238-282.; Vansina J. Oral. Tradition as History. Madison, 1985. P.114-123; Murray O. Herodotus and Oral History // Achaemenid History. Vol. 2: The Greek Sources, ed. H.W.A. Sancisi-Weerdenburg and A. Kuhrt. Leiden, 1987. P. 100-101; Kurke L. Coins, Bodies, Games and Gold: The Politics of Meaning in Arhaic Greece. Princeton, 1999. P. 333.

далее Геродот замечает, что когда она ожидала ребенка, ей приснился сон, что она родила льва и через некоторое время у нее родился сын, будущий Перикл. В связи с этим нельзя не вспомнить изречение Пифии, данное Бакхидам и гласившее следующее:

В скалах примет во чреве орел, но льва породит он

Мощного и сыроядца: сокрушит он многим колени.

Это было предсказание о рождении будущего тирана Коринфа Кипсела. Говоря о сне Агаристы, которой также приснился лев и через некоторое время она родила будущего Перикла, Геродот, по-видимому, отразил афинское общественное мнение, в котором Перикл рассматривался как политик, склонный к тирании. Об этом свидетельствуют комедиограф Кратин, который в комедии «Хироны» говорит: «Распря и древлерожденный Кронос сочетались браком, произвели на свет величайшего тирана, которого боги называют кефалегеретом» (&♏♐♋●♒♑♏❒♏❖♦♒▪), то есть собирателем голов или многоловым, что значит умным (Plut. Pericl. III). Учителем музыки Перикла был Дамон, но будучи софистом, он учил Перикла и был его руководителем в государственных делах. Но о Дамоне говорили как о человеке, являвшимся сторонником тирании, за что его и изгнали с помощью острокизма (Plut. Pericl.IV). Перикл, отправив в изгнание Фукидида, сына Мелесия, выходца из рода Филаидов, с 444г. в течение пятнадцати лет оставался единоличным правителем, сосредоточив в своих руках, как говорит Плутарх (Pericl.XV), и сами Афины и все дела, зависевшие от афинян – взносы союзников, армию, флот, острова, море Геродот не дает никакой оценки правлению Перикла, хотя в других случаях о личностях даже не демократического характера он отзывается вполне лестно, например, об Аристиде (VIII.79). Поэтому вполне можно

согласиться с точкой зрения И.Е. Сурикова[85], о том, что Геродот уже в 60-е гг. V в. до Р.Х. установил тесные контакты с Афинами в то время, когда признанным лидером Афин был Кимон из рода Филаидов. Являясь противником Перикла, Кимон вовсе не был врагом демократии. Просто их демократическая политика существенно различалась. Аргументы, которые приводит автор, вполне убедительны. Действительно, Геродота скорее следует помещать в окружении Кимона нежели Перикла. Источники изображают Кимона, как наследника Клисфеновой демократии (Plut. Cim.15). Будучи консерватором и традиционалистом, Кимон выступал против попыток предоставления демосу широких политических прав и дальнейшего ослабления влияния знати[86]. Однако морская программа Фемистокла значительно укрепила позиции городского населения к 60 гг. V в. (Thuc. I. 93.3-4; Arist. Ath. Pol. 22.7; Diod. XI.43.3; Plut. Thecn. IV; Pericl. XII.5-6). В это время начались нападки на Кимона. Выступление против него стало возможным, потому что в его позиции обнаружились слабые стороны. Он не обеспечил защиту колонистов, отправленных во Фракию (Thuc. I.100.3; IV.102.2; Diod. XI.705; XII.68.1); распался союз знати, созданный в начале 70-х гг., и возобновилась традиционная вражда между Филаидами и Алкмеонидами (Plut. Cim.17, ср. Thuc. I.107.4). Против Кимона было выдвинуто обвинение в том, что он был подкуплен македонским царем Александром (Plut. Cim.14.3-4, Aristot. Ath. Pol.27.1).

[85] Суриков И.Е. Геродот … С. 165сл.

[86] Строгецкий В.М.: 1)Полис и империя в классической Греции. Н.Новгород, 1991. С. 44сл.; 2)Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. (478-431 гг.). Санкт-Петербург, 2008. С. 66сл. К этому см. также Суриков И.Е. Геродот… С. 168сл.

Главным противником Кимона был Эфиальт, положивший начало радикальным демократическим реформам, которые завершил Перикл[87].

После изгнания Кимона его сторонников возглавил Фукидид сын Мелесия, родственник Кимона и вполне возможно, как предполагает И.Е. Суриков, предложение о почестях, оказанных Геродоту, исходило от представителей рода Филаидов[88].

[87] Строгецкий В.М.: 1)Полис и империя в классической Греции. Н.Новгород, 1991. С. 48сл; 52сл; 2) Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. (478-431 гг.). Санкт-Петербург, 2008. С. 70сл.; 77сл.
[88] Суриков И.Е. Ук. соч. С. 176.

Глава 6. Геродот в оценке классической и эллинистическо-римской историографии

Сочинение Геродота, отличающееся многообразием своего содержания, множественностью тем и отразившее новый для раннеклассического времени взгляд на процесс историописания, не могло не вызвать критического к себе отношения. Геродот и его «История» всегда находились в центре внимания независимо от того, было ли отношение к историку позитивным или негативным. Вплоть до настоящего времени ученые спорят о его целях и методе, о его отношении к своим источникам, наконец, о том был ли он историком или писателем.

Утверждается, что одним из первых критиков Геродота был Фукидид. Правда, в этом случае действует argumentum ex silentio. Характеризуя свое отношение к предшественникам, и подчеркивая их ошибки, Фукидид отмечает, что не следует доверять историям, которые в большинстве своем сочиняют логографы, ибо их истории в основном баснословны и не поддаются проверке. Исследователи считают, что к логографам, составляющим эти истории, Фукидид причисляет и Геродота[1]. Но Дионисий Галикарнасский, составивший относительно пространную характеристику логографов, Геродота к ним не относит (Dionys. De

[1] В отечественной науке о близости Геродота к логографам писал В.Г. Борухович (см. Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История / Пер. Г.А. Стратановского. М., 2009. С. 461). И.Е. Суриков в своей недавно опубликованной книге «Геродот» (М., 2009. С. 184 сл.), хотя совершенно справедливо указывает на весьма уникальный и беспрецедентный характер труда Геродота, отличающийся по своему замыслу и содержанию от сочинений первых греческих историков-логографов (С. 217), тем не менее, в этой же работе (С. 371сл., особ. С. 374), как и в своей статье («ЛОГОГРАФОІ» в труде Геродота (I.21.6) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания // ВДИ. 2008. №2. С. 25-37) утверждает, что «в глазах Фукидида» Геродот был логографом по преимуществу».

Thucydide. 5). Более того, Дионисий, называя имена первых историков, которые прожили до времени Фукидида, проводит четкое различие между ними и «Отцом истории». В данном случае необходимо отметить, что и В.Г. Борухович, и вслед за ним И.Е. Суриков приводят не полный перевод пятой главы трактата Дионисия, где речь идет о логографах. Он пишет: «Но Геродот Галикарнасский, который родился незадолго перед Персидскими войнами и дожил до Пелопоннесской войны, предложил разумный и более ясный план (…♦♒❖■ ♦♏ ◘❒♋♑❍♋♦♓&♒▭■ ◘❒◘♋♓❖❒♏⬩♓■ ♏♐◘♓▭ ♦◘▭ ❍♏♓🕯⌘◘■ ♏☒♒❖■♏♑&♏ &♋♓▭ ●♋❍◘❒◘❖♦♏❒◘■…). Он решил не писать историю одного города или одного народа, но собрать вместе мнения о многих и различных событиях, которые произошли в Европе и Азии и объединить их в едином всеобъемлющем сочинении. Отправной точкой в своей «Истории» он делал повествование о лидийском господстве и довел свой рассказ до Персидских войн, включив в единое изложение все важные события, которые произошли в Греции и варварском мире в течение этого периода, составившего 220 лет, кроме того, он добавил к своему стилю качества, которыми прежние историки пренебрегли (&♋♓▭ ♦♒🕯❻ ●♏❖☒♏♓ ◘❒◘⬩♋◘♏❖♎⬩&♏ ♦♋▭▪ ◘♋❒♋●♏♓♐❑♏♓❖⬩♋▪ ◆☺◘◘▭ ♦⬩🕯■ ◘❒◘▭ ♋◆♐♦◘◆🕯 ⬩◆♑♑❒♋♐♏❖⬩■ ♋♐❒♏♦♋❖▪).

Итак, если бы Фукидид причислял Геродота к логографам, то, учитывая высокую характеристику, данную Дионисием Геродоту, я полагаю, что он обязательно использовал бы это в своих критических замечаниях по отношению к Фукидиду. Поэтому, негативно оценивая творчество логографов, Фукидид, скорее всего, имел в виду только этих ранних историков. Что же касается Геродота, то не упоминал он его имя по целому ряду причин. Во-первых, в классический период в соответствии со сложившейся традицией историки весьма вольно относились к своим

предшественникам, не всегда упоминая их, даже если сообщали полученную от них устную или письменную информацию. Только во времена Дионисия Галикарнасского эта традиция, вероятно, стала меняться, возможно, под влиянием труда александрийских и пергамских ученых. По крайней мере, сам Дионисий постоянно ссылается на свои источники.

Следующая причина, вероятно, заключалась в том, что Фукидид ставил перед собой совершенно другую цель по сравнению с Геродотом, а также выдвинул свою собственную историческую концепцию, отличную как от Геродота, так и тем более от логографов. Это подтверждает и Дионисий, отмечая, что Фукидид придумал и свой собственный язык и стиль, чтобы таким образом отделить себя от всех предшествующих историков (De Thucydide 50-51)[2].

Тем не менее, поскольку Фукидид в первой книге, называемой «Археологией», касается тех же событий, что и Геродот, то исследователи считают, что среди критикуемых им предшественников он имел в виду и Геродота, не называя его по этическим соображениям.[3] Сравним эти сюжеты и посмотрим, насколько оправдано такое предположение. Фукидид дважды подчеркивает, что ни эллины, ни даже афиняне не имели четкого представления о том, что старшим сыном Писистрата и поэтому ставшим тираном после смерти отца, был Гиппий. О Гиппие и Гиппархе Фукидид подробно рассказывает, описывая заговор Гармодия и Аристогитона и его последствия (Thuc. I. 20; VI 54-60).

---

[2] Dionys. De Thucydide 51: «,♏♐♋♎♒♦□◆❖♦⬥■ ♋☺□♋❖■♦■ ♎♒🕯●□▪ ♏♐⬥♦♓■ ♋♐■♒̀❒ □❒⬥🕯♦□▪ ♏♐□♓♦♏♦♒♎♏◆♋⬥▭▪ ♦♋◆❖♦♒■ ♦♒▭■ ♏☺❒❍♏■♏♓❖♋■, ♓❖☺■♋ ♎♓♋●●♋❖☒♒❻ ♦□◆▭▪ ♋☯●●□◆▪ ⬥◆♑♑❒♋♐♏♓🕯▪» (на основании всего этого ясно, что Фукидид первым придумал этот язык и стиль, чтобы таким образом выделить себя среди других историков).

[3] Суриков И.Е. Геродот. С. 372.

Геродот более детально характеризует афинскую тиранию, касаясь также этого заговора, но приводит отличные от Фукидида сведения. Что же касается старшинства Гиппия, то Геродот вполне правильно судит о нем как о старшем сыне Писистрата (Hdt. I.61; V.55-57; 62; 91-94; VI.102 107-109; 121; 123; VII.6). Поэтому в данном случае Фукидид дискутирует явно не с Геродотом, а с упомянутыми логографами и, возможно, с аттидографами, когда говорит об афинянах.

Вместе с тем, два других сюжета предполагают, что Фукидид, высказывая критические суждения, мог вполне подразумевать также и своего старшего современника. Первый из этих сюжетов касается привилегий спартанских царей. Фукидид дает очень краткую информацию, акцентируя внимание на спорном мнении о том, что спартанские цари имели при голосовании не один, а два голоса каждый. Не называя конкретно по имени, Фукидид (I.20.3) говорит, что «прочие эллины» неправильно думают, что лакедемонские цари при голосовании имеют не по одному голосу, но каждый по два («…□♓☺ ♋♐❖●●□♓ ♏☺❖●●♒■♏▪ □◆♐& □♐❒❑⬥🕯▪ □♓☯□■♦♋♓, ⬥❁⬥□♏❒ ♦□◆❖▪ ♦♏ ☹♋&♏♎♋♓❍□■♓❖⬥■ ♌♋⬥♓●♏❖♋▪ ❍♒ ❍♓♋🕯❻ ♲♒♐⬥🕯❻ □❒□⬥♦♓❖❑♏⬥❑♋♓ ♏☺&♋❖♦♏❒□■ ♋♐●●♋▭ ♎◆□♓🕯■»). Среди «прочих эллинов» вполне мог подразумеваться и Геродот, поскольку высказанное, с точки зрения Фукидида, неправильное мнение, хотя и не совпадает с геродотовским, но близкое к нему. И.Е.Суриков рассматривает это замечание Фукидида как важнейшее доказательство того, что «Фукидид под видом абстрактных логографов критикует конкретного автора и этот автор не кто иной, как Геродот»[4].

[4] Суриков И.Е. Ук. соч. С. 374. Более подробно см. уже упоминаемую нами его статью «ЛОГОГРАФОІ» в труде Фукидида» (I.21.1)…С. 25-37.

Это умозаключение служит для И.Е.Сурикова одним из доказательств того, что Фукидид относил Геродота к числу логографов. Но так ли это? В отличие от Фукидида Геродот приводит более детальную информацию о привилегиях спартанских царей (Hdt. VI.57-59). Он также говорит о голосах царей, подчеркивая, что если цари не являются в Совет старейшин (герусию), то их ближайшие родственники среди геронтов получают их привилегии. Мнение Геродота более точное. Суть в том, что не цари имеют по два голоса, как передает Фукидид, а два представляющих их геронта. В случае отсутствия царей в герусии эти геронты, являясь ближайшими их родственниками и заменяя царей, пользовались соответствующими их привилегиями и при голосовании каждый из них, располагая своим голосом, получал дополнительно и голос того царя, которого он представлял (Hdt. VI.57: «…♒☸■ ♎♏▭ ❍♒▭ ♏☯●❑⬧⬧♓, ♦☐◆▭▪ ❍♋❖●♓⬧♦♋❖ ⬧♐♓ ♦⬧🕯■ ♑♏❒☐❖■♦⬧■ ☐❒☐⬧♒❖&☐■♦♋▪ ♏♐❖❖♍♏♓■ ♦♋▭ ♦⬧🕯■ ♌♋⬧♓●♏❖⬧■ ♑♏❖❒♏♋, ♎◆❖☐ ⛝♒❖♐☐◆▪ ♦♓❑♏❍♏❖■◆▪, ♦❒♓▭♦♒■ ♎♏▭ ♦♒▭■ ♏☺⬧◆♦⬧🕯■»)[5].

Таким образом, и в этом случае мог быть вовсе не названный Геродот, с которым дискутирует Фукидид, а кто-либо из логографов.

Другой сюжет, интерпретируемый Фукидидом критически, также имеет отношение к Геродоту, и, возможно, в этом случае он как раз имел в виду именно его. Фукидид (I.20.3) утверждает, что у лакедемонян никогда не существовало так называемого питанакского военного отряда. Но мнение Геродота в данном случае более предпочтительно, поскольку он передает весьма обстоятельную информацию, услышанную им в спартанском округе Питане, где он непосредственно побывал и указывает конкретные имена своих информаторов (Hdt. IX.53 ср.III.55).

[5] How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus Oxf. 1957. Vol. II. P. 87. Comment. ad Hdt. VI. 57.

Комментаторы Геродота приводят ряд доказательств в пользу его информации[6].

Вместе с тем есть и примеры сходства мнений между двумя историками по весьма важным вопросам мировоззренческо-политического характера. Так, оба историка одинаково положительно оценивают вклад Афин в спасение Греции во время Греко-персидских войн (Hdt. VII.139. ср. Thuc. I. 18.73-74)[7], а также считают захват афинянами Сеста и возвращение лакедемонян на родину как начало нового этапа в греческой истории (Hdt. IX.114 ср. Thuc. I.89)[8].

После Фукидида имя Геродота не часто встречается в литературной традиции V – нач. IV вв. до Р.Х. Это, по-видимому, было обусловлено теми глубокими потрясениями, которые испытала Эллада в годы Пелопоннесской войны. Уже с конца V в. обнаруживаются следы начала кризиса полисных отношений, хорошо заметные в «Истории» Фукидида. Пелопоннесская война не была последней. Начало IV вв. было омрачено новыми военными конфликтами, ставшими невыносимым испытанием для простых людей. После Пелопоннесской войны наступило всеобщее обнищание и нужда рядовых граждан греческих полисов, сокращение гражданского коллектива. Разорение крестьян и ремесленников, а также бывших воинов, промотавших свое состояние, увеличивало число люмпен-пролетариев (охлос); в обществе наблюдалась крайняя поляризация населения; исчезал средний «класс», но быстро увеличивалось число бедных и резко сокращалось число богатых. Главными лозунгами становились требования сложения долгов и передел земли.

Наиболее точная и яркая характеристика плутократии (власти богатых) дана Платоном в его «Государстве». (Платон. Государство. 550-

[6] How W.W., Wells J. Op. cit. P.311. Comment. ad Hdt. IX.53.
[7] ibid. P. 181. Comment. ad Hdt. VII. 139.
[8] ibid. P. 335. Comment. ad IX.114.

553). Он пишет: «Тут неистово чтут свое золото и серебро; строят хранилища и особые сокровищницы, чтобы складывать и прятать в них свое богатство. Возводят себе дома точно гнезда, чтобы там расточать свое имущество: трясутся над деньгами; тут преобладают любостяжатели, которые расточают похвалы богатому, а бедного унижают». Платон объяснял это тем, что нарушилось гармоническое сочетание трех важнейших элементов или начал, составляющих сущность человеческих душ: разумное, аффективное и неразумное или вожделеющее – источник удовольствий и наслаждений. И как только эта гармония нарушается, люди впадают в тщеславие, и вожделеющее начало полностью овладевает человеком.

О положении бедноты можно судить по некоторым комедиям Аристофана. В комедии «Плутос» (Богатство) он так характеризует жизнь бедняков: «От холода они ищут спасение в банях, вместо плаща у них лохмотья, вместо постели мешок с соломой, полный клопов, вместо ковров прогнившая плетенка, вместо скамьи им служит горло разбитого сосуда». (Аристоф. Богатство, 540). Общество все более пронизывали индивидуалистические и космополитические настроения. Греческие полисы поразил нравственный и социально-политический кризис.

В такой обстановке в городах возникают тирании, а в общественно-политическом сознании утверждается идея монархической власти[9], к ней обращаются историки (Ксенофонт), философы (Аристотель), ораторы (Исократ). Поэтому патетический стиль Геродота, прославившего афинскую демократию и торжество греческих основ демократической власти над варварским деспотизмом, не отвечали реалиям времени. И если,

[9] Фролов Э.Д. Греческие тираны (IV в. до н.э.). Л., 1972; БоруховичВ.Г. Фролов Э.Д. Публицистическая деятельность Исократа // ВДИ. 1969. №2. С.206сл.; Фролов Э.Д. Монархическая идея у Исократа // Проблемы отечественной и всеобщей истории / Сб. статей к 150-летию ЛГУ. Л., 1969. С. 3сл.

Демосфен, страстный противник Исократа, и отстаивал идеи полисной демократии, то он был поклонником Фукидида. Критические суждения в отношении Геродота высказывал и Аристотель, хотя также чаще всего, не называя его имя. Так, он цитирует или оспаривает Геродота в вопросах естественной истории в своей работе «История животных и в других сочинениях[10]. Критицизм Аристотеля обусловлен, прежде всего, его противопоставлением поэзии и истории и утверждением, что поэзия философичнее и значительнее (♐♓●□♦□♐♦❖♦♏❒□◆ &♋♓▤ ♦□□◆♎♋♓□❖♦♏❒□◆) истории, так как, она говорит об общем, универсальном (♦♋▤ &♋❑□❖●□◆), история же – о единичном, особенном (♦♋▤ &♋❑✞ ♏❁&♋♦♦♋ - Arist.Poet. IX.1451a). Вместе с тем Аристотель как и другие философы использовал Геродота в качестве источника информации[11]. Пренебрежительное отношение к Геродоту высказал и Исократ (Paneg.158-159). Исократ не разделял политические позиции отца истории, прославившего афинскую демократию и являвшегося противником единоличной власти. Вся его политическая деятельность и его ораторское искусство были направлены на утверждение и защиту монархического правления[12].

* * *

* *

---

[10] Arist. Hist. Animal. VIII. 18, 601в 4 (ср. Hdt. I. 106); VI. 31, 579в 2 (ср. Hdt. I. 108); II. 2, 736a 10 (ср. Hdt. III. 101); Eth. End. VII. 2, 1236в 9 (ср. Hdt. II. 68); Gen. Anim. III. 5, 756a 6 (ср. Hdt. II. 93); Rhet. III.16, 1417a 28; ibid. III 9, 1409a 28 (ср. Hdt. I.1); III 5, 1407a 39 (ср. Hdt. I.53). К этому см. Myres J.I. Herodotus Father of History. Oxf., 1966. P. 18.

[11] Riemann K.A. Das herodoteische Geschichtswerk in der Antike / Diss. Munich, 1967. S. 36ff.

[12]Фролов. Монархическая идея у Исократа // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969. С.3-20; Борухович В.Г., Фролов Э.Д. Публицистическая деятельность Исократа // ВДИ. 1969. №2. С. 206сл.; Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994. С. 75сл.

В литературе Нового времени отношение к Геродоту было неоднозначным. С конца XIX в. возникло и стало господствующим в течение длительного времени мнение о том, что Геродота не читали в эпоху эллинизма. Он пользовался репутацией лжеца, мифолога и рассказчика удивительных историй[13]. Этот старый гиперкритический подход к «Истории» Геродота оставался преобладающим до середины XX в. С этого времени получает развитие другой взгляд, согласно которому исследователи признавали, что Геродота читали в эпоху эллинизма, но это признание сопровождалось оговоркой, что хотя в это время Геродот и был известен как писатель, стиль которого получил распространение в риторских школах, но его влияние как историка было незначительным[14].

Сегодня исследователи признают, что Геродот был одним из наиболее читаемых авторов на протяжении всей античности. Среди выдающихся греческих писателей – прозаиков Геродот занимает пятое место перед Ксенофонтом после Демосфена, Платона, Исократа и Фукидида[15]. Исследователи античного рукописного наследия свидетельствуют о том, что Геродот и Фукидид имели равноценное признание в Греко-римский период III-II вв. до Р.Х. выдающийся александрийский филолог Аристарх написал комментарий к «Истории» Геродота – древнейший комментарий к сочинению прозаического автора, появившийся до того, как Дидим написал свой комментарий к речам

---

[13] Kirchhoff A. Über die Entstehungszeit des Herodoteischen Geschichtswerk. Berl., 1878. S. 9; Bauer A. Herodots Biographie. Wien, 1878. S. 4.

[14] Momigliano A.D. The Place of Herodotus in the History of Historiography // Secondo contributo alla storia degli studi classici. 1960. P. 29ff., esp. 39ff.; Erodoto e la storiographia moderna // ibid. P.45ff., esp. 52ff.; Studies in Historiography. 1966. P. 127ff.

[15] Paap A.H. RE De Herodoti reliquiis in papyris et membranis Aegyptiis servatis / Diss. Utrecht, 1948; Willis W.H. Census of Literary Papyri // GRBS. 1968. Vol. IX. P. 212. См. также для уточнения Murray O. Herodotus and Hellenistic Culture // Classical Quarterly. 1972. N.S. Vol. 22 №2. P. 200-213 esp. 203.

ораторов[16]. Не только Аристарх интересовался Геродотом. Выдающийся александрийский грамматик Аристофан из Византия использовал сочинение Геродота для своих «☹♏❖☒♏♓⌘» (слова). Другой известный грамматик Гелланик читал лекции о Геродоте[17].

Популярность Геродота в эллинистический период подтверждается и поэзией этого времени. Из всех историков Геродот считался ⚐❍♒❒♓&♦❖♦♋♦☐▪[18]. Эллинистические поэты широко использовали сочинение Геродота. Он оказал влияние на Каллимаха и Апполония Родосского[19]. Сохранилось также достаточно точное переложение в трагедию рассказа Геродота о Гигегесе лидийском[20]. Поэтому заслуживает внимания мнение Дионисия Галикарнасского, пытавшегося, опираясь на стилистические особенности сочинения Геродота, поставить его выше Фукидида. Даже если считать, что его оценка Геродота была односторонней, обусловленной его непониманием концепции Фукидида,

---

[16] О комментариях Аристарха см. Paap A.H. RE Op. cit., no 10. По своему содержанию они шире, чем обычный грамматический комментарий, касающийся объяснения трудных слов. Аристарх (или его эпитоматоры) использовал фактическую информацию, почерпнутую у Геродота, стараясь дополнить ее современным ему материалом. Он приводит современные параллели и обсуждает различные варианты чтения. К этому см. также Schmid W. Stählin O. Geschichte der Griechischen Literatur. Münch., 1934. Bd. I.2. S. 665. n. 8; Pfeiffer R. History of Classical Scholarship. Lond., 1968. P.224f; 277f; Murray O. Op. cit. P. 204.

[17] Schol. Sophocl. Philoctetes 201; к этому см. Pfeiffer R. Op. cit. P. 204. Murray O. Op. cit.

[18]Longin. 13.3.; Dyonys. Halic. Ad Pomp. 3; Demetrius 112 к этому см. Jacoby F.Herodotos // R.E. Suppl.II. Stuttg., 1913. S. 502ff; Murray O. Op. cit.

[19] О влиянии Геродота на Каллимаха см. Howald E. Ionische Geschichtschreibung // Hermes. 1923. Bd. 58. S. 133-138; об отражении некоторых сюжетов Геродота у Апполония Родосского см. Apoll. I, 591 (ср. Hdt. IV.189). К этому см. Delage E. La Ge❖ographie dans les Argonautiques d✞Apollonios de Rhodes. Par., 1930. P. 79f., 82ff, 255; 279; Murray O. Op. cit. P.203.

[20] P. Oxy. XXIII, 1956 no 2382. К этому Murray O. Op. cit. P.204.

тем не менее, она, безусловно, отражает то значение, которое придавали Геродоту в эпоху эллинизма.

Однако тогда чем же объяснить, что в научной литературе столь долго сохранялась точка зрения, согласно которой в эпоху эллинизма Геродота не читали, и к нему было пренебрежительное отношение, и насколько этот взгляд отражал истинное положение дела? Как уже было отмечено, в начале IV в. критическое отношение к Геродоту высказал Исократ. Поэтому неудивительно, что его ученики Эфор и Феопомп продолжили негативно оценивать Геродота. Тем не менее, сочинение его для этих историков было одним из главных источников[21]. Эти историки, вышедшие из школы Исократа и тяготевшие ко двору Филиппа Македонского, были пропагандистами войны с Персией. Поэтому они не могли не интересоваться «Историей» Геродота и, безусловно, должны были пользоваться отраженной в ней информацией. Феопомп составил даже краткое изложение истории Геродота в двух книгах[22]. Он стремился исправить Геродота и добавить занимательности к его Истории. Страбон на этот счет сообщает, что Фепомп открыто признавался, что будет рассказывать мифы в своей истории, полагая, что это лучший способ исторического повествования, чем тот, что принят у Геродота, Ктесия, Гелланика и авторов описания Индии (Strab. I.2.35). Племянник Аристотеля Каллисфен, участвовавший в походе Александра и убитый им, писал «Греческую историю», в которой почти слово в слово следовал за Геродотом[23].

---

[21] О влиянии Геродота на Эфора см. Jacoby F. Hbbd.2. Stutt., 1913 // RE Suppl. II. Herododos. S. 510.

[22] Об эпитоме Феопомпа см. Jacoby F. FrGrHist. 115. F. 1-4. 304.

[23] См. Jacoby F. Fr.Gr.Hist. 124. F.38 (ср. Hdt.I.202); F.25; 30 (ср. Hdt.I.175); Riemann K.A. Op. cit. S. 50f; Jacoby F. Op. cit. // RE Suppl. II. Sp. 512. Murray O. Op. cit. P.205.

Но парадокс заключается как раз в том, что эти раннеэллинистические авторы, находясь под влиянием Геродота и будучи в зависимости от него, тем не менее не упускали случая обвинить историка во лжи и ненадежности его информации. Таким способом они стремились утвердить свою сомнительную независимость от геродотовского повествования и убедить читателей, что их источники информации и их способ изложения лучше, чем у Геродота. Одним из первых открыто выступил против Геродота Ктесий, врач из Книда, живший при персидском дворе с 415 по 398 гг. Вернувшись в Грецию, он написал Историю Персии (♋♏❒♦♓&♋❖) и описание Индии (♐✋■♎♓&♋❖). Ктесий во многих случаях отступает от Геродота. Прожив в Персии в зрелом возрасте около 17 лет, он пользовался официальными персидскими источниками (♎♓♐❑♏❖❒♋♓ ♌♋♦♓●♓&♋♓❖) - царские кожи (т.е. летописи)[24].

Однако Ктесий был хвастливым лгуном и недостоверным историком[25]. Он описывал выдуманных фантастических животных, заявляя, что он их видел в Индии. Марафонскую битву он связывал со скифским походом, а Платейскую – помещал раньше Саламинской. Поэтому совершенно правильно отмечал Ф.Якоби, что историческая ценность его сведений о явлениях и событиях, предшествующих времени правления Артаксеркса I, «равна нулю»[26]. Его обвинения Геродота, которого он назвал выдумщиком (●□♑□□□♓□❖▪) и лжецом

[24] Подлинные фрагменты сочинений Ктесия не сохранились. Краткие извлечения из Истории Персии Ктесия сделал Фотий (см. Jacoby F. FrGrHist. 688. См. также Jacoby F. Ktesias // RE Bd. XI. Stutt., 1922. sp. 2032ff. Для сопоставления Ктесия и Геродота см. Jacoby F. Op. cit. sp. 2041-2066. См. также Murray O. Op. cit. P. 205 n. 4. Об антигеродовской полемике Ктесия см. Hauvette A. He❖rodote. Par., 1894. P. 63-180; Schmid W., Stählin O. Op. cit. P. 202. №1.

[25] Пьянков И.В. История Персии Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце Vв. до н.э. // ВДИ. 1965. № 2. С. 35-50, особ. С. 35.

[26] Jacoby F. Ktesias Op. cit. sp. 2033.

абсолютно несостоятельны и обусловлены его завистью к славе «отца истории».

Несомненно, все выпады против Геродота и его критика большинством эллинистических писателей свидетельствуют о том, что в эпоху эллинизма его Историю внимательно читали. Это, прежде всего, относится к раннеэллинистическим писателям. Сравнение их описаний с тем, что они могли прочитать у Геродота, показывает, что они смотрели на мир его глазами, стремясь лишь подменить его информацию своей собственной, но при этом далеко не всегда надежной и достоверной. Сохранившиеся описания Индии и Египта эллинистическими авторами и их сопоставление с соответствующими сюжетами у Геродота хорошо подтверждают это.

Вполне вероятно, сочинение Геродота могло служить важным географическим источником при планировании восточного похода, как Филиппом, так и Александром. На это может указывать как Эпитома Феопомпа, составленная, главным образом, из ранних книг Геродота, так и сочинения писателей – участников этого похода. Из них, прежде всего, следует назвать Неарха, посланного царем во главе флота исследовать водный путь от Инда до Евфрата, плывя вдоль берега Индийского океана. Результатом его плавания было составленное им Описание Индии[27].

О Неархе сохранилась традиция как о правдивом и вполне надежном писателе. Он описывал то, что видел, без фантастических преувеличений. Следы серьезного использования сочинения Геродота в своем описании Индии Неархом легко обнаруживаются как в деталях, так и его общем замысле[28]. Неарх, составивший свое «Описание» около 312г., возможно даже использовал ионийский диалект для того, чтобы подчеркнуть свою

[27] О сочинение Неарха см. Jacoby F. FrGrHist. 133. К этому см. также Spoerri W. Nearchos // Der Kleine Pauly Bd. IV. Stutt., 1970. S. 33f.
[28] Об отношении Неарха к Геродоту см. Pearson L. The Last Historians of Alexander the Great. Lond., 1960. P.118ff.

связь с Геродотом[29]. Наиболее известным рассказом Геродота в третьей книге о золотоносных муравьях величиной с собаку (III.102) интересовался и Неарх, хотя он подчеркивает, что самих этих муравьев никогда не видел, тем не менее, их шкуры, похожие на шкуры пантер, приносили в македонский лагерь в большом количестве[30]. Об этом сюжете Геродота дают хороший и подробный материал его комментаторы[31]. Рассказ историка, по-видимому, представлял собой соединение подлинной индийской легенды с имевшей место обычной торговлей шкурами пантер и золотом, которое, вероятно, действительно находили в золотоносном песке. Может быть, поэтому Неарх и другой участник похода – писатель Мегасфен, о котором речь пойдет ниже, не пытались опровергнуть рассказ Геродота, но старались найти ему подтверждение.

В описании Неархом Индии можно встретить и другие черты сходства с Геродотом. Это касается сообщения Неархом об индийской одежде. Безусловно, образцом для него служил геродотовский рассказ о льняных одеждах египтян (Nearch. FGrHist F.11, ср. Hdt. II.37). Но особенно ярко это обнаруживается в его сообщении о затоплении индийской долины и в объяснении этого летними дождями, вызывающими разливы рек Северной Индии и отложение ила, благодаря которому почва становилась плодородной, а также в описании Неархом флоры и фауны в этом районе[32]. Безусловно, образцом для такого описания Неарху служил египетский логос Геродота.

---

[29] Murray O. Op. cit. P. 206.
[30] Nearch. F. GrHistF. 8, ср. Hdt. III. 102.105.
[31] How. W.W., Wells J. Op. cit. Vol. I. P. 289f. Comm. Ad Hdt. III.102; 105.
[32] Nearch. FGrHist F. 17, ср. Hdt. II.5; 10; 97; Arrian. Anab. V.6.3-8. К этому см. Pearson L. Op. cit. P. 118-120. При описании животного и растительного мира северной Индии фоном для Неарха также служил геродотовский рассказ о флоре и фауне Египта (см. Nearch. FGrHist F. 18-20, ср. Hdt. II. 66-75; 77; 78; 92; 94. к этому см. Trüdinger K. Studien zur Geschichte der

Вместе с тем нельзя согласиться с О.Мюрреем, который находит полный «параллелизм» между повествованием Неарха об Индии и рассуждением Геродота о Египте как даре Нила[33]. Мнение Неарха об Индии – это, конечно же, не «всеобъемлющее описание (full-scale)», как считает О.Мюррей[34], Египта во второй книге Геродота. Историк говорит о Египте как о даре Нила, имея в виду образование этой территории в результате превращения некогда существовавшего залива в плодородную долину с помощью нанесенной земли Нилом и его летними разливами, вызывавшими отложение ила, благодаря которому и возникало плодородие Нильской долины. Итак, в то время как разливы Нила осуществлялись летом, когда дождей не было (Hdt. II.25), в Северной же Индии наводнения и разливы рек возникали именно благодаря летним дождям. Кроме того, в Северной Индии не могла идти речь о каких-либо геотрансформациях, подобных тем, о которых Геродот говорит применительно к Египту.

Как уже отмечалось, другим участникам похода Александра был и Мегасфен, которого иногда помещают в число историков македонского царя, хотя он скорее был географом. Он несколько раз был послом Селевка Никатора к индийскому царю Чандрагупте. Мегасфен имел возможность близко ознакомиться с Индией и записал свои исследования или наблюдения в сочинении «’🗁■♎♓&♋❖»[35]. Его работа появилась в

---

griechisch-römischen Ethnographie / Diss. Basle., 1918. S. 66f; Pearson L. Op.cit. P. 120-123.

[33] Murray O. Op. cit. P. 206.

[34] Ibid.

[35] Megasthen. FGrHist.175. К этому см. Derrett Y.D.M. Megasthenes // Der Kleine Pauly. Bd. III. Stuttg., 1969. sp. 1150ff см. также Altheim F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. Bd. I. Berl., 1947. S. 257-264. Наиболее взвешенная оценка Мегасфена и особенно его отношение к раннегреческой мысли содержится в статье О.Штейна (Stein O. Megasthenes // RE Bd. XV. Stuttg., 1931. S. 230-326, besond. S. 237-267. См. также Murray O. Op. cit. P. 208.

самом начале III в. до Р.Х. Писал Мегасфен свое сочинение, как он сам подчеркивает, на основе собственных наблюдений и сведений, полученных во время его путешествий, от индусов. Вместе с тем, будучи человеком хорошо начитанным, он также пользовался и материалом своих предшественников Геродота, Ктесия и Гекатея из Абдер, однако Ктесию он предпочитал Геродота и Гекатея. Геродот служил ему главным образом как источник информации, а под влиянием Гекатея он разработал метод, форму и содержание своей книги, дав систематическое мнение об индийской культуре, охарактеризовав в первой книге ее географию, флору, фауну и описание ее жителей, во второй книге он изложил систему управления, обычаи и законы, в третьей книге охарактеризовал в целом индийское общество и философию и, наконец, в четвертой книге – археологию, мифологию и историю. Но в целом можно отметить, что как для Неарха, так и Мегасфена геродотовская география и этнография Египта служили как образцом изложения материала, так источником информации[36].

Хотя многие эллинистические авторы, как уже отмечалось, высказывались резко критически по отношению к Геродоту, тем не менее, были и те, кто хотя и не принимали его мнений, но оценивали его достаточно положительно. К этим авторам можно отнести Гекатея из Абдер и Агатархида.

Гекатей Абдерский жил в Египте в период царствования Птолемея I Сотера в конце IV-нач.III вв. до Р. Х. Он автор двух сочинений «О Египте» и «О гиперборейцах». Некоторые авторы называют его «Египетскую историю» «псевдоисторией» или «этнографической утопией», однако

[36] Об отношении Мегасфена к Гекатею см. Trüdinger K. Op. cit. S. 75ff; (Stein O. Op. cit. S. 272ff; Murray O. Op. cit. P. 208. Об отношении Мегасфена к Геродоту см. Megasthen. FGrHist. F. 23 (ср. Hdt. III 102: о золотоносных муравьях. См. к этому Stein O. Op. cit. S. 237ff.

другие относятся к нему более взвешено[37]. Сочинение Гекатея «О Египте» было одним из источников Диодора Сицилийского в его первой книге, в которой Диодор дал извлечение из его сочинения, содержащее сообщение о религии египтян (Diod. I. 11-13). Работа Гекатея представляла собой следующую логическую структуру. Начало трактата составляла археология, затем следовала предыстория, включавшая теологию и мифологию, что в греческом понимании было неразрывно связано и являлось отражением ранней истории, затем возможно следовали собственно географическая часть работы, включавшая систематизированное описание древнеегипетских обычаев.

Гекатей опирался, прежде всего, как он сам утверждает, на свои собственные исследования и на информацию, полученную от египетских жрецов. Кроме того, как он говорит, имел доступ к официальным египетским архивам. Однако ясно также, что он использовал и работы своих предшественников. И наиболее интенсивно он черпал информацию у Геродота, хотя и высказывает критические замечания в его адрес, отмечая его ненадежность. Тем не менее, раздел истории Египта лишь в незначительной части отклоняется от Геродота. Рационализм Гекатея в отношении, как к египетской, так и греческой религии был слепком с геродотовского, а если шире, то с ионийского мировоззрения. И даже в разделе о египетских обычаях, где Гекатей настаивает на собственном превосходстве, ясно, что основой для него являлись свидетельства Геродота[38].

Хотя Гекатей, возможно, знал какие-то утраченные работы IV в. до Р.Х. о Египте, тем не менее, очевидно, что он считал Геродота своим

---

[37] О фрагментах Гекатея см. Jacoby F. FrGrHist 264. Литературу о Гекате из Абдеры см. Murray O. Hecataeus and Pharaonic Kingship // JEA, 1970. Vol. LVI. P. 141-171.

[38] О Гекате и Геродоте см. коммент. J. Vogt. Tübinger Beiträge zum Altertumswissenschaft. Bd. V. Berl., 1929. P.132ff.

величайшим предшественником. Поставив целью придать научный характер этнографическому описанию, Гекатей амбициозно претендовал на то, чтобы заменить Геродота, считая его взгляды слишком легковерными, недостаточно научными и не соответствующими требованиям его времени и новым подходам. Гекатей привнес в свое этнографическое описание идею об идеальном государстве, полагая, что она нашла свое воплощение в древнем Египте. Новый подход Гекатея заключался в соединении геродотовского взгляда, с одной стороны, и неоплатоновской греческой философии, связанной с рационалистической позицией, с другой. Хотя этот подход стал образцом для писателей следующих двух веков, тем не менее Гекатей не смог занять место Геродота или хотя бы стать равноценным ему.

Писателем II в. до Р.Х. человеком достаточно эрудированным, интересы которого выходили далеко за рамки истории и географии, был Агатархид из Книда, составитель обширного компилятивного исторического трактата, состоявшего из 59 книг, в котором 10 книг посвящены истории Азии 49 книг истории Европы[39]. Его сведения из истории и географии Египта служили одним из источников Диодора. Другое его сочинение «О Красном море» под именем, которого он имел в виду Персидский залив, сохранилось лишь частично благодаря извлечениям Фотия[40]. Агатархид был известен также и как философ перипатетик, неистовый враг азианизма. Поэтому он с большим пиететом относился к своим предшественникам, писателям – представителям классической греческой мысли. Он высоко оценивал Геродота, называя его

[39] Фрагменты этого его сочинения см. Jacoby F. FrGrHist. 86

[40] Фрагменты сочинения Агатархида об истории Азии и Европы см. Jacoby F. FrGrHist 86. Об Агатархиде, переводе на немецкий язык его сочинения «О Красном море» и комментарии к нему см. Woelk D. Agatharhides von Knidos über das Rote Meer. Übers. und Komment. / Diss. Freiburg, 1966; Strassburger H. Die Wesensbestimmung der Geschichte durch die antike Geschichtsschreibung. Wiesbaden, 1966.

«неутомимым исследователем, обладавшим большими знаниями в области истории» (Diod. I. 37.4). Это его замечание особенно важно, если учесть, что он, опровергая теорию Геродота о причинах разлива Нила, не обвинял историка, но дискутировал с ним.

Не только эллинистические авторы, составившие географические и этнографические описания, использовали труд Геродота. Его, несомненно, читал один из величайших раннеэллинистических политических историков Иероним из Кардии (350-260 гг. до Р.Х.). Он был историком времени Диадохов, являясь другом и соратником Эвмена, а позже Антигона Одноглазого и Деметрия Полиоркета[41]. Работа Иеронима, название которой не сохранилось, была главным источником Диодора в его XVIII-XX книгах, описание в которых доведено до конца 302 г. Иероним завершал свой труд смертью Пирра в 272 г. до Р.Х. Интересным является мнение Иеронима об экспедиции Антигона против набатейских арабов в 312 г. Описание составлено в духе геродотовского логоса; в нем рассказу о военных действиях предшествовало детальное повествование о привычках и обычаях арабов[42].

Итак, рассмотренное нами отношение эллинистических авторов к Геродоту свидетельствует о том, что независимо от высказываемой ими в адрес Геродота положительной или отрицательной оценки, они, безусловно, руководствовались им, читая его труд в оригинале или пользуясь им из вторых рук. Они использовали его не только как источник, но и как образец для моделирования своих текстов.

---

[41] Фрагменты труда Иеронима см. Jacoby F. FrGrHist 154. Об Иерониме см. Jacoby F. Hieronymos von Kardia // RE Bd. VIII. Stuttg., 1913. Sp. 1540ff; Niezold W. Die Uberlieferung der Diadochencgesch. bis zur Schlacht bei Ipsas Würzburg, 1905.

[42] См. об этом Diod. XIX. 94-100. К этому Jacoby F. // RE Bd. VIII. Stuttg., 1913. Sp. 1559.

Только в конце эллинистического периода Геродот был отодвинут на задний план и его не считали автором, достойным изучения. Объяснение этому явлению следует искать в тех закономерных и объективных процессах, которые происходили в античном мире во II-I вв. до Р.Х. Это был период расцвета эллинистической цивилизации. После распада империи Александра Македонского сложились эллинистические государства и идея самодовлеющего города-государства с его социально-экономическими и политическими формами существования, а также полисным мышлением теряла свое превосходство. Начиная со II в. до Р.Х., стали расширяться взаимосвязи и взаимозависимость истории и культуры народов Европы и Азии. Эти процессы не могли не вызвать появление новых теорий и направлений в историографии. Историком этого времени, труд которого привлек внимание грекоязычного и латиноязычного читателя, был Полибий, сумевший найти вполне адекватный ответ на вызовы тогдашней эпохи. С его именем связано возникновение жанра всеобщей прагматической истории.

Ко времени Полибия уже был накоплен огромный исторический материал, который недостаточно было описать в понятной и приятной для чтения форме. Его следовало осмыслить, систематизировать и дать ему объяснение. Поэтому Полибий обратился к теории историописания.

Заслуга его в том, что он собрал по крупицам многие суждения своих предшественников, начиная с Геродота, касающиеся теории истории как науки. Поэтому Полибий вполне может быть признан отцом философии истории[43].

---

[43] О Полибие в Западной историографии см. Ziegler K. Polybios // RE Bd. 21. Stuttg., 1932. Sp. 1564; Freu M. Biogaphie und Historia bei Polybios // Historia. 1954. Bd. 3. S. 219-228; Gelzer M. Die pragmatische Geschichtsschreibung des Polybios // Festschrift für K. Weickert. Berlin, 1955. S. 87sqq.; Petzold K.E. Studien zur Metod des Polybios und zu ihrer historischen Auswertung. München, 1964; Pe❖dech P. La me❖thode historique

Вместе с тем Полибий, оценивая своих предшественников и современников, критически относился к их манере исторического повествования. Он чаще всего называет тех авторов, недостатки которых отмечает в своем сочинении[44]. Ни Геродота, ни Фукидида Полибий не упоминает. Тем не менее, характеризуя направления, сложившиеся в греческой историографии к его времени, он касается геродотовской и фукидидовской школ. Поскольку Полибий был автором новой концепции историописания, суть которой заключалась в требовании строго научного изложения исторического материала, он резко возражал против отождествления этого рода изложения с литературным. В связи с этим Полибий видел специфику исторического сочинения в ее отличии от любого художественного произведения (Polyb.II56.10-13). Поэтому Полибий, прежде всего, противопоставлял историю трагедии, считая, что основной признак истории, отличающей ее от трагедии в том, что историк должен изображать прошлое при помощи истинных событий и речей (♎♓♋❖ ♦⬥🕯■ ♋♐●♒❑♓❖■⬥■ ♏☯❒♑⬥■ &♋♓🖴 ●□❖♑⬥■) и задача историка не развлекать, но «обучать и убеждать (♎♓♎♋❖☒♋♓ &♋♓🖴 ◘♏♓🕯♦♋♓) читателя.

---

de Polybe. Paris, 1964; Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Vols I-III. Oxford, 1957-1978. О Полибие в отечественной литературе см. Мищенко Ф.Г. Полибий / ЖМНП, 1891, апрель, август; 1982, март; Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма) / Под ред. проф. В.И.Кузищина. М., 1982. С. 72сл. Немировский А.И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 144сл.; Мирзоев С.Б. Полибий. М., 1986; Тыжов А.Я. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история. / Пер. Ф.Г.Мищенко (репр.). Отв. ред. А.Я. Тыжов. Спб., 1994. С. 5-33; Самохина Г.С. Полибий: эпоха, судьба, труд. Спб., См. в книге Г.С. Самохиной современную иностранную литературу о Полибие.

[44] Критика Полибия конкретна и открыта. Среди историков, в адрес которых направлены критические замечания Полибия, встречаются Эфор, Феопомп, Филарх, Тимей, Зенон, Антифон и др.

Рассуждения Полибия о соотношении истории и трагедии связаны с его критическими замечаниями в адрес сочинения Филарха – историка III в. до Р.Х. Они вызвали с легкой руки Эд. Шварца к жизни дискуссию в исследованиях, касающихся эллинистической историографии, господствовавшую в течение семидесяти лет, о так называемой «трагической истории»[45], против которой якобы и выступал Полибий. Однако, скорее всего он высказывает ставшее со времени Аристотеля общее мнение о том, чем история отличается от трагедии и почему элементы трагедии не должны преобладать в научном объяснении исторических событий. Но высказывания Полибия о специфике истории и о научном объяснении исторических событий свидетельствуют о том, что он был близок к фукидидовской концепции прагматической политической истории. Сам же Фукидид испытывал сильное влияние классической трагедии, за что Плутарх называл его «драматическим писателем»[46]. Поэтому политическая история как разновидность жанра всеобщей истории у Полибия не лишена драматических элементов, просто они у него, как и Фукидида составляют задний план его повествования, способствующий выделению главных элементов композиции.

Сказанное о соотношении трагедии и истории, как его понимал Полибий, имеет отношение и к литературно-художественной форме исторического повествования. В сочинении Полибия нет элементов того новеллистического стиля, который в чистом виде представлен Геродотом. Но это не исключает использования Полибием ряда художественных приемов, присущих геродотовской форме изложения. Имеются в виду отступления или экскурсы, которые также встречаются у Полибия. Особенно важным является его интерес к географическим описаниям,

[45] О концепции «Трагической истории» см. Немировский А.И. Рождение Клио… С. 154; Самохина Г.С. Ук. соч. С. 96сл.; Murray O. Op. cit. P. 211.
[46] Africa Th. Philarchus and Spartan Revolution. Berkel., 1961. P. 40-50. К этому см. Также Murray O. Op. cit. P. 211; Самохина Г.С. Ук. соч. С. 98сл.

которые в отличие от Геродота являются не только фоном, в котором развертывается история, но представляет собой географическую среду как важнейший историографический фактор, позволяющий Полибию объяснять как нравы народов, так и их общественно-политическое устройство, их военные успехи и неуспехи (Polyb. I.32-34; III.71.1; IV.21.1; V.93.5; X.1.6-8).

Итак, необходимо подчеркнуть, что на протяжении всего эллинистического периода влияние Геродота окончательно не исчезло. И даже Полибий, с именем которого связано новое понимание теории истории, хотя и отодвинул значение Геродота на задний фон, тем не менее не рассматривал его как объект своей критики и даже в своей концепции использовал некоторые элементы геродотовского повествования.

Возрождение геродотовской традиции связано с именами Посидония из Апамеи (135-50 гг. до Р.Х.) и Дионисия Галикарнасского (30 г. до Р.Х. – 8 г. от Р.Х.). Посидоний[47], хотя считался продолжателем Полибия, поскольку в своей Истории, состоявшей из 52 книг, он дал обзор исторических событий, начиная с середины 140-х гг. до Р.Х. вплоть до 70-х гг. I в. до Р.Х., тем не менее, его теоретические основы труда весьма отличались от концепции Полибия. Являясь учеником известного философа-стоика Панеция, Посидоний стал не только выдающимся философом-представителем этой философской школы, но и историком. Поэтому он придал своему историческому сочинению философско-стоическую окраску. Сохранившиеся фрагменты сочинения Посидония и свидетельства авторов, для которых его труд служил источником (Диодор, Цицерон, Саллюстий и др.) дают основание полагать, что он рассматривал

[47] Poseidonios Jacoby F. FrGrHist 155. К этому см. Nack A.D. Poseidonius // JRS. 1959 Vol. XLIX. P.1ff. Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма)… С. 82сл. Немировский А.И. Рождение Клио. У истоков исторической мысли…С.141сл.

исторические события сквозь призму этико-философских проблем человек и природа, человек и цивилизация. Он представлял мир как «живой организм». Его способ изложения материала был близок к геродотовской традиции, хотя Посидоний придавал немалое значение и так называемой «кинетической истории»[48] в духе Фукидида и Полибия.

В эпоху расцвета эллинизма на политической арене возник Рим как могущественное государство Западного Средиземноморья. После успешных Пунических войн, завоеваний на Балканском полуострове и в Азии Римская республика вступила во внутриполитический и социально-экономический кризис, вылившийся с 30-гг. II в. до Р.Х. в длительный период гражданских войн. Победителем оказался Октавиан Август, утвердивший Pax Romana. Представители римской интеллектуальной элиты стали заниматься разработкой модели латинской литературы. С окончанием гражданских войн перед римским обществом возникла задача возрождения былого могущества и славы Древнего Рима. В связи с этим появился интерес к древнейшей римской истории. Поэтому влияние греческой классической историографии нашло в Риме этого времени вполне благодатную почву. В этот период в римской интеллектуальной элите отчасти возможно под влиянием Полибия весьма большим авторитетом пользовался Фукидид, и было немало его имитаторов и поклонников. Но главным образом Фукидид интересовал римлян как прагматический и политический историк. Он посвятил свой труд описанию и объяснению современного для него события Пелопоннесской

[48] Концепция «статической и кинетической истории», как отмечает Мюррей О. была разработана Штрасбургером (см. Murray O. Op. cit. P.211). Первая концепция (static history) предусматривает изучение культуры, цивилизации в условиях мира и спокойствия. Для этой концепции Штрасбургер и Мюррей предлагают считать образцом первые две книги Геродота. Образцом же «kinetic history», предусматривающей изучение истории битв, социальных конфликтов и политической борьбы авторы считают Фукидида.

войны, которая в представлении римлян была вполне сравнима с их гражданскими войнами. Ведь война, которую греки вели между собой, как и гражданская война в Риме сопровождалась острыми социальными и внутриполитическими конфликтами. Поэтому Саллюстий, Азиний Полион, Кв.Элий Туберон принадлежали как раз к тем представителям римской интеллектуальной элиты, расцвет творчества которых приходился на период гражданских войн. В этой ситуации Дионисий Галикарнасский – ревнитель аттического классического стиля – пишет свои знаменитые произведения «Письмо к Помпею» и «О Фукидиде»[49], в которых в противовес Фукидиду возрождает величие и славу Геродота. Тем не менее, критическое отношение Дионисия Галикарнасского не встретило поддержки ни в среде римской интеллектуальной элиты, ни в кругах ревностных защитников эллинства и эллинизма. К их числу относился известный биограф, философ и моралист Плутарх. Он выступил с суровой критикой Геродота[50]. Главные мотивы его критики заключались в

[49] Bonner S.F. The Literary Treatises of Dionysius of Halicarnassus: A Study in the Development of Critical Method. Cambr., 1939. P. 25-38; Usher S. Dionysius of Halicarrnassus: The Critical Essays in Two volumes. Vol. I. Cambr., 1974. P. XXVIff: «Dionysius of Halicarnassus. On Thucydides» / Engl. Transl. With Comment. P. XIIIff; Sacks K.S. Historiography in the Rhetorical Works of Dionysius of Halicarnassus // Athenaeum. 1983. Vol 61. P. 65-87; Heat M. Dionysius of Halicarnassus. «On Imitation» // Hermes. 1989. Vol 61.P. 370-373; Weaire G. Dionysius of Halicarnassus. Professional Situation and «De Thucydide» // Poenix. 2005. Vol. LIX №3-4. P. 247; Маяк И.Л. «Римские древности» Дионисия Галикарнасского как исторический источник // Дионисий Галикарнасский. Римские древности. / Пер. на русск.яз. под ред. И.Л.Маяк. Т. I-III. М., 2005. Т. III. С. 243-269.

[50] Plut. De Malignitate Herodoti. Резкий тон критики Плутарха, возможно, был обязан его патриотическим чувствам как уроженца беотийского города Херонеи. Но, по-видимому, более серьезная причина критики Геродота Плутархом заключалась в том, что он, живя в эпоху эллинского возрождения и будучи философом-моралистом, старался своими произведениями напомнить соотечественникам о великих и славных деяниях эллинов. Плутарх считал, что только привлекая внимание к положительным примерам и деяниям политиков прошлого, можно

следующем. Плутарх стремился защитить славную доблесть греческих политиков и государств, участвовавших в борьбе за свободу, от «злобных выпадов» Геродота, который, по мнению Плутарха, не обладая патриотическим чувствами, обвинял спартанцев в эгоизме и расчетливости, считал аргосцев, коринфян и беотийцев заслуживающими порицания, не скрывал многих недостатков, присущих эллинам. В то же время варваров, против которых грекам пришлось воевать, как замечает Плутарх, Геродот не рассматривал как жестоких и коварных врагов. Напротив, он высоко оценивал их памятники, великолепные деяния и многие их обычаи. Кроме того, Плутарх стремился опровергнуть неблагоприятные мнения, высказанные «отцом истории» о коринфянах и беотийских согражданах знаменитого херонейца. Злокозненность Геродота Плутарх объясняет тем, что историк был разочарован холодным приемом, который устроили ему коринфяне и беотийцы. Критицизм Плутарха, таким образом, в большинстве случаев является мелким и неуместным. Он касается скорее личности Геродота, чем его искусства историописания[51].

В римской интеллектуальной среде в основу модели латинской исторической прозы со времени Августа были положены принципы фукидидовского историописания и попытка Дионисия Галикарнасского выдвинуть на первое место Геродота как образец для подражания, о чем говорилось выше, по-видимому, не увенчалась успехом. Правда, и во времена Августа линия историографии, идущая от Геродота, совершенно не была отвергнута. Так, Аммиан Марцеллин, ссылаясь на греческого

внушать согражданам добрые чувства и нравственные качества, необходимые и полезные для молодых людей, для семей и в целом для общества.

[51] О том, что к критике Геродота Плутархом нельзя относиться серьезно, потому, что она «явно субъективна и тендециозна» высказывается в своей упомянутой мною книге И.Е. Суриков, отражая сложившееся общее мысли в науке (Суриков И.Е. Геродот. М., 2009. С. 382).

историка Тимагена Александрийского эпохи Августа, считавшегося тогда весьма авторитетным писателем, знатоком этнографии Галлии, характеризовал его как грека, для которого усердие (diligentia) было даже более значимым, чем язык (lingua), на котором он писал (15.9.2)[52].

Сам Аммиан Марцеллин, автор IV в., писал в греческой манере, используя традицию греческих предшественников Фукидида и Полибия. Поэтому он писал, что «для раскрытия истины он стремился то, что позволял его век увидеть и понять сам или узнать, расспрашивая тех, кто был свидетелем и участником событий» (15.11)[53]. Эту манеру геродотовского историописания А. Марцеллин использовал довольно часто (14.4.6; 17.4.6; 22.8.1; 23.6, 36).

Потому вызывает возражение утвердившееся в отечественной историографии мнение, что линия античной историографии, идущая от Фукидида, стала преобладающей на протяжении всего римского императорского периода и нашла в лице Тацита и Аммиана своих последних представителей[54]. Если по поводу Тацита мнение в целом остается верным, то этого нельзя сказать об А. Марцеллине. Свой метод историописания он сближал с геродотовским.

Таким образом, Геродот не был забыт, и его продолжали считать «классиком». Павсаний и Элиан не только ссылались на Геродота, но и подражали ему. Некоторые авторы, как например Лукиан, из уважения к Геродоту даже писали сочинения на ионийском диалекте. Кефалион в

---

[52] К этому см. Barnes T.D. Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality. Ithaca and Lond., 1998. P. 66; Schepens G. History and Historia: inquiry in the Greek Historians // A Companion to Greek and Roman Historiography. Vol I. / Ed. By J. Marincola. Blackwell, 2007. P. 39ff.

[53] К этому см. Barnes T.D. Op. cit.; Matthews J.F. The Roman Empire of Ammianus. London, 1989. P. 454-464.

[54] Тронский И.М. Корнелий Тацит // Корнелий Тацит. Сочинение в 2-х томах / Изд. подготовлено Г.С. Кнабе, М.Е. Грабарь-Пассек и др. Т.II. История. М., 1969. С. 126; Лукомский Л.Ю. Аммиан Марцеллин и его время // Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994. С. 5сл.

своем сочинении, не дошедшем до нас, излагал сокращенную Историю, начиная с царствования Нина и Семирамиды и заканчивая Александром Македонским. Как и у Геродота, его сочинение состояло из 9 книг. Писал он также на ионийском диалекте и в подражании «Отцу» истории, назвал свои книги «Музами». Подражателем Геродота был и Евсевий Кесарийский.

Геродот оставался хорошо известным и в византийскую эпоху. Его языку и стилю подражали Иоанн Киннам, Прокопий Кесарийский, Иоанн Зонара. Лаоник Халкондил (XV в.) предисловие к своей «Истории турок» написал в духе геродотовского вступления[55].

[55] К этому см. Соболевский С.И. Геродот // История греческой литературы. Т. I. М., 1955. С. 66-67.

Глава 7. Геродот и его «История» в оценке новой и новейшей историографии

7.1. Отношение к Геродоту и его «Истории» XIX–XX вв.

В эпоху Возрождения «История» Геродота появилась в латинском переводе Лоренцо Валлы (Венеция, 1479), а греческий текст был опубликован Альдом Минуцием (Венеция, 1502).

В 1511 г. Альд Минуций опубликовал «Историю» Геродота, разделенную в соответствии с рукописным наследием на девять Муз. В 1608 г. геродотовская История, разделенная на книги, была издана Юнгерманном. К изданию латинской версии Стефана в 1566 г. и греческого текста геродотовской «Истории» в 1570 г. были добавлены фрагменты Ктесия. Apologia pro Herodoto (1566) была воспроизведена Т.Гейлом (Lond., 1679), Гроновием (Leyden, 1715) и Везелингом (Amsterdam, 1763). Более обстоятельная реабилитация Геродота дана Стефаном в его издании Introduction au traite❖ de la conformite❖ merveilles anciennes avec les modernes (Geneva, 1566), и последующая критика имела дело в основном с выявлением различия между Геродотом и другими писателями на Древнем Востоке. Первый хороший английский перевод всего сочинения Геродота был издан Исааком Литтлбюри в 1709 г. Общепринятый английский перевод Истории Геродота был издан в 1858-1860гг. Георгом Роулинсоном. Он был снабжен введением и комментарием со специальной отсылкой к текущим раскопкам в Вавилонии и Ассирии и дешифровкой клинописных документов, выполненных братом Роулинсона сером Генри[1]. Позже появились английские переводы Г. Маколея (1890), А. Годлея (1921-1924) и Дж.

[1] Труд Г. Роулинсона издан в 4 томах (1858-1860); третье издание появилось в 1875г.; новое издание с приложениями А.В. Лоуренса было опубликовано в 1935г.;

Пауэла (1949). Интерес к исследованию географии Геродота возродился, начиная с 1800г.[2]

В Германии под влиянием изучения устного народного творчества и аналитического рассмотрения Вольфом гомеровских поэм Б.Г. Нибур считал, что в древней Греции, как и в ранней Италии, составители хроник по своей воле собирали и комбинировали различные легенды и анекдоты. Поэтому он скептически относился к древней исторической традиции, в том числе даже к традиции о Персидских войнах и поэтому не ставил Геродота выше своих ионийских предшественников. Тем не менее, Нибур первым попытался выделить Геродота из всей предшествующей литературной традиции, охарактеризовать его источники, отметив их различие и фольклорное происхождение. Он также отметил, что Геродот сумел понять роль Афин, которую они сыграли в борьбе против персов. Правда, Нибур, безусловно, ошибался, слишком удаляя время Персидских войн от Геродота. Геродот писал об этих войнах раньше, чем появилась поэма Херила «Персы» и поэтому Геродот не мог позаимствовать этот материал, как полагал Нибур. Вместе с тем важно отметить, что он совершенно правильно указал на связь исторического повествования Геродота с устной традицией и подчеркнул трудность отделения истины от вымысла, работая с такого рода источником[3].

А. Кирхофф[4] впервые применил методы литературной критики, исследуя структуру сочинения Геродота. Он полагал, что она складывалась постепенно в следующем порядке: кн. I-III, 1-118 составлены в Афинах; кн.III, 119-V.77 написаны в Италии (на основе сообщения IV.15, 99 и

[2] Rennell W. The Geography of Herodotus. London, 1800, 2nd ed. 1830; Kenrick J. The Egypt of Herodotus. 1841; Bunbury E.H. History of Ancient of Geography. Vol. 1-2. London, 1879.
[3] К этому см. J.L. Myres Herodotus Father of Hiatory. Oxf., 1966. P. 20-21.
[4] Kirchoff A.Herodotus (ed). Berl., 1868; id. Ueber die Entstehungszeit des Herodotes Geschichtswerkes. Berl., 1878.

других аллюзий); кн. V.77, VI.98, VII.162 и др. составлены снова в Афинах после 431г. Его дальнейшая работа над сочинением прервана его смертью в 428г.

В то время как Нибур склонялся к мысли, что труд Геродота – это собрание бесформенного и разнообразного материала фольклорной традиции, К.В. Нич[5] не отрицал, что Геродот пользовался официальными письменными источниками разного рода, но основным его источником считал устную традицию: рассказы различных лиц – жрецов, переводчиков и проводников, очевидцев и участников событий, их потомков или родственников. Он записывал официальные анекдоты (novelle) Алкмеонидов, Филаидов и другую фамильную традицию. Вместе с тем он считал Геродота только трудолюбивым и не очень умным компилятором. Изучение древнегреческих фамильных новелл продолжил Б.Эрдмансдорфер и В.Али[6].

Умеренный скептицизм Нибура и Нича по отношению к Геродоту получил дальнейшее развитие в работах Н.Веклейна, Г.Дельбрюка, Р.Адама и А.Бауэра[7]. Исследователи подчеркивали, его легковерие и склонность к анекдотам; в его труде находили много баснословных и нелепых рассказов никак не связанных между собой; вызвали ряд

---

[5] Nitzch K.W. Über Herodots´ Quellen // RhM. 1872. Bd. XXVII. S. 226-268. О Б.Г. Нибуре см. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в нач. XX вв. / Вступит. статья и общ. ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2005. С. 300; Историография античной истории / Под ред. проф. В.И. Кузищина. М, 1980. С. 56-61; 65-68сл.

[6] Erdmansdorfer B. Das Zeitalter der Novelle in Hellas // Preuss . Jahrb., 1870. Bd. XXV; Aly W. Volkmärchen, Sagen und Novellen bei Hdt. und seinen Zeitgenassen. Göttingen, 1921.

[7] Wecklein N. Uber die Tradition der Perserkriege. Munich, 1876; Delbrück H. Die Perserkriege und die Burgunderkriege. Berlin, 1887; idem. Geschichte der Kriegskunst. Berlin, 1900; Adam R. De Herodoti ratione historicae quaestiones selectae. Berlin, 1890; Bauer A. Die Entstehung der Herodotischen Geschichtswerke. Wien, 1878.

сомнений описания военных действий; подчеркивали его преклонение перед дельфийским оракулом и абсолютное доверие к дельфийскому жречеству; прославление афинян и слишком строгое отношение к фиванцам, коринфянам, аргосцам и фессалийцам. Но вместе с тем в ходе этой критики сделаны также важные и ценные выводы. В частности, обнаружены попытки рационального объяснения мифов и преданий у Геродота; отмечена важность сообщений Геродота для дальнейшего более глубокого изучения стратегии и тактики эллинов и топографического исследования местностей, где проходили сражения[8]. Позже, однако, сдержанная критика Геродота переросла в грубые нападки на его честность и компетентность, возникло безрассудное предположение о его источниках. Так, А.Н.Сэйс[9] упрекал его в плагиате и «вопиющей недобросовестности», видел в нем подкупленного афинянами апологета дельфийского оракула. Сэйс считал, что Геродот черпал свою информацию из обилия письменных ионийских хроник, но совершенно не ссылается на них, хотя в тоже время ссылается на поэтов и немногих других писателей. Геродот сознательно скрыл от читателей свои главные источники информации. Более того, Сэйс подчеркивал, что заявления очевидцев, о которых говорит Геродот, и его личные наблюдения и исследования якобы являются выдуманными и ложными.

Но, возражая Сэйсу, следует отметить, что авторское право в античности было развито слабо и не только Геродот, но и Фукидид, и другие историки далеко не всегда ссылались на свои источники информации. Объектом права считались только материальные вещи (res corporales), то есть

[8] Grundy G.B. The Battlefield of Plataea, Lond., 1895; idem. The Great Persian War. Lond., 1901 (изучение топографии Марафона и Фермопил).

[9] Sayce A.N. Herodotus. Vol. I-III. Lond., 1883. Вслед за Сэйсом критические замечания в адрес Геродтота высказали Г.Пановский (Quaestionum de historiae Herodoti fontibus pars prima, Berl., 1885 и П.Траутвайн (The «Memoirs» of Dicaeus // Hermes. 1890. Vol. XXV. 1890. P. 527-566.

сами книги, а не мысли, в них изложенные (res incorporales). Поэтому Геродот, упоминая о различных взглядах, касающихся Египта, не называет имен их авторов, ограничившись лишь указанием на этническую принадлежность (ионяне – см. Hdt. II.16; 20-24)[10].

Но вместе с тем он ссылается, например, на Гекатея (II.143; VI.137-138), желая указать на свои конкретные с ним расхождения. Что же касается других логографов, то сохранившиеся фрагменты их сочинений не касаются Греко-персидских войн, а те события, о которых они сообщают, Геродот вовсе не упоминает. Что же касается собственного мнения, например, о Египте, он его рассматривает, как дополнительное к существующей литературе.

Наиболее глубокая и серьезная оценка произведений античных историков отразилась во французской историографии, начиная со времени Ф.де Куланжа. Он выработал принципы, которые стали основополагающими для французских исследователей вплоть до настоящего времени. Он считал, что единственное искусство историка состоит в том, чтобы извлечь из документов все, что они содержат, и к ним не прибавлять ничего такого, чего там нет. Самый лучший историк, по мнению Ф. де Куланжа, тот, кто как можно ближе придерживается текстов[11].

Поэтому неслучайно отказ от гиперкритического отношения к Геродоту связан с именем французского исследователя А. Оветта[12].

---

[10] К этому см. Myres J.L. Op. cit. P. 24f.

[11] См. его основные работы. Fustel de Conlanges N.D. La cité antique, étude, sur la culte, le droit, les institutions de Grèece et de la Rome. Par., 1864 (русск. пер. «Гражданская община античного мира. М., 1867); idem Histoire des institutions politiques de lanciene France. Par. 1888-1892 (русск. пер. «История общественного строя древней Франции. Т. 1-6. СПб, 1901-1916). Об исторической концепции Ф.де Куланжа см. Бузескул В.П. Ук. соч. С. 353сл; Историография античной истории… С. 110сл.

[12] Hauvette A. He❖rodote Historien des guerres mediques. Par., 1894.

Выиграв конкурс, объявленный Французской Академией надписей и изящных искусств в написании эссе на тему о Греко-персидских войнах, он опубликовал труд «Геродот-историк медийских войн». А. Оветт собрал и проанализировал исторический и археологический материал, накопленный со времени Нибура. Он выразил полное оправдание усердию, хорошему доверию и проницательности Геродота, восстановил его представления о его жизни и способе работы. Идеи французского исследователя побудили А. Сэйса[13] пересмотреть свои критические суждения и получили развитие в работах Г. Бузольта и Эд. Мейера[14], оценивших Геродота как вполне достоверного историка.

Накопленный и изученный археологический и эпиграфический материал, касающийся истории древнеегипетской цивилизации, позволил с большим доверием отнестись к египетскому логосу Геродота[15]. Выводы Дельбрюка, касающиеся военной стратегии и тактики, описанных Геродотом, подхваченные, как уже было отмечено, Г.Б.Гранди и Дж. Кромейером, нашли дальнейшее развитие в военных исследованиях адмирала сэра Р.Кустэнса «Война на море» и сера Фр. Мориса[16] «Армия Ксеркса».

---

[13] Sayce A.N. The Egypt of the Hebrews and Herodotus. Lond., 1895. Busolt G. Griechische Geschichte. Bis zur Schlacht bei Haeroneia. Bd. I-III. Gotha, 1897, besonders Bd. II.; Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte Bd. II. Halle, 1899.

[14] Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. II. Berl., 1895; Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte Bd. II. Halle, 1899.

[15] Wiedeman A. Herodots zweite Buch. Berl., 1890; О важности данных археологии для изучения сведений Геродота об истории Египта см. Griffith F. Ll. в издании Authority and Archaecology. Ed. D.G.Hogarth. Lond., 1899. См. также Sourdille C. La dure❖e et l´e❖tendue du voyage d´Herodote en Egypte. Par., 1910; idem He❖rodote et la religion d´ Egypte. Par., 1910; Spiegelberg W. Die Glaubwürdigkeit von Herodot´s Beschreibung von Aegypten. Berl., 1921, 1926.

[16] Grundy G.B. The Battlefield of Plataea… Kromayer J. Antike Schlachtfelder. Leipzig, 1924-1931; Custans R. sir. War at Sea. Lond., 1925; Maurice Fr. Sir. Marathon // JHS. 1932. Vol. LIII. P. 13ff; idem. The Army of Xerxes // JHS.

До появления сочинения Ф.Якоби, посвященного Геродоту в Реальной энциклопедии в 1913г., одной из важных проблем дискуссии о Геродоте было рассмотрение структуры труда Геродота и то, как она формировалась. Первое обобщающее мнение на этот счет, как уже отмечено выше, было высказано Киргофом (см. С. 196). Затем первый шаг к конструктивной критике Геродота, в частности также и в отношении структуры его труда, был сделан А.Бауэром[17]. Он считал, что Самосскую «историю» и некоторые другие ранние сюжеты Геродот написал, живя на Самосе, также и повествование о Персидских войнах у него появилось до прибытия в Афины. Бауэр полагал, что в этом повествовании речь могла идти о Марафонской битве и экспедиции Ксеркса. Затем, отправившись из Афин в свои длительные путешествия, он также осуществлял записи и пересмотрел ранее написанную Ливийскую «историю». Вторая книга или Египетский логос, по мнению Бауэра, представляла собой отдельную композицию. В ходе путешествий и под влиянием информации, полученной в Египте, Геродот приходит к весьма смелым, проникнутым вольнодумством мыслям о людях и богах[18]. Эти мысли он открыто высказывал в Афинах, что и привело его к удалению из Афин в Фурии, где у него окончательно и созрел общий план книги. Позже, как считает автор, Геродот вернулся в Афины и продолжил составление своего труда. Бауэр признавал, что для написания текста в соответствии со столь тщательно продуманной структурой сочинения требовалось значительное время. Композиционный строй сочинения мог быть установлен только с учетом передвижений писателя и его местом жительства. Выводы Бауэра были

1930. Vol. L. P. 210ff. Впоследствии идею о том, что Геродот обладал достаточно большими знаниями в области военной тактики и стратегии отметил А.Феррилл (Ferrill A. Herodotus and the Strategy and Tactics of the invasion of Xerxes // Americ. Histor. Rev. 1966. Vol. LXXIII. P. 102f.

[17] Bayer A. Die Entstehung der Herodotischen Gesehictswerke.

[18] Hdt.II.143. Геродот говорит, что египетские жрецы в беседе с Гекатеем оспаривали идею происхождение человека от бога.

весьма важны, поскольку все последующие реконструкции текста Геродота, учитывали его суждения[19].

Важный вклад в исследование композиционного строя сочинения Геродота внес Р.В.Мэкэн[20]. Вскоре после Сэйса, издавшего I-III книги, он издал IV-VI книги Геродота в 1895 г. и VII-IX в 1908 г. Мэкэн считал, что последние три книги были написаны до предпринятых Геродотом путешествий. Книги же I-III.1-119 появились перед отъездом его в Фурии. Мэкэн признал наличие большого различия источников у Геродота, широкого разнообразия точек зрения. Он подчеркнул их историческую ценность, особенно в отношении противоречивых и спорных персонажей, таких как Клеомен, Демарат и Мильтиад. Он также указал на трудность проведения четкого различия между устной и письменной информацией у Геродота. Несмотря на то, что значительная часть литературной традиции оказалась утраченной, благодаря Геродоту можно судить о высоком уровне развития интеллектуальной мысли в раннеклассической Греции. Мэкэн отметил, что Геродот продемонстрировал совершенное владение своим материалом, который целиком проникнут его собственным взглядом и мыслью. Комментаторы В.В.Хау и Дж.Уэлс отметили огромное значение труда Мэкэна, широко используя его при составлении своего комментария[21].

Тщательное исследование источников и критической литературы о Геродоте осуществил в начале XX в. Ф.Якоби[22]. Он отверг предыдущие реконструкции структуры сочинения Геродота и считал, что I-IV книги были составлены раньше V-IX книг. По мнению Якоби, Геродот начал писать свой труд, интересуясь, прежде всего этнографией. Его

[19] См. J.L.Myres. Op. cit. P. 23.
[20] Macan R.W. издал IV-IX книги Геродота (Lond., 1895-1908) с обширным введением, комментариями и критическими экскурсами в приложениях.
[21] How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. I-II passim.
[22] Jacoby F. Herodotos // Real. Encycl. Suppl. Bd. II. Stuttg., 1913. Coll. 334ff.

региональные логосы Якоби считал, составленными отдельно и служишими основанием для лекций, которые Геродот читал в тех местах, куда он прибывал как путешественник и собирал материал о греческих полисах и восточных государствах. Затем эти логосы были инкорпорированы в его сочинение. Якоби не считал, что Геродот вернулся из Фурий в Афины. Книга его не была закончена до начала Пелопоннесской войны.

Оригинальной и характерной особенностью геродотовского историописания Якоби считал комбинацию описаний путешествия, сопровождавшихся географическими и этнографическими сведениями, с изложением своего мнения о Греко-персидских войнах и их причинах. В первой половине XX в. ученые исследовали влияние на Геродота эпической техники, а также аттической трагедии и риторики, на что указывал Якоби[23].

Предпринятый Ф.Якоби анализ сочинения Геродота и его источников завершил период гиперкритицизма в отношении к «отцу истории», тем не менее, его теория независимых логосов была подвергнута критике Г.де Санктисом[24], который обратился к их анализу. В частности его особенно интересовал лидийский логос, который сначала он рассматривал как трагедию Креза, позже как аллегорию божественного возмездия независимую от греческой и персидской истории[25].

Следующее поколение историков обратилось к восприятию геродотовской «Истории» как сочинения, обладающего внутренним единством. Так О. Регенбоген придавал большое значение политическим интересам Геродота[26]. Е.Ховальд[27] большое внимание уделял мыслям

[23] Jacoby F. Op. cit. Coll. 350ff.
[24] Sanctis G. de Composizione della storia di Erodoto // Riv. filol. ital. 1926. T. LIV. P. 289.
[25] Idem. Il logos di Creso // Riv. filol. ital. 1936. T. LXIV. P.1-14.
[26] Regenbogen O. Herodotus in seinem Werke // Die Antike. 1930.

общечеловеческого содержания и их ионийскому рационалистическому фону. Ф.Фоке[28] обратился к рассмотрению афинских пристрастий Геродота и его склонности ко всему необычному и чудесному. В то же время Ф.Хелман[29] считал, что Геродот с помощью исторических примеров старался утвердить веру в божественное предопределение, которым и был обусловлен весь цикл человеческих дел («cycle of human affairs»). В этом он видел главную идею Геродота, благодаря которой его сочинение воспринималось как единое целое. По мнению Хелмана, Геродот считал вмешательство божественного порядка в человеческие дела непрогнозируемым, хотя оно и имеет сходство с порядком естественным. Поэтому «Отец истории» делал акцент на неудачах человеческих расчетов и воздаянии агрессорам, и свою задачу Геродот видел в том, чтобы обнаружить этот божественный порядок и показать его влияние на дела человеческие. Недостаток концепции Хелмана заключался в том, что он не касался тех сюжетов, где Геродот возлагает ответственность на человеческих деятелей, лишь, возражая утверждению Г. Бишофа, что человек у Геродота свободен в выборе своих действий и поступков[30].

Противостоящими вплоть до настоящего времени остаются взгляды Ф.Якоби и М. Поленца. Якоби проводит различие между ранним географическим и этнографическим и поздним историческим периодами в развитии творчества Геродота. Поленц[31] же утверждал, что свой «великий замысел» Геродот уже провозгласил в Прологе (Hdt. I.1) и следы этого замысла прослеживаются повсеместно в его Истории. И поэтому исторические события, излагаемые автором, и логосы взаимодействуют

---

[27] Howald E. Ionische Geschichtsschreibeng // Hermes. 1923. Bd.LVIII. S. 113ff.
[28] Focke F. Herodotus als Historiker // Tübingen Beiträge. 1927.
[29] Hellmann F. der Kroisos «Logos» // N.Philol. Unters. 1934. Bd. IX.
[30] Bischof H. Die Warner bei Herodotus. Warburg. (Diss.). 1932.
[31] Pohlenz M. Herodot, der erste Geschichtsschreiber des Abenlandes. Berlin, 1937. S. 1ff.

между собой и причины событий раскрываются эпизодически после их завершения[32]. По мнению Поленца, это был сознательно избранный Геродотом метод, в котором исследователь даже обнаруживает влияние эпического наследия (Odis. VI.4-12). Этот метод, как считал автор, помогает объяснить и причину путешествий историка, во время которых он тщательно собирал информацию для ответа на вопрос «reason why» не только при изложении исторических событий, но и в процессе своих географических и этнографических описаний.

Итак, важнейший вопрос о том, на каком этапе своей карьеры Геродот задумался о необходимости написать историю борьбы между Западом и Востоком и объяснить ее причину, все еще остается открытым. Якоби был убежден, что к этой идее Геродот пришел, находясь в Афинах и побужденный к этому афинянами. Это дало повод Дж.Е. Пауэлу[33] вновь вернуться к дискуссии о структуре сочинения Геродота и доказывать, что книги I-IV, исключая некоторые отступления, представляют собой целостное изложение Персидской истории и были написаны до того, как Геродот прибыл в Фурии. Книги же V-IX, посвященные Персидским войнам были опубликованы только перед Пелопоннесской войной и имели соей целью опровергнуть неправильные представления о политике и истории Афин. К этому времени Пауэлл относит пересмотр Геродотом содержания I-IV книг с целью представить их как введение к описанию Греко-персидских войн, включив в эти книги разделы об Афинах, Спарте и Самосее. Пауэлл также пришел к выводу, что афинское влияние Геродот начал испытывать еще перед тем, как отправился в свое первое путешествие. Первый вариант Персидской истории, по мнению Пауэлла, был Геродотом пересмотрен после возвращения в Афины около 432г. и не был закончен по причине смерти Геродота от чумы. Таким образом,

[32] Pohlenz M. Op. cit.
[33] Powell J.E. The History of Herodotus. Cambr., 1939.

главный вывод Пауэлла заключался в том, его ранняя «Персидская история» и последующее его «Описание Персидских войн» представляли два этапа в творчестве историка от ионийских хроник до формирования зрелой исторической концепции. Однако в целом сочинение Пауэлла явилось возвратом к прежним аналитическим умозрительным спекуляциям, безжизненность которых была доказана Ф.Якоби.

Подводя итог дискуссиям, которые имели место в XIX-XX вв., можно отметить, что большинство исследователей согласились с выводом Дж.Л. Майерса, который отметил, что итогом всех предшествующих обвинений и критических высказываний в адрес Геродота «было полное восстановление доброго имени Геродота как правдивого и добросовестного автора и исследователя и признание тех трудностей, которые перед ним стояли. Был принят методически верный принцип различения материалов источников Геродота в зависимости от их качества – дурных и хороших, предвзятых и непредвзятых, исследована манера использования их автором с целью выяснения особенностей исследовательского метода Геродота. Информация им представляемая, рассматривается теперь в качестве такой, какую мыслящий и наблюдательный человек его эпохи и воспитания мог по зрелом размышлении на основании собственных наблюдений и по полученным от других сведениям счесть правдивой. Организация всего этого материала, изложение и интерпретация событий большого значения были его собственными»[34].

В этом высказывании есть весьма ценные наблюдения. К ним относится, например, замечание о более тщательном, чем в предыдущие эпохи, изучении самого текста сочинения Геродота и сопоставлении его информации с данными лингвистики, археологии и эпиграфики. Дж. Майрс прав, что принципы историко-критического метода позволили

[34] Myres J.L. Op. cit. P. 31.

выяснить обстоятельства возникновения «Истории» Геродота, и особенности личности автора, как она вырисовывается на основе его труда.

Вместе с тем его утверждение о том, что был принят методически верный принцип выяснения особенностей сочинения Геродота в зависимости от установления качества собранных им материалов источников, имеет свои изъяны. Исследователи часто были не свободны от субъективных оценок в определении качества источников, которыми пользовался Геродот – дурных или хороших, предвзятых или непредвзятых. Тем не менее, можно полностью согласиться с основным выводом Майрса о том, что Геродот был самостоятельным, наблюдательным и мыслящим историком и что организация всего собранного им материала, выбор событий большой важности, изложение и интерпретация их явились результатом его собственного творчества.

Этим выводом в основе своей и стали руководствоваться исследователи конца XX – нач. XXI вв. И я совершенно согласен с замечанием И.Е. Сурикова, высказанным в его книге о Геродоте, что современные исследователи «уже не занимаются бесплодным обсуждением вопроса насколько достоверен Геродот как источник»[35].

* * *

* *

Но прежде чем перейти к рассмотрению работ современного поколения исследователей, я бы хотел сказать несколько слов и об отечественной литературе, посвященной Геродоту. С сожалением приходится признать, что в то время как в западной исторической науке имя Геродота не сходило и не сходит со страниц книг и статей, начиная с эпохи Ренессанса и до сегодняшнего дня, этого нельзя сказать об отечественной науке. Даже если говорить об именах выдающихся ученых,

[35] Суриков И.Е. Геродот. М., 2009. С. 396.

то их в СССР в силу абсолютно известных для всякого здравомыслящего человека причин было гораздо меньше, чем на Западе.

В советский период наиболее употребительным было высказывание о том, что к Геродоту, также как и к Гомеру, в отечественной науке всегда было благожелательное отношение. Но как показал Л.С. Клейн[36], далеко не все ученые, изучавшие поэмы Гомера были унитаристами и «сторонниками всех вытекающих из этого последствий». Также и к Геродоту, как я покажу, было противоречивое отношение.

Безусловно, важной вехой в исследовании Геродота в отечественном антиковедении было появление классического перевода его «Истории», выполненного Ф.Г. Мищенко, и его знаменитых статей, в которых он вполне обоснованно подверг критике «не в меру строгий суд над Геродотом». Он раньше, чем французский историк Оветт показал несостоятельность гиперкритических конструкций, направляемых против «Отца истории»[37]. Весьма ценные мысли высказал В.П. Бузескул, характеризуя творчество Геродота[38]. Он отметил также ту грань, которая отделяет Геродота от логографов, и в отличие от Ф.Якоби подчеркнул единый общий план и те руководящие идеи, которые составляют суть его философии истории. В его мировоззрении В.П. Бузескул видел сочетание идей божественного возмездия и провиденциализма с примерами рационального мышления. Что касается политических симпатий Геродота, то они, по мнению автора, «всецело на стороне афинян и их демократии» Эта позиция Геродота, равно как и его убеждение в том, что именно афиняне являлись истинными спасителями Эллады в Греко-персидских войнах (Hdt. VII. 139), как считал В.П. Бузескул, были вполне искренними, а не высказанными по заказу Афин. В пользу этого говорит и открытое

[36] Клейн Л.С. Анатомия Илиады. СПб , 1998.
[37] Геродот. История в девяти книгах / Пер. Ф.Г. Мищенко. 2-е изд. М., 1888. Т. I – II.
[38] Бузескул В.П. Введение в историю Греции. СПб., 2005. С. 107 – 132.

признание Геродотом, что в его время это мнение было ненавистным большинству греков, считавших Афины виновными в развязывании Пелопоннесской войны.

Острокритическое отношение Геродота к Коринфу, и особенно к Фивам автор объясняет, прежде всего, враждебной позицией Коринфа к Афинам накануне Пелопоннесской войны и весьма распространенным мнением эллинов о предательстве фиванцев, вступивших в союз с персами. Вместе с тем В.П. Бузескул признает, что немаловажную роль в отношении Геродота к некоторым греческим полисам играло и его очевидное пристрастие к Дельфийскому оракулу.

В.П. Бузескул придавал важное значение отсутствию у Геродота презрения к варварам и его гуманному к ним отношению, подчеркивая его высокий интерес к культуре народов Востока и племен, не достигших цивилизации, в частности, скифов и др. Этот культурологический аспект геродотовского историописания, как будет отмечено ниже, приобрел весьма актуальное значение в современной научной интерпретации творчества Геродота.

В.П. Бузескула нельзя считать неумеренным апологетом Геродота. Специальный раздел своего анализа он посвящает рассмотрению ошибок и недостатков «Отца истории»[39]. Но оценивая в целом значение труда Геродота, он справедливо подчеркивает, что «его произведение – своего рода историко-географическая и этнографическая энциклопедия и неисчерпаемая сокровищница сведений относительно прошлых времен. Сегодня, по истечении более 200 лет со времени публикации работы В.П. Бузескула, можно назвать его выводы пророческими, так как найденные в течение этого времени и изученные новые археологические, эпиграфические, литературные и другие источники подтвердили важное замечание выдающегося российского антиковеда, что «чем дальше идет

[39] Бузескул В.П. Ук. соч. С. 126-131.

изучение истории древней Эллады и древнего Востока, тем больше обнаруживается добросовестность гуманного словоохотливого, подчас наивного, «отца истории»[40].

В советский период первым серьезным исследованием о Геродоте была монография С.Я. Лурье[41]. Интерес к политической истории Древней Греции, равно как и к общественной и философской мысли, безусловно, побудил С.Я Лурье написать книгу о Геродоте. Он изобразил его как выдающегося исторического писателя, первого автора универсальной истории, в мировоззрении которого отразился наивный материализм и рационализм ионийских греков. Лурье считал, что главная цель Геродота заключалась в прославлении победы эллинов в Греко-персидских войнах, которая способствовала окончательному переходу древних эллинов на античный путь развития с утверждением классических форм рабства, с одной стороны, и принципов полисного гражданства, с другой. Тем не менее, Геродот, как правильно отметил автор, не был панэллинским патриотом. Панэллинский патриотизм не мог сформироваться в многополисном греческом мире. Но нельзя считать Геродота автором, писавшим по заказу Афин, как это делал С.Я. Лурье вслед за Якоби и Эд. Мейером[42]. Такой взгляд является примитивной модернизацией и искажением подлинных целей, которые Геродот раскрывает в своей истории.

С.Я. Лурье не сомневался в честности и добросовестности Геродота как античного автора, пользовавшегося весьма разнообразными источниками информации. Однако как историк, по мнению исследователя, «он сегодня не вполне удовлетворяет требованиям историописания, так

[40] Бузескул В.П. Ук. соч. С. 132.
[41] Лурье С.Я. Геродот. М.–Л., 1947.
[42] Лурье С.Я. Ук. соч. С. 68сл.

как он сводит события мирового значения к обыденным человеческим фактам комнатного масштаба».

С.Я. Лурье считал, что не только Геродот, но и вся античная историография, не исключая Фукидида, имеет такой характер. Он полностью разделяет мнение Корнфорда, согласно которому «древних историков интересовали только чувства, мотивы и характеры отдельных людей и целых персонифицированных государств… Они делали молчаливое и бессознательное допущение, что причинами, которые могли быть приняты во внимание в историческом труде, являются только непосредственные поводы и переживания отдельных людей или олицетворенных государств»[43].

Однако это гиперкритическое мнение уже давно не рассматривается современной исторической наукой как позитивный взгляд на античную историографию.

Глава о Геродоте, написанная в академическом издании «Истории древнегреческой литературы С.И. Соболевским[44], касается различных сторон его творчества как историка и писателя. Характеризуя композицию «Истории» Геродота, С.И. Соболевский придерживался мнения Ф.Якоби, согласно которому Геродот сначала писал «●□❖♑□♓», которые он впоследствии соединил в единое целое. Он также считал, что свое сочинение Геродот дорабатывал в течение всей своей жизни и окончательный вид его «История», тот в котором она дошла до нас, приобрела к концу его жизни, по-видимому, так и оставшись незавершенной.

С.И. Соболевский не находил у Геродота строго выраженных четких политических позиций. Что же касается мировоззрения историка, то он

---

[43] См. Cornford F.M. Thucydides. My thistoricus. Lond., 1907. P. 66; ср. Лурье С.Я. Ук. соч. С. 28-68.

[44] Соболевский С.И. Геродот // История греческой литературы / Под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек и др. М., 1955. С. 28-68.

считал, что оно проникнуто идеалистическим убеждением в том, что мировой порядок установлен божеством, которое и управляет судьбой человечества. Поэтому и история государств и народов[45] у Геродота, как считал автор, является результатом этого мирового порядка. Сегодня с этими выводами едва ли можно согласиться.

Труд Геродота С.И. Соболевский рассматривал и как историю, и как литературное произведение. Вместе с тем «Отца истории» он считал крупным мастером, создавшим своеобразный язык и стиль своего сочинения, включив в него речи и диалоги, придуманные им самим или действительно произнесенные, но обработанные историком. Благодаря этому Дионисий Галикарнасский высоко оценил его творчество.

Важным достоинством Геродота С.И. Соболевский считал его психологические характеристики или портреты исторических личностей, которыми так богата «История» Геродота. Также как Дионисий Галикарнасский, С.И. Соболевский отметил целый ряд преимуществ Геродота перед логографами[46].

Весьма ценной и важной является монография А.И. Доватура о повествовательном и научном стиле Геродота[47]. Идея эта уже высказывалась в науке[48], но А.И. Доватур разработал ее детально и обстоятельно. Он исследовал две проблемы: об истоках научного стиля Геродота и о взаимоотношении между ним и фольклорным стилем в пределах его «Истории». Для решения первой проблемы автор впервые широко использовал эпиграфические тексты. Кроме этого, А.И. Доватур опирался также на данные социальных отношений в VII - VI вв. и

[45] Соболевский С.И. Ук. соч. С. 42-43; 44-54.
[46] Соболевский С.И. Ук. соч. С. 63-64.
[47] Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
[48] См. Aly W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921.

учитывал сведения о социальных противоречиях между различными слоями греческого общества архаического и раннеклассического периодов.

Использование различных эпиграфических документов позволило А.И. Доватуру сделать вывод о взаимосвязи документальной и исторической прозы. Автор совершенно правильно отметил, что особенности стиля ионийской исторической прозы формировались первоначально в прозе документальной[49].

Исследуя устную традицию, к которой широко обращается Геродот, А.И. Доватур совершенно справедливо отметил, что если Геродот высказывал опасение, что события прошлого могли изгладиться из людской памяти – это значит, что историк не имел перед собой связного изложения событий в литературных произведениях его времени. Поэтому он широко использовал новеллистическое творчество, не ограниченное только историческими темами.

Новеллистическая традиция дала Геродоту богатейший материал, поддававшийся осмыслению с культурно-исторической и философской точки зрения[50]. Новеллы или логосы дали возможность Геродоту отразить в своей «Истории» географические описания, сведения этнографического характера, подробности, касающиеся характеристики общественного строя и политических установлений; и, конечно, наибольшую ценность для Геродота представляли отразившиеся в новеллах исторические сведения[51].

В 1979 г. А.И. Немировский, подвергая критике господствовавшую в советской исторической науке догматическую тенденцию видеть в трудах античных историков одну лишь сумму фактов, опубликовал монографию «У истоков исторической мысли»[52]. В начале 80-х годов XX вв. в СССР и в европейских государствах просоветской ориентации марксистская

[49] Доватур А.И. Ук. соч. С. 10-44; 46-64.
[50] Там же.
[51] Доватур А.И. Ук. соч. С. 150-178.
[52] Немировский А.И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979.

концепция и эволюционная, так называемая прогрессивная теория развития человечества, стали подвергаться критическому переосмыслению с позиций цивилизационного метода. С учетом этих реалий А.И. Немировский переработал и расширил свое предыдущее исследование, опубликовав новую работу, и назвал ее «Рождение Клио»[53]. Вторую главу этой книги он посвятил сравнительной характеристике выдающихся греческих историков классического периода Геродота и Фукидида. Я остановлюсь, прежде всего, на характеристике тех мыслей и идей, которые автор высказывает относительно Геродота.

А.И. Немировский придавал первостепенное значение выяснению цели и характера труда Геродота. Прежде всего он попытался выяснить содержание «aetiai», то есть причины войны между эллинами и варварами. Поэтому он обстоятельно рассматривает интерпретацию древнеиранской литературной и мифологической традиции. Проделанная автором работа представляет немаловажную ценность особенно в связи с современным обращением исследователей к культурологическому аспекту содержания геродотовской «Истории». Вместе с тем выводы А.И. Немировского о том, что план геродотовской «Истории» «отвечал не научной логике, а художественным целям, сходным с целями эпоса и драмы», а «цели истории для Геродота – это всего лишь поэтическое переосмысление фактов»[54], являются односторонними и категоричными.

Говоря о политических взглядах и симпатиях Геродота, А.И. Немировский не расходится в своих выводах с С.И. Соболевским. Он правильно отмечает, что «Отца истории» не следует считать безоговорочным сторонником демократии, выполнявшим афинский заказ. Но и с его замечанием о том, что демократия для Геродота полезна, только

[53] Немировский А.И. Рождение Клио. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986.
[54] Там же. С. 57-59.

«если во главе государства стоят такие достойные люди, как Клисфен и Перикл», невозможно согласиться, потому что о Клисфене и Перикле в его сочинениях говорится меньше всего, причем свидетельство о Перикле может быть истолковано и в негативном смысле.

Основной вывод исследователя хотя и парадоксален, тем не менее не дает основания оспаривать правильность титула, данного ему Цицероном, «Отец истории». А.И. Немировский утверждает, что недостатки Геродота как историка, обнаруживающиеся в его критике источников и мешавшие ему иногда понять смысл происходивших событий, оказываются для нас-современников достоинствами, поскольку помогают нам понять «человека эпохи полисного строя, еще не подвергшегося разложению»[55]. Среди главных достоинств Геродота, отмеченных исследователем, являются: «универсализм, благодаря которому в поле зрения историка оказываются не только греки и персы, но и многие другие народы ойкумены»; другое достоинство – объективность по отношению к противникам и прежде всего к персам, которая казалась неумеренным поклонникам греческого величия кощунственной»[56].

В 1972 г. появился новый русский перевод «Истории» Геродота, осуществленный Г.А. Стратановским, с приложением, написанным В.Г. Боруховичем. Второе издание перевода и приложения к нему вышло в 1993 г.[57]. Рассмотрение выводов В.Г. Боруховича в его статье, прилагаемой к переводу, свидетельствует о противоречивом отношении автора к Геродоту. Несмотря на то, что исследователь вслед за Дж. Майрсом дает высокую оценку «Отцу истории», подчеркивая, что «он приблизился к подлинному историзму в восприятии и объяснении событий и фактов,

[55] Немировский А.И. Ук. соч. С. 72.
[56] Там же.
[57] Геродот. История в девяти книгах // Пер. и прим. Г.А. Стратановского (с приложением статьи В.Г. Боруховича «Научное и литературное значение труда Геродота). М., 1993. С. 498-499.

представив человеческую историю как развертывающийся во времени и пространстве процесс, в ходе которого меняются судьбы людей и государств»[58], тем не менее эта ко многому обязывающая фраза вступает в противоречие с другими мыслями автора, с которыми не всегда можно согласиться.

Так, В.Г. Борухович считает, что, «хотя зрелость историка совпадает со временем начала движения софистов, посеявших семена недоверия к старинным религиозным представлениям, сам он сохранил ортодоксальные взгляды, усвоенные еще с юности»[59]. Однако мировоззрение Геродота формировалось под влиянием ионийской науки и философии Аристагора[60]. Поэтому даже при весьма тесных связях Геродота с дельфийским жречеством оно едва ли было у него ортодоксальным или консервативным.

Другое высказывание В.Г. Боруховича, фактически не согласующееся с утверждением автора о том, что «Геродот – пытливый исследователь-историк»[61], заключается в следующем утверждении: «Манера исторического повествования Геродота неотделима от его новеллистического стиля. Античная историография до самого конца своего существования чаще всего ставила перед собой иные задачи, чем современная: ее больше занимала художественная сторона, чем достоверность сообщаемых фактов и научность их интерпретации. Лишь в редких случаях она поднимается до истинного понимания причин событий, научного анализа или широких обобщений»[62]. Это суждение фактически не выходит за рамки традиционного марксистского мнения,

[58] Борухович В.Г. Ук. соч. С. 457-499.
[59] Борухович В.Г. Ук. соч. С. 487.
[60] См. об этом мою статью: В.М. Строгецкий. Мировоззрение Геродота и его политические позиции // Мнемон. 2009. Вып. 8. С. 345-356, особ. С. 349сл.
[61] Борухович В.Г. Ук. соч. С. 499.
[62] Там же. С. 474.

что истории как науки в античности не существовало. Противоположную точку зрения высказал Э.Д. Фролов с самого начала своей главы «Рождение Клио» в книге «Факел Прометея», подчеркнув, что с Геродотом мы вступаем в следующую и решающую фазу становления античной науки истории[63]. Э.Д. Фролов справедливо отмечает, что древнегреческая историческая наука формировалась в условиях победы эллинов – творцов и носителей ценностей западной цивилизации над древневосточным деспотизмом персов, что способствовало росту и укреплению национального самосознания греков.

Геродот в отличие от древних поэтов и ранних прозаиков (логографов), описывавших ставшие мифологическими сюжеты Троянской войны, обратил свой интерес к историческим и более близким ему по времени реальным разнообразным, в том числе политическим событиям.

Э.Д. Фролов вслед за Р.Дж. Коллингвудом подчеркивает, что греческое историческое повествование благодаря Геродоту обрело черты исторической науки[64]. Он отмечает, что «Отец истории» доставил историописанию необходимые для научного подхода предметность и достоверность, универсальность и идейность, способствовавшие «охвату всего круга недавно свершившихся и важных для всего мира событий в их связи и под определенным углом зрения»[65]. Важнейшей чертой геродотовского историописания, как отмечает Э.Д. Фролов, было привнесение в историческое повествование эмоционального характера, что, конечно, было обусловлено его хорошим знанием ионийско-эолийской поэзии и тем, что, как уже было отмечено выше, его уже в древности считали «homericotatus».

---

[63] Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 105.

[64] Коллингвуд Р.Дж. Идея Истории. Автобиография / Пер. и коммент. Ю.А. Асеева. М., 1980. С. 19. Ср. Фролов Э.Д. Ук. соч. С. 119.

[65] Фролов Э.Д. Ук. соч. С. 107.

Э.Д. Фролов совершенно справедливо указывает на то, что произведение Геродота демонстрирует более зрелое историописание, чем сочинения логографов. Поэтому Геродот не принимал в расчет работы его предшественников Гекатея, Гелланика, Харона и др., как ему казалось, не очень результативных, поскольку в отличие от них свое изложение событий он основывал на разузнавании (historie), что, несомненно, являлось результатом научного исследования.

Несмотря на бесконечные рассуждения о том, с какого момента Геродот стал излагать историю Греко-персидских войн, Э.Д. Фролов, подчеркивая тематические, композиционные и стилистические особенности сочинения Геродота, объясняющие его внутреннее единство, правильно указывает на то, что благодаря этому Геродоту удалось раскрыть главную тему своего труда, сводящуюся к постепенному росту персидского могущества, приведшего к развитию греко-персидского конфликта. Завершая свой аналитический очерк о Геродоте, Э.Д. Фролов отмечает, что труд «отца истории» проникнут не только определенной исторической и политической идеей, но ему присуща также и своего рода философская концепция, обнаруживающая известные точки соприкосновения со взглядами Анаксимандра и Гераклита[66]. Это позволяет видеть в Геродоте не только выдающегося историка, но и мыслителя.

Среди работ отечественных ученых советского периода наряду с историческим и историко-филологическими исследованиями (к последним я отношу очерк С.И. Соболевского и монографию А.И. Доватура) необходимо выделить труд Т.И. Кузнецовой и Т.А. Миллер об античной эпической историографии[67], поскольку он является образцом, прежде

[66] Фролов Э.Д. Ук. соч. С. 117. О влиянии на Геродота философских идей Аристагора и Протагора см. также в упомянутой выше моей статье Мировоззрение Геродота и его политической позиции. С. 350-353.

[67] Кузнецова Т.И., Миллер Т.А. Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М., 1984. С. 6-79.

всего, филологического анализа геродотовской «Истории». Понятие эпическая историография исследователи связывают с концепцией немецкого исследователя нач. 20-х гг. XX в. В. Али и его книгой «Народные сказки, саги и новеллы у Геродота и его современников[68], не утратившей своей ценности и в наше время. Главное достоинство Геродота Али находил в соединении фольклорного рассказа с его собственным исследованием. Способность Геродота объединять разрозненные элементы устной и письменной традиции в единое целое, благодаря Али стали считать важнейшей особенностью литературного наследия «отца истории», отделяющей его от прочих греческих хронистов и дающей право признавать у греков историческое мышление.

На протяжении большей части XX в. исследователи стремились найти у Геродота единый принцип освещения фактов, а также приемы, которые использует историк, когда дает обоснование событиям и человеческим поступкам. Но, как правильно отмечают Т.И. Кузнецова и Т.А. Миллер, «обращает на себя внимание фрагментарность проводимых изысканий: объектом исследования служили, как правило, либо небольшие куски текста, либо персонажи, а не произведение в целом»[69]. Успешный опыт сплошного анализа текста «Истории» Геродота с целью выявления структурной нити его повествования и связи образующих ее эпизодов предпринят был в зарубежной историографии Г. Вудом[70].

В отечественной науке впервые А.И. Доватур, развивая идею В. Али, обратился к всестороннему анализу «Истории» Геродота с целью выявления особенностей его новеллистического и научного стиля. Кузнецова и Миллер, опираясь на выводы Вуда, исследовали композицию,

---

[68] Aly W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und Seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921.
[69] Кузнецова Т.И., Миллер Т.А. Ук. соч. С. 9.
[70] Wood H. The Histories of Herodotus. An Analysis of the Formal Structure. Monton Hague, 1972.

стиль и общую концепцию геродотовской «Истории». Содержание композиционной структуры сочинения Геродота они находят в том, что историк разработал двуединую формулу для оценки персидских дел, суть которой авторы определяют как «утверждение и отрицание или могущество и обреченность на гибель» [71].

Характеризуя стиль Геродота, исследователи подчеркивают, что он был обусловлен целью автора. Она отнюдь не развлекательная, а фактографическая и исследовательская. Подачу же фактов, по их мнению, Геродот осуществлял как новеллистическим способом, так и с помощью деловых описаний. При этом его рассказ не сводится к простой комбинации этих двух способов. Исследователи подчеркивают, что Геродот не ограничивается художественным опытом своих непосредственных предшественников логографов. Он пользуется приемом трагической иронии и методом аргументации. Он не только описывает факты, но осмысливает их, анализирует, сопоставляет, вступает по поводу них в полемику, строит гипотезы. Он говорит языком умозаключений и демонстрирует аналитическую работу ума. В этом исследователи видят новизну его стиля и композиции[72].

Что же касается концепции Геродота как художественного прозаика и вместе с тем историка-исследователя, то, по мнению ученых, она заключается, прежде всего, в систематизации событий. Элементами, связующими эту систему, по мнению авторов, являются мотивы личной ответственности героя и неустойчивости человеческого счастья. Важным элементом концепции историка является выяснение и раскрытие того, как соблюдается принцип меры, которому подчинены государство и отдельные личности. В раскрытии своей концепции Геродот руководствуется контрастной схемой (утверждение и отрицание, взлет и

[71] Кузнецова Т.И., Миллер Т.А. Ук. соч. С. 35.
[72] Кузнецова Т.И., Миллер Т.А. Ук. соч. С. 38-46.

падение, высокомерие и наказание). Эпизоды, иллюстрирующие эту контрастную схему, предполагают у Геродота участие двоякого рода факторов – метафизических (зависть богов, вещие знамения, пророчества оракулов и т.д.) и человеческих (эпических и утилитарных). Кузнецова и Миллер считают, что фактор человеческий, обусловленный, прежде всего мотивами личной инициативы и ответственности персонажей, приобретает наибольшее значение по мере того, как историк раскрывает события, приближающиеся к его времени. В этом случае предвидение будущего в изображаемых Геродотом сценах перестает быть прерогативой интуиции или провиденциализма и делается функцией разума, превращаясь в политический прогноз[73]. Эта сторона геродотовской концепции была воспринята Фукидидом при его разработке прагматической политической истории.

Аналитический ум и исследовательская направленность концепции Геродота стали объектом пристального внимания историков начала XXI в. Известным отечественным исследователем, относящимся к поколению ученых XXI в. является И.Е. Суриков, автор целого ряда книг и статей, посвященных истории архаической и классической Греции. Среди этих работ необходимо выделить, прежде всего, его исследования касающиеся творчества Геродота[74].

---

[73] Кузнецова Т.И., Миллер Т.А. Ук. соч. С. 46-79.

[74] Суриков И.Е. Лунный лик Клио: элементы иррационального в концепциях первых европейских историков // Проблемы исторического познания. М., 2002. С. 223-235; Он же. Первосвященник Клио. / О Геродоте и его труде // Геродот. История. М., 2004; С. 5-20; Он же. История, как пророчество о прошлом (формирование древнегреческих представлений о труде историка) // Восточная Европа в древности и Средневековье: Время источника и время в источнике. Т., 2004. С. 193сл; Он же. Парадоксы исторической памяти в античной Греции // История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени. М., 2006 С. 61сл.; Он же. Геродот и похищение Европы: первый грандиозный этноцивилизационный миф в истории Запада // Диалог со временем:

Основные суждения автора, опубликованные в упомянутых выше статьях, нашли совокупное отражение в книге об «Отце истории», о его труде, о его времени и о его мире[75]. Он показывает объективную картину становления Геродота как историка с широким кругозором, которого интересовали не только и не столько военные и политические события эллинских и варварских народов, но также их культура, быт, религия и географическая среда их обитания. Геродот в изображении Сурикова предстает перед читателем как правдивый и добросовестный автор и исследователь, великий античный писатель и мыслитель, информацию которого можно интерпретировать с историко-философской и философско-культурологической точки зрения.

Геродот, как отмечает И.Е. Суриков, в силу уже сложившегося представления выделяет эллинов и варваров. Собирая материал о жизни этих народов как во время своих путешествий, так и опираясь на источники, «Отец истории» видел различия между ними в культурно-бытовой, религиозной и политической областях и подчеркивал, что для греков основу их жизни составляли свобода и закон, для варваров же были характерны рабство и произвол. Но при этом Геродот не отождествляет персов с примитивными первобытными народами, отмечая у них достаточно высокий уровень культуры, за что и получил от Плутарха прозвище «филобарбарос». И.Е. Суриков совершенно правильно указывает на неприемлемость субъективистской критики Плутарха. Обнаруживая различие между эллинами и варварами, Геродот, как подчеркивает исследователь, стремился понять и объяснить их.

Альманах интеллектуальной истории. Вып. 21. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. М., 2007. С. 149-160; Он же ☹⚐☝⚐☝☼✌☞⚐✋в труде Фукидида (I.21.1) и Геродот (об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания // ВДИ, 2008. №2. С. 25-37.

[75] Он же. Геродот. Жизнь замечательных людей. М., 2009.

Указывая, что Геродот имел корни как эллинские, так и карийские, И.Е. Суриков замечает, что он слишком мало говорит о своей малой родине г. Галикарнассе. Именно это, как считает автор, характеризует Геродота как объективного ученого, которому не был свойственным полисный патриотизм. И.Е. Суриков, несомненно, прав, потому что литературная традиция сохранила немало примеров, свидетельствующих о том, что люди, родившиеся от смешанных браков, гонимые со своей родины или уехавшие по своей воле, становились подлинными творцами новой эллинской культуры, философами, историками и мыслителями. Именно к таким людям относился Геродот.

В судьбе Геродота, как отмечает Суриков, главную роль сыграл Самос. Исследователь подчеркивает, что именно здесь Геродот, самим воспитанием и образованием подготовленный к интеллектуальной деятельности, сознательно выбрал для себя путь историка-исследователя. Он решил, опираясь на сформулированную ионийской философией способность осмысленно воспринимать события и поступки людей с помощью наблюдений (□☯⊠♓▪), расспросов (♓☺♦♦□❐♓❖♋), выслушиваний (♋♐&□♒❖❖), выделить прямую и косвенную информацию и, проверив ее достоверность, прийти с собственным умозаключениям (♦◆❖■♏♦♏♓▪) или (♑■♦♗❍♋♓). Эти способы, позаимствовав из эпической поэзии и ионийской философии, Геродот впервые решил применить к истории.

Рационалистические мысли Геродота, отчетливо заметные в его «Истории», как показывает исследователь, успешно сочетаются с его искренней религиозностью. Этим и обусловлена близость Геродота к дельфийскому жречеству. Его пребывание в Дельфах, как верно отмечает автор, было связано не только с религиозными, но и познавательными целями. Возможно, Геродот был допущен к знакомству со священными книгами (◆☺□□❍■♒❖❍♋♦♋ ♓☺♏❐♋♦♓&♋❖). Во всяком

случае, оракулярная традиция, идея провиденциализма и вера в высшую божественную истину занимают весьма важное место в его концепции историописания.

Геродот, как образованный интеллектуал с философским складом ума, не мог не побывать в Афинах, которые ко времени его зрелости действительно превратились в школу всей Эллады.

И.Е. Суриков, исследуя взаимоотношения Геродота с Афинами, приходит к выводу, что традиционная дата 445 год до Р.Х.- дата его первого появления в Афинах, вызывающая целый ряд трудностей, не может быть приемлема[76]. По мнению автора, историк установил тесные контакты с Афинами еще в 60-е гг. V в. и был связан скорее с кругом видных деятелей, группировавшихся вокруг Кимона, чем вокруг Перикла. Что же касается отношения Геродота к Периклу, то оно, по мнению автора, было весьма сдержанным, если не сказать недружественным. Как аристократ Геродот тяготел к демократии клисфеновского типа. Так что вполне возможно, как считает И.Е. Суриков, что и предложение о почестях, оказанных «Отцу истории» в Афинах, исходило от Филаидов, аристократического рода, враждебного Алкмеонидам. Но в 444 г., когда Фукидид, сын Мелесия, лидер Филаидов, подвергся остракизму, а Перикл одержал окончательную победу, Геродот покинул Афины, приняв участие в основании колонии Фурии[77].

Наиболее известные античные историки были также и мыслителями. Геродота И.Е. Суриков относит к ранним мыслителям и пытается найти ему место в мире людей и богов[78]. Как уже говорилось выше, Геродот был человеком религиозным. Но, будучи исследователем, Геродот, как правильно считает И.Е. Суриков, таковым был и по отношению к религии. Тем не менее Геродот не был скептиком, хотя скептицизм уже развивался

[76] Суриков И.Е. Ук. соч. С. 164сл.
[77] Суриков И.Е. Ук. соч. С. 176.
[78] Там же. С. 336сл.

во время жизни историка. Ведь Протагор, скептически высказывавшийся по отношению к богам, был не только современником «отца истории», но и участвовал вместе с ним в основании колонии Фурий. Но, с другой стороны, я не могу согласиться с утверждением И.Е. Сурикова, что Геродота следует назвать консервативным религиозным мыслителем[79]. В этом случае пришлось бы Фукидида назвать прогрессивным мыслителем, так как боги в его картине мира практически отсутствуют, и тогда следовало бы считать мировоззрение Геродота менее развитым, чем Фукидида. Такой подход едва ли можно назвать правильным. Ведь нельзя же утверждать, что мировоззрение академиков Вернадского и Гинсбурга было более прогрессивным, чем Т. де Шардена и А. Швейцера только потому, что первые были атеистами, а вторые были людьми верующими. И те и другие явились выдающимися естествоиспытателями, и их огромный вклад в науку признан всем мировым сообществом. Просто мировоззрение у них было разным. Столь же разными в этом смысле были Геродот и Фукидид.

Геродот и Фукидид вместе с тем были и политическими мыслителями. И.Е. Суриков, исследуя творчество Геродота, задается вопросом, какое же государство и государственное устройство с его точки зрения является лучшим. Автор обращается к рассмотрению наиболее дискуссионного сообщения Геродота, передающего рассуждение персов о трех формах правления после свержения в 522 г. узурпатора мага Гауматы. И.Е Суриков утверждает, что исследователи единодушны в том, что персидские вельможи не могли вести такие споры и что дискуссия – плод вымысла самого Геродота. Конечно, манера изложения и терминология, используемая Геродотом, являются типично греческими. Тем не менее, ряд отечественных и зарубежных исследователей считают, что рассказ

[79] Там же. С. 344.

Геродота основан на подлинной персидской традиции[80], да и комментарий, которым Геродот снабжает своё сообщение, высказан в такой форме, что побуждает считать его слова искренними (Hdt. III.80).

Отвечая на вопрос, какое государство, согласно Геродоту, является лучшим, можно согласиться с тем, что для Геродота лучшим государством являлся полис[81].

Но И.Е. Суриков не прав и противоречит самому себе, когда утверждает, что для Геродота безразлично, каким должен быть полис: олигархическим, монархическим или демократическим[82]. Из рассуждений автора об отношении Геродота к Афинам и их политическому строю, вытекает, что «Отец истории» считал лучшим тот полис, в котором демократическое устройство соответствовало бы эпохе Клисфена или Кимона[83].

Что же касается тирании, безусловно, И.Е. Суриков прав в том, что отношение Геродота к ней было неоднозначным. Но, несомненно, к жестокости тиранов он относился отрицательно. Однако замечание, которое высказывает автор о том, что «тираны были жестокими потому, что жестоким было само время, породившее их»[84], я считаю недопустимым ни по отношению к древним, ни по отношению к современным тиранам. Жестокими жизнь и время становятся не сами по себе. Такими их делают сами политики, будь то тираны и диктаторы или олигархи и демократы[85]. Такое суждение в какой-то степени оправдывает

---

[80] Дандамаев М.А. (см. его работу «Политическая история ахеменидской державы. М., 1985. С. 80) отмечает, что отечественные исследователи В.В. Струве, А.И. Доватур, И.М. Дьяконов и некоторые западные ученые считают, что рассказ Геродота основан на подлинном персидском документе и вовсе не является его выдумкой.

[81] Суриков И.Е. Ук. соч. С. 360.

[82] Там же. С. 359.

[83] Там же. С. 152сл.

[84] Там же. С. 358.

[85] Суриков И.Е. Ук. соч. С. 358.

жестокость древних тиранов. Подобные высказывания сегодня можно услышать из уст тех, кто стремится обелить преступления Ленина, Сталина и их соратников, по вине которых погибли миллионы невинных людей.

Вместе с тем, завершая анализ суждений И.Е. Сурикова, необходимо отметить, что его характеристика творчества Геродота в значительной степени отличается от взглядов XX в., в соответствии с которыми исследователи стремились осмыслить сущность исторического бытия с помощью только рациональных критериев. Следствием чего были частые всплески гиперкритического отношения к Геродоту[86]. И.Е. Суриков справедливо подчеркивает, что «любого автора следует оценивать, прежде всего, по его достоинствам, а не по недостаткам». Эту правильную мысль можно дополнить следующим суждением. Достоинства автора, если они есть, видны невооруженным взглядом, недостатки чаще всего обнаруживаются с помощью нашего разума. Исследователи XX в. в основе своей руководствовались позитивистским подходом и, доискиваясь до истины, стремились установить историческую достоверность событий. Но поскольку авторы, подобные Геродоту, писали о событиях прошлого, свидетелями и участниками которых они не были, это, прежде всего, и вызывало у исследователей по отношению к ним критические высказывания. Но порой в силу различных причин, даже вполне известных исследователям, невозможно установить достоверность современных или близких к современности событий. Это тем более важно иметь в виду, когда речь идет о древней истории, автор которой описывал события, отстоящие от его времени на многие десятилетия.

Исследователи нового поколения вслед за учеными французской школы «Анналов» стараются обнаружить в описаниях отдельных обществ, государств и народов некий целостный взгляд, выявить и изучить так

[86] Там же. С. 389.

называемые «структуры повседневности». Поэтому совершенно правильно И.Е. Суриков завершает свою книгу о Геродоте словами «Новым поколениям историков, да и в целом людям, живущим ныне, он ближе и понятнее, чем их предкам и предшественникам[87].

Итак, И.Е. Суриков одним из первых отечественных исследователей отметил важность и значимость новых подходов в оценке античной историографии, сложившихся в европейской науке к началу XXI в. Исследователи стали рассматривать творчество Геродота с историко-философской и философско-культурологической точек зрения.

7.2. Геродот и его «История» в оценке современной исторической науки

Признавая, что истоки греческой исторической мысли восходят к эпической поэзии, ученые находят в ней намеки на древнейший метод получения исторической информации. Одиссей, услышав в пении Демодока повествование о том, что совершили ахейцы в Трое, какие претерпели беды, и, воздав хвалу аэду, замечает:

«Можно подумать, что сам был участник всему или от верных

Все очевидцев узнал ты» (Одис. 8.490 – 492).

Но если Демодок еще повествует, будучи научен музами или самим Аполлоном, то придет время и история появится как результат отделения ее от эпической традиции. Поэтому личность, самостоятельно занявшаяся исследованием деяний прошлого и подчеркивающая, каким образом она собирает и исследует (♓❖♦♦□❒♏❖♦) эту информацию, становится исследователем или историком (♓❖♦♦□❒♓&□❖▪). И первым таким историком, безусловно отличавшимся от логографов, современные ученые

[87] Суриков И.Е. Ук. соч. С. 397.

считают Геродота[88]. Несомненно, Геродот был многими нитями связан с тем взрывом интеллектуальной активности, которая была в городах М. Азии, начиная с VIII-VII вв. до Р.Х.[89]. Геродот, конечно, испытывал влияние досократической философии, основанной на принципах рационализма и критического исследования и природы. Он был знаком с современными ему теориями медицинских школ[90].

Поэтому Геродот не находился под влиянием какой-то одной интеллектуальной теории. Судя по его собственным замечаниям, он действительно был первым из известных нам историков, который считал себя исследователем, поскольку для процесса собирания сведений использовал глагол ♓❖⬧♦❑❒♏❖⬧ (расспрашивать, разузнавать, исследовать). Кроме того, он выделил те способы, с помощью которых собирал нужную ему информацию, в частности о Египте. Геродот говорил (II.29.1), что он распространил свои изыскания (♏𝒆𝒆❑◆❑❑❖❍♒■)

---

[88] Hartog F. Premières figures de l'historien en Grèce: historicité et histoire // Loraux N. and Miralles C. (eds) Figures de l'intellectuel en Grèce ancienne. Paris, 1998. P. 123-141 (Русский перевод: Артог Ф. Первые историки Греции: историчность и история // ВДИ. 1999. № 1. С. 177-187); Bakker E.J. The Making of History: Herodotus' Histories apodexis // Bakker E.Y.; Yong I.Y. F de; Wees H. van (eds). Brill's Companion to Herodotus, Leiden, Boston and Cologne, 2002. P. 3-32; особ. P. 15-19; Schepens G. History and Historian: Inquiry in the Greek Historians // A Companion to Greek ad Roman Historiography vol. I / ed. By J. Mirancola. Blackwell, 2007. P. 39ff.

[89] О развитии научной мысли в Ионии см. Михайлова Э.Н., Чанышев А.Н. Ионийская философия. М., 1966. С. 23-24; 89сл.; Рожанский И.Д. Античная наука. М., 1980. С. 29сл.; Фролов Э.Д. Факел Прометея. Л., 1980. С. 45сл. Панченко Д.В. Фалес, солнечные затмения и возникновение науки в Ионии в нач. VI в. до н.э. // Hyperboreus. 1966. Т. 2. №1. С. 47-24; Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-VI вв. до н.э. 2-е издание. СПб., 2002; Жмудь Л.Я. Зарождение истории науки в античности СПб., 2002. С. 44сл.

[90] Lateiner D. The Empirical Element in the Methods of Early Greek Medical Writers and Herodotus: A Shared Epistemological Response // Antichthon. 1986. Vol. 20. P. 1-20; Thomas Rosalind. Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion. Cambridge, 2000.

как можно далеко и, дойдя до города Элефантины, там собирал сведения по слухам и расспросам (♋♐&□♒♗ ♓☺♦♦□❐♏❖♦■). В другом месте (II.99.1) Геродот раскрывает более обстоятельно свой процесс исследования. Он подчеркивает, что обычно он излагал то, что видел своими глазами (□☯♲♓▪ ♒♐♑♒❖), а также руководствуясь собственным суждением и теми сведениями, которые собирал лично (♑■♦❖♑♒ &♋♓▭ ♓☺♦♦□❐♓❖♒). Но теперь, находясь в Египте, он желает сообщить те сведения (●□❖♑□◆▪), которые он разузнал (♏♐❐♏❖♦■) и услышал (♒❀&□◆□■) от египтян, добавляя к этому то, что он видел своими глазами (□❐□♦♏❖♦♦♋♓ ♎♏▭ ♦♓ ♋◆♐♦□♓♗♦♓ &♋♓▭ ♦♒♗▪ ♏♐♑♒♗▪ □☯♲♓□▪).

Итак, суждения Геродота позволяют ученым считать, что его интеллектуальная активность была достаточно широкой и не ограничивалась одной какой-то областью интересов[91], будь-то география, этнография или собственно история[92]. Геродот, опираясь на сформулированную ионийской рационалистической философией способность осмысленно воспринимать и понимать окружающее с помощью наблюдений, расспросов, выслушиваний и высказывания собственных суждений, впервые применил эти способы в области истории[93].

Вместе с тем ряд исследователей, противопоставляя современную историческую науку античному толкованию истории, считает, что античные авторы от Геродота до Полибия были скорее судьями, оценивающими события и поступки людей, чем историками, исследующими их на основе рассмотрения источников. Так, еще Ф.Якоби

---

[91] Schepens G. Op. cit. P. 410.

[92] Hartog F. Le miroir d'He❖rodote. Essai sur la représentation de l'autre. Новое издание с предисловием: Le vieil Hérodote: del'épopée àl'histoire. Paris, 2001. P. 27-28; Lachenaud G. Promettre et écrire. Essais sur l'historiographie des Anciens. Rennes, 2004. P. 12-19.

[93] Schepens G. Op. cit.

в 20-е гг. XX в., сравнивая понимание истории у Геродота и Фукидида и подчеркивая, что Фукидида в отличие от Геродота интересовала современная история (Zeitgeschichte), сделал категорический вывод о том, что с именем Фукидида античная историография достигла своего конца[94]. Сегодня эта идея все еще остается на слуху. Так, А. Момильяно[95] утверждает, что Фукидид в отличие от Геродота описывал Пелопоннесскую войну на основе визуальных свидетельств. Его влияние, как считает исследователь, стало решающим, и его подход к истории явился образцом для всех последующих греческих историков. Поэтому, по его мнению, вся греческая историография превратилась в рассказ о военных и политических событиях, причем предпочтение отдавалось тем событиям, свидетелями которых был писатель. На этом основании Ф. Артог[96] делает вывод о противоположности античной историографии и современной западной, в которой история воспринимается не как рассказ, основанный на визуальных свидетельствах, а как исследование, опирающееся на критический анализ источников.

Идея о том, что Геродот, Фукидид и Полибий были не столько историками, которые старались исследовать полученные свидетельства, сколько судьями, оценивающими их, нашла отражение также в целом ряде работ С. Дарбо-Печанского[97].

---

[94] Jacoby F. Griechische Geschictsschreibung // Die Antike. 1926. Bd. II. S. 1-19. (Jacoby F. Abhaudlungen der griechischen Geschictsschreibung / Ed. H. Bloch Leiden, 1956. P. 73-99). В этом же духе в 30-е гг. XX в. высказался и английский историк Р.Дж. Коллингвуд, не считавший Фукидида в противоположность Геродоту подлинным историком (Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. М,, 1980. С. 20сл.).

[95] Momigliano A. The Classical Fondations of Modern Historiography // Sather Classical Lectures 54. Berkel.; London, 1990. P. 29-79.

[96] Hartog F. Évidence de l'histoire. Ce que voient les historiens. Paris, 2005. P. 33.

[97] Darbo-Peschanski C. Le discourse du particulier: Essai sur l'enquête hérodotéenne. Par., 1987. P. 164-188; idem L'historien ou le passé jugé. // Loraux N., Miralles C. (eds) Figures de l'intellectuel en Grèce ancienne. Paris,

Однако эти выводы, скорее всего, являются рецидивами гиперкритического подхода к античным авторам и опровергаются внимательным рассмотрением их высказываний. Наиболее важным в этом смысле является высказывание Геродота о значении Саламинского сражения и роли Афин в Греко-персидских войнах (Hdt. VII. 139). Это высказывание Геродота является не простой оценкой, но аналитическим расследованием о том, почему именно афинян следует считать истинными спасителями Эллады. Это рассуждение Геродот подтверждает описанием событий, которые в конечном итоге завершились Саламинским сражением (Hdt. VII. 140-VIII. 1-96). Что же касается Фукидида, то исследователи, обращая внимание на описание самой Пелопоннесской войны, участником и свидетелем которой был он сам, не придают значения его Археологии и Пентеконтаэтии. При рассмотрении и характеристике событий, предшествовавших Пелопоннесской войне, Фукидид опирался на свидетельства прошлых времен, свое отношение к этим свидетельствам он выразил в трех специальных пассажах (I.1; 20-22; 23. 1-3), которые, как подчеркнул Э.Д. Фролов[98], вместе составляют настоящий трактат по методологии истории. Фукидид обосновывает важность и значимость Пелопоннесской войны, рассматривая ее как предмет исследования. Он пытается исследовать как можно более древние пласты человеческой истории, выдвигая принцип объективности исторического изложения, основанного на тщательной проверке достоверности источников. В этом же духе впоследствии высказывался и Полибий (I. 14; 2.56; 11-12; 38. 4.8),

---

1998. P. 143-187; idem. Historicité, historia, genre historique: propositions pour une e❖tude de l'historio❖graphie grecque //Larcenous G., Longrée D. Grecs et Romains aux prises avec l'histoire. Repre❖sentations recits et ide❖ologie. 2 vols. Rennes, 2003. Vol. I. P. 53-61.

[98] Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 119сл.

утверждая, что «задача историка состоит… в том, чтобы точно сообщить только то, что было сделано или сказано в действительности»[99].

Итак, античная историография не завершилась Фукидидом, как утверждал Ф. Якоби. Она продолжала успешно развиваться. Поэтому одним из достижений современного антиковедения является признание того, что история со времени Геродота является такой же наукой, какой сегодня уже широко признается античная математика, астрономия, медицина и философия[100]. Это подтверждается введением Геродота к его «Истории», из которого видно, как справедливо подчеркнул Э.Д. Фролов, что он понимал историописание как научное занятие, предусматривающее наличие объекта, метода, задачи и цели.[101] Своей целью Геродот считал не простое описание деяний, совершенных эллинами и варварами, но и выяснение того, почему **(♎♓’ ♒❝ ♋♓♦♓❖♒■)** они стали воевать друг с другом.

Итак, как уже отмечалось, Геродот собирал необходимые сведения, прибегая к способам как чувственного (видеть и слышать), так и рационального (расспрашивать, рассуждать) познания. (Hdt. II. 99:

---

[99] Pedech P. La méthode historique Polybe P. 1964. P. 21-354. Walbank F.W. Polybius. Berkeley, 1972. P. 36-46; Schepens G. Op. cit. P. 42; Connor W.R The Histor in History // Rosen R.M. and Farrell J. (eds) Nomodeiktes; Greek Studies in Honor of Martin Ostwald. Ann Arbor. 1993. P. 3-15; Немировский А.И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 152сл.; Самохина Г.С. Полибий: эпоха, судьба, труд. СПб, 1995. С. 80сл.

[100] Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. Л., 1985. С. 171сл.; Рожанский И.Д. Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979. С. 43сл.; Жмудь Л.Я. Зарождение истории науки в античности. СПб, 2002. С. 31сл. Об ионийской натурфилософии см. Михайлова Э.Н., Чанышев А.Н. Ионийская философия. М., 1965, Залесский Н.Н. Очерки истории античной философии. Л., 1975. Вып. 1. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981, С. 122сл. Фролов Э.Д. Ук. соч. С. 59сл. Драч Г.В. Рождение ионийской натурфилософии и начало антропологической проблематики. М., 2003. С. 94сл.

[101] Фролов Э.Д. Ук. соч. С. 107-108.

«♋♏❖♍□♓ ♋♏▭■ ♦□◆▭♦□◆ □☯♲♓▪ ♦♏ ♏♐♋♒▭ &♋♓▭ ♑■⬧❖♋♒ &♋♓▭ ♓☺⬧♦□□♓❖♒ ♦♋◆♗♦♋ ●♏❖♑□◆⬧♋❖ ♏♐⬧♦♓ ♦□▭ ♎♏▭ ♋♐□□▭ ♦□□◆♗♎♏ ✌♓♐♑◆□♦♓❖□◆▪ ♏☯❒♍□♋♋♓ ●□❖♑□◆▪ ♏♐❒♏❖⬧■ &♋♦♋▭ ♒☯&□◆□■🕘 □❒□⬧♏❖⬧♦♋♓ ♎♏❖ ♦♓🕘 ♋◆♦♓♗⬧♓ &♋♓▭ ♦♒♗▪ ♏♐♋♒♗▪ □☯♲♓□▪»). Обращение Геродота к упомянутым способам исследования и применение их в области истории было, по-видимому, связано с тем, что он сам являлся активным участником интеллектуальных споров, которые продолжались в Греции со времени появления ионийской философии[102]. Во-вторых, способы исследования, выраженные в терминах «видеть», «слышать», «расспрашивать» и «высказывать суждения», вытекали как из эпической поэзии (первые два способа), так и из ионийской рационалистической мысли (два других). Наконец, заслуга Геродота не только в том, что он распространил эти способы исследования на область истории, но прежде всего в том, что Геродот впервые задумался над проблемой надежной и менее надежной, прямой и косвенной информации. И именно это дает основание считать его историком-исследователем. Пользуясь комбинацией этих методов, Геродот собирал и объяснял информацию не только исторического, но также географического и этнографического характера, при этом полагая, что более достоверным является не то, что слышал, а то, что он сам видел (Hdt. II. 99), и «увиденное» он считал критерием правдивости «услышанного».

Итак, благодаря сочетанию этих способов исследования, Геродот получал, как он утверждал, правдивую или достоверную информацию, на

[102] Thomas R. Herodotus in Context: Etnography, Science and Art of Persuasion. Cambr., 2000; Bakker E.J. The Making of History: Herodotus' Histories Apodexis. P. 3-32; Raaflaub K. Philosophy, Science, Politics: Herodotus and the Intellectual Trends of His Time // Bakker, de Jong I.Y.F. and van Wees H. (eds). Brill's Companion to Herodotus. Leiden, Boston and Cologne, 2002. P. 149-186.

основании которой он высказывал конкретные суждения (♦◆❖■♏♦♓▪ или ♑■♦❖❍♒). Такое отношение к источникам и уровень их критики вполне соответствовали тому времени, когда устная информация еще сохраняла свое преобладающее значение. В связи с упомянутыми выше суждениями Геродота о способах исследования ученые отмечают, что каждый из них позволял историку получить весьма широкий диапазон сведений[103]. Так упоминаемый Геродотом термин «□☯♋♓▪» (зрение) отражал способность историка познакомиться с надписями, манерами и обычаями чужеземцев с природными явлениями, географическими особенностями, климатом, фауной и флорой. С помощью понятий «♓☺♦♦□❐♏❖♦ или ♓☺♦♦□❐♓❖♒» он получал информацию от различных более или менее квалифицированных информаторов. Благодаря «♋♐&□♒🕯» (слушание) он знакомился с письменной и устной традицией.

Главной особенностью процесса исследования у Геродота, как считают современные ученые, явился поиск источников и их оценка[104].

---

[103] Schepens G. Some Aspects of Sourse Theory in Greek Historiography // Anc. Soc., 1975. Vol. 6. P. 257-273, особ. P. 261. №15; idem. History and Historia: Inquiry in the Greek Historians… P.45.

[104] Fowler R.L. Herodotus and his Contemporaries // JHS. 1996. Vol. 116. P. 62-87, esp. 62, 76-77; Murray O. Herodotus and Oral History // Luraghi N. (ed.) The Historian's Craft in the Age of Herodotus. Oxford, 2001. P. 16-44; Evans J.A.S. Herodotus, Explorer of the Past: Three Essays. Princeton, 1991. P. 89-146; Schepens G. Travelling Greek Historians // M.G. Angeli Bertinelli and A. Donati (eds) Le vie de la storia Migrazioni di popoli, viaggi di individui, circolazione di idee nel Mediterraneo antico / Atti del 2 Incontro Internazionale di Storia Antica. Serta Antiqua et Mediaevalia. Rome, 2006. Vol. 9. P. 81-102, esp. 84-87; Romm J.S. Herodotus. New Haven, 1998. P. 51-52; Harrison T. Herodotus and the Origins of History // Derow P.S. and Parker R. (eds.) Herodotus and his World: Essays from a Conference in Memory of George Forrest. Oxford, 2003. P. 239; De Jong I.J.F. Herodotus // De Jong I.J.F. Nunlist R. and Bowie A. (eds.) Narrators, Narratees and Narratives in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative I. Leiden, Boston, 2004. P. 104-114.

В связи с этим путешествия Геродота служили ему важным средством не только поиска информации, но и ее независимой проверки. Даже когда источники были фрагментарны, любопытство побуждало историка к серьезным поискам. В связи с этим особенно важным является его сообщение о плавании в г. Тир в поисках недостающей информации о Геракле (Hdt. II. 43-44). Задачу историка Геродот видел в том, чтобы его сообщение основывалось на фактах, а не являлось выдумкой.

Г. Шепенс, посвятивший целый ряд своих исследований греческой историографии, возражает против время от времени высказывающегося мнения о том, что интеллектуальная активность греков не была успешной в области истории и что у древнегреческих историков со времени Геродота и включая даже Полибия, отсутствовало понимание источников и их критики.

Методологической основой нового подхода к исследованию творчества Геродота явились идеи французской исторической школы «Анналов». Французские историки осознали недостаток позитивистского взгляда на историю и прежде всего древнюю, согласно которому задача исследователя заключалась в том, чтобы доискиваться до наиболее непосредственных и достоверных источников и сопоставлять их между собой и с другими источниками, чтобы адекватно понять и объяснить исторические события[105]. Французские исследователи пришли к выводу о том, что ошибочно считать, что можно адекватно понять прошлое, внимательно вчитываясь в наиболее достоверные источники, которые рассказывают о прошлом.

Ведь большинство свидетельств, дошедших до нас, не только не полны, но и часто «зашифрованы», ибо на них всегда лежит отпечаток специфического видения мира самими древними авторами, а также их

[105] Бессмертный Ю.Л. История на распутье // Споры о главном. Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг школы «Анналов». М., 1993. С. 4-15.

слушателями и читателями. Попытки же исследователей выявить наиболее достоверные и непосредственные источники, как показала критика XX в., в силу этих и многих других причин субъективны и вызывали, как правило, бесконечные и бесплодные дискуссии. Поэтому исследователи подчеркивают, что адекватно понять как дошедшие до нас исторические источники, так и скрытые в них свидетельства о прошлых эпохах и событиях можно только с помощью их кропотливой интерпретация. Суть ее они видят в раскрытии внутреннего смысла источников, который можно уяснить лишь с учетом мировоззрения их авторов, осознания специфического значения бытовавших в тот или иной период понятий, обычаев и ритуалов и понимания психологических особенностей людей прошлого[106].

Отказ от позитивистского подхода к истории изменил характер диалога историка с прошлым. В конце XX – нач. XXI вв. появилось новое поколение ученых, которые стали рассматривать творчество Геродота с точки зрения так называемой «интерпретирующей истории». Примером этого могут служить исследования Р. Томас[107] и С. Форсдайк[108], посвященные выявлению на основании геродотовской истории возникновения и особенностей афинской демократической идеологии.

Казалось бы, тема афинской демократии достаточно изучена на протяжении XX в., тем не менее, дискуссии продолжаются по следующим направлениям. Во-первых, большинство исследователей стараются использовать комбинацию сведений, почерпнутых из произведений греческих историков, философов, трагиков и ораторов. Прогресс, несомненно, есть, он выражается в количественном эффекте, позволяющем

[106] Бессмертный Ю.Л. Ук. соч. С. 4сл.
[107] Thomas R. Oral Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambr. 1889.
[108] Forsdyke S. Athenian Democratic Ideology and Herodotus' Histories // AJPh, 2001. Vol. 122. P. 329-358.

представить внешние проявления греческой демократии вообще[109]. Качественный эффект, дающий нам более или менее ясное понимание

[109] И.Е. Суриков в своей научно-популярной работе «Солнце Эллады. История афинской демократии». СПб., 2008. С. 342 – 347 дал краткую характеристику состояния изученности этой проблемы, см. Jones A.H.M. Athenian Democracy. Oxf., 1956 / переиздание 1986. P. 41 – 72; Finley M.I. Democracy Ancient and Modern. Lond., 1973 / переиздание Lond., 1985. P. 28ff; Raaflaub K.A. переиздание Oligarchy and Concept of the “Free Citizen” in Late Fifth Century Athens // Political Theory. 1983. Vol. 11. P. 517 – 544; idem Contemporary Perceptions of Democracy in Fifth Century Athens // Aspects of Athenian Democracy / ed. W.R. Connor et al. //Classica et Madie valia Dissertationes. Copenhagen, 1990. Vol. 11 P. 33-70; Ober J. Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton. 1998. О значении драмы для греческой демократии см. Euben J.P. Greek Tragedy and Political Theory. Berkeley, 1986; Zeitlin F.I. and J. Winkler. Nothing to Do with Dionysus? Princeton, 1990; Meier Ch. The Political Art of Greek Tragedy Baltimore, 1988 / переиздание 1993; Cartledge Paul. Deep Plays’: Theatre as Process in Greek Civic Life // Easterling, 1997. P. 3-35; Hall Edith. The Sociology of Athenian Tragedy // Easterling, 1997. P. 93-126; Zelena K. M.X. Gender and Politics in Greek Tragedy. N.J., 1998; Raaflaub K. Contemporary Perceptions of Democracy…P. 49-54. О характеристике значения ораторского искусства для греческой демократии см. Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. Rhetoric, Ideology and the Power of the People. Princeton, 1989; Loraux Nicole. The Invention of Athens: The Funeral Oration in the Classical City / Transl. A. Sheridan. Cambr., 1986. О значении общественных надписей для изучения демократической политической идеологии см. Whitehead D. Competitive Outlay and Community Profit: ♐♓●□♦♓❍♓❖♋ in Democratic Athens // Classica et Medievalia. 1983. Vol. 34. P. 55-74; idem. Cardinal Virtues: The Language of Public Approbation in Democratic Athens // Classica et Medievalia. 1993. Vol. 44. P. 37-75. О дискуссиях, касающихся использования комбинации всех этих источников см. Raaflaub K. Contemporary Perceptions of Democracy…P. 33ff; Saxonhouse Arlene. Athenian Democrary: Modern Mythmakers and Ancient Theorists. Notre Dome, 1996; Ober J. Op. cit.; McGlew J. Tyranny and Political Culture in Ancient Greece. Ithaca, 1993. P. 183-212. В отечественной литературе попытка комплексного исследования всех типов источников для изучения афинской демократической мысли была предпринята А.К. Бергером в его монографии «Политическая мысль древнегреческой демократии». М., 1966. О значении афинских демократических идей, касающихся исследования роли закона и наказания в демократических Афинах, основанного на анализе всех типов источников, см. Allen D. The

того, когда возникла афинская демократическая идеология и в чем ее сущность, пока не достигнут.

Во-вторых, нередко исследователи обращаются к геродотовским сюжетам, но эти пассажи скорее характеризуют греческую политическую мысль, а не специфически афинскую[110]. Ученые также исследуют политические идеи, сформулированные в геродотовской «Истории» с тем, чтобы подчеркнуть греческие политические ценности как противостоящие афинским демократическим[111]. Наконец, сохраняет свое влияние точка зрения Ф. Якоби, разделяемая многими современными исследованиями, о том, что большую часть сведений об афинской истории Геродот якобы почерпнул из семейной традиции Алкмеонидов[112]. Все эти направления, в рамках которых сегодня в научной литературе продолжаются дискуссии, свидетельствуют о том, что большинство ученых по-прежнему

World of Prometheus: The Politics of Punishing in Democratic Athens. Princeton. 2000.

[110] Тексты, отражающие греческую политическую мысль в «Истории» Геродота – это известная дискуссия персидских вельмож о формах политической власти, а также другие немногие пассажи см. Gagarin M. and Woodruff P. Early Greek Political Thought from Homer to the Sophists. Cambridge, 1995. P. 77-85; Winton R. Herodotus, Thucydides and Sophists // The Cambridge History of Greek and Roman Political Thought / ed. Christopher Rowe and Malcolm Schofield. Cambridge, 2000. P. 101-111. Эти пассажи представляют греческую, а не собственно афинскую политическую мысль. Д. Кэген (Kagan D. The Great Dialogue: The History of Greek Political Thought from Homer to Polybius. N.Y., 1965. P. 66) обсуждает конституционный спор в том, что касается афинской демократической мысли, но использует другие пассажи Геродота, представляющие греческую, а не афинскую политическую мысль.

[111] См.: Raaflaub K.A. Herodotus, Political Thought and Meaning of History // Arethusa, 1987. Vol. 20. P. 221-48; Thomson N. Herodotus and the Origins of the Political Community. New Haven, 1996; Lateiner D. The Historical Method of Herodotus. Toronto, 1989. P. 163-186.

[112] Jacoby F. Herodotos // RE 1913. Suppl. 2. S. 237-238, 413. / Переизд. Criechische Historiker Stutt., 1956. S. 7-164; idem. The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxf. 1949. P. 152-158.

руководствуются позитивистским подходом к истории и к анализу источников.

Правда, и сам Ф. Якоби признавал, что хотя Геродот принял версию Алкмеонидов о тирании Писистратидов, но он сохранил некоторый материал, который может быть использован для реконструкции общего мнения афинян. На этом основании некоторые исследователи отмечают, что важность аристократической традиции для повествования Геродота была значительно преувеличена, и считают, что не так много есть признаков, свидетельствующих о том, что Геродот широко использовал аристократическую или семейную традицию[113]. Была высказана также точка зрения о том, что информация Геродота о становлении тирании Писистратидов в Афинах могла быть почерпнута из алкмеонидовской традиции, а сообщение о ее падении происходило из традиции, враждебной Алкмеонидам[114].

Наконец, мнение Ф. Якоби окончательно было опровергнуто Р.Томас. Она обратилась к исследованию устной традиции в архаический и классический период и пришла к заключению, что «История» Геродота и, в частности, его мнение об освобождении Афин от господства Писистратидов отражает широкое разнообразие сведений, включая популярные или полисные традиции также как и семейные. Р. Томас подчеркивает, что некоторые сведения Геродота явно не благоприятные для Алкмеонидов, поэтому она полагает, что Геродот руководствовался сообщениями, почерпнутыми не из рода Алкмеонидов, а основанными на полисных традициях[115].

---

[113] Murray O. Herodotus and Oral History //Achaemenid History, 1987. Vol. 2: The Greek Sources ed. H.W.A. Sancisi-Weerdenburg and A. Kuhrt. Leiden. 1987. P. 93-115.

[114] Lavelle B.M. The Sorrow and the Pity. A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids. C. 560-510. B.C. Stuttg., 1993. P. 87-101.

[115] Thomas R. Oral Tradition and Written Record in Classical Athens. Cambr. , 1989. P. 238-282. Следует отметить, что ученые уже и ранее подвергали

Пересмотр Р. Томас господствовавшего взгляда на происхождение версий Геродота, касающихся афинской истории, открыл путь для новой оценки геродотовского повествования, позволяющей говорить о нем как об источнике полисных преданий или распространенных собственно афинских мнений об их истории, происхождении и природе их политической системы. Характеризуя эти предания, Р. Томас отличает сложный способ их формирования. Она полагает, что они создавались как полисными институтами (народным собранием, советом и гелиэей), так и слухами, рассказами, которые передавали сами афиняне[116]. Так как эти полисные предания распространялись устно, они были сформулированы с учетом мнений той части афинских граждан, которые их распространяли. Поэтому от этих афинских граждан V в. до Р.Х. Геродот и мог узнать об этих мнениях и самих полисных преданиях. Среди них могли быть, несомненно, и аристократические семейные традиции[117].

Исследование устной традиции, сохранившей мысли и идеи, имеющие отношение непосредственно к афинской демократической идеологии, побуждало ученых обратиться к языку Геродота и к тем языковым средствам, которыми он пользовался. Правильность такого пути

сомнению точку зрения Якоби о том, что Геродот воспринимал алкмеонидовские предания некритически. См. Strasburger H. Herodot und das perikleische Athen // Historia. 1955. Bd. 4. S. 1-25; Fornara C.W. Herodotus: An Interpretative Essay. Oxford, 1971. P. 51-58; Hart J. Herodotus and Greek history. London, 1982. P. 1-24; Develin R. Herodotus and Alkmeonids // The Craft of the Ancient Historian / ed. J.W. Eadie and J. Ober. Lanham. 1985. P. 125-139. Но в данном случае можно согласиться и с мнением И.Е. Сурикова о том, что сведения антиалкмеонидовского характера могли быть почерпнуты Геродотом от его информаторов из рода Филаидов.

[116] Thomas R. Op. cit. P. 197-206.

[117] Vansina J. Oral Tradition as History. Madison, 1985. P. 114-123; Murray O. Op. cit. P. 100-101. К этому см. Kurke L. Coins, Bodies, Games and Gold: The Politics of Meaning in Archaic Greece. Princeton, 1992. P. 333.

подтверждается знаменитой стихотворной фразой выдающегося русского поэта А. Фета:

«Язык есть исповедь народа
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной».

Именно такое исследование и предприняла Сара Форсдайк[118]. Она считает, что ключевым термином в афинском понимании демократической идеологии является глагол &♋♦♏❖♍♏♓■, который не только использовал Геродот, но он получил широкое распространение в афинских драматических и исторических текстах. Это слово употребляли афиняне для того, чтобы описать господство тирании над народом и связанную с этим слабость тех обществ, в которых правят тираны, в противоположность силе свободных гражданских обществ в условиях демократической системы.

Уже в самом начале своей «Истории», как показывает автор[119], Геродот, рассказывая о царе Крезе, использует различные языковые средства, чтобы передать состояние афинского полиса накануне прихода к власти Писистрата и после установления в Афинах тирании (Hdt.I.59.3-I.64.3). С помощью причастия ♎♓♏♦◘♋♦❍♏❖■◘■ от глагола ♎♓♋♦◘♋❖♦ Геродот характеризует ослабленное разрываемое борющимися за власть группировками состояние Афин. В эту борьбу включился и Писистрат, объединив своих сторонников. Геродот указывает на неспособность афинян опереться на их коллективную силу с тем, чтобы противостоять Писистрату. Общее положение, сложившееся в это время в Аттике, Геродот характеризует глаголом, имеющим вполне конкретную коннотацию ♦♦♋♦♓♋❖⌘♏♓■, то есть восставать, бунтовать (Hdt.I.53.3). В дополнение к этому глаголу, с помощью которого Геродот

[118] Forsdyke S. Athenian Democratic Ideology and Herodotus' Histories // American Journal of Philology. 2001. Vol. 122. №3. P. 329-358.
[119] Forsdyke S. Op. cit. P. 332ff.

описывает применение Писистратом принуждения и насилия, он несколько раз обращается и к глаголу &♋♦♏❖♍◆ для того, чтобы показать контраст между слабостью афинского народа под властью тирании (I.59.1 и I.65.1) и силой афинского коллектива граждан в условиях демократии (V.78). Правда, Геродот, как отмечает С. Форсдайк[120], редко пользуется термином демократия (VI.43.3; VI.131.4), чаще он прибегает к понятиям, раскрывающим значение этого термина, например: ♓♐♦♒♑□❐♓❖♒ (равное право говорить); ♓♐♦□■□❍♓❖♒ (3.80.6; 3.141.3), т.е. равенство всех перед законом или такие парафразы как: □♋❖■♦♋… ♏♐▪ ❍♏❖□■ ♦◆♗ ♎❖♒❖❍◆ ♏☯❑♒&♏, то есть все … сделал достоянием народа (VI.161.3) и … ♏♐▪ ❍♏❖□■ ♦♒▭■ ♋♐❐♍♒▭■ ♦♓❑♏♓▪ ♓♐♦□■□❍♓❖♒■ ◆☺❍♓❖■ □❐□♋♑□❐♏◆❖◆ (III. 142.3), то есть … я передаю всю власть народу и провозглашаю свободу и равенство».

В качестве доказательства того, что афинская демократическая идеология создавалась на основе устной традиции, С. Форсдайк отмечает, что Геродот использовал «телескопический» эффект, заключающийся в сокращенном описании (♦◆■♦□❍♓❖♋), с одной стороны, и придании большей выразительности аристократическому или олигархическому правлению, с другой - в период между свержением власти Писистратидов и установлением демократии в 508-507гг. (Hdt. V.70-76)[121].

Анализируя сообщения Геродота, автор опирается на концепцию «телескопирования» прошлого, высказанную Р. Томас[122], и его идеологического упрощения для трактовки настоящего, выдвинутую Ж. Вансиной[123].

---

[120] Eadem. Op. cit. P. 333.
[121] Forsdyke S. Op. cit. P. 335.
[122] Thomas R. Op. cit. P. 126.
[123] Vansina J. Op. cit. P. 190-191.

Рассматривая греческий глагол &♋♦♏❖♍♏♓■ как ключевой термин афинской демократической идеологии, С. Форсдайк[124]обращается также к афинской драматической поэзии, ибо в ней также прослеживается связь между тиранией и гражданской слабостью, которые передает глагол &♋♦♏❖♍♏♓■.

Пассажи, отмечающие эту связь, как подчеркивает С. Форсдайк, находились в языковом обращении в Афинах и отражали сущность демократического правления и его позитивную оценку задолго до того, как Геродот создал свою «Историю». Поэтому ее характеристика в его сочинении – это не личный взгляд «отца истории», а передача мнения афинских граждан.

Для анализа автор использует пассажи из трагедии Эсхила «Персы». Пьеса была поставлена в Афинах в 472 г. Исследователи часто обращались к этой трагедии, обнаруживая в ней немало соответствий с геродотовской Историей. С. Форсдайк рассматривает сюжет, в котором Эсхил рассказывает о сне Атоссы - матери Ксеркса. Появившаяся на сцене Атосса, взволнованная и беспокоящаяся о судьбе сына, вторгшегося в Элладу, рассказывает сон, в котором появляются две женщины – сестры, одна из которых, одетая в греческое платье, жила в Элладе, другая – в персидской одежде и жила в Персии. Они вступили друг с другом в борьбу и Ксеркс, видя это, удерживает их (&♋♦♏♓♎♍♏) и, стремясь их примирить, впрягает в колесницу, стянув шеи ремнями. Одна из них, одетая в персидские одежды, вела себя величественно и была послушной в узде. Другая, одетая в греческое платье, всячески сопротивляясь, стремилась вырваться из упряжки и, сильно потянув руками, разорвала ее пополам (Aeschil. Persae, 176-196).

В то время как сон предсказывал плачевную судьбу Ксерксу, потерпевшему поражение в Элладе, в образах двух женщин, как отмечает

[124] Forsdyke S. Op. cit. P. 336ff.

С. Форсдайк[125], Эсхил изобразил два типа характеров. Слабовольной варварской женщине, безропотно принявшей упряжку, он противопоставил греческую женщину с сильным характером, сопротивлявшуюся подчинению самым энергичным способом. Хотя Атосса не упоминает имени Афин и в контексте речь идет о греках, тем не менее все ее внимание обращено к Афинам и афинянам, олицетворявшим в ее глазах всех тех греков, которые активно сражались против персов (Aeschil. Persae, 239ff).

Одной из главных тем пьесы является контраст между персидской монархией и афинской демократией. В данном случае С. Форсдайк опирается на идеи, уже ранее высказанные С. Голдхиллом и Эдит Холл[126].

Сравнивая словесные выражения у Геродота и те, которыми Эсхил наделил Атоссу, С. Форсдайк[127]совершенно правильно указывает на сходство между ними. Это проявляется в пассаже, где спартанцы, сожалея

---

[125] Forsdyke S. Op. cit. P.337.

[126] Эдит Холл (Hall Ed. Aeschylus Persians. Warminster, 1996. P. 12-13) отмечает, что пьеса посвящена прославлению афинской демократической системы с ее крепким ядром граждан – гребцов и подчеркивает, что персы были лишены тех качеств, которыми были наделены афиняне благодаря их демократическому строю, а именно: свободой слова, отсутствием иерархического регламента, ответственностью магистратов в условиях демократии, приоритетом частного права, защищавшего индивидуумов с помощью законов. Используя термин ◆☺◘♏◆❖❑◆■◘▪ (т.е. подотчетный, ответственный), Э. Холл указывает на контраст между безответственностью и произволом персидских царей и ответственностью афинских должностных лиц (ср. Hdt. III.80). Она считает, что Эсхил прославлял такие ценности афинской демократии как ответственность должностных лиц перед гражданами и перед законом, независимость и свободу слова (Aeschylus Persae. 213; 402-405; 592-593). С. Голдхил (Goldhill S. Battle Narrative and Politics in Aeschilus'Persians // JHS. 1988. Vol. 108. P. 189-193), приводя сходные мысли, также дополняет свои выводы тем фактом, что нигде в пьесе, где речь идет об Афинах, не высказывается мысль о необходимости подчинения индивидуума коллективу, что не являлось основополагающим фактом афинской демократической идеологии V в. до Р.Х.

[127] Forsdyke S. Op. cit. P. 334f.

о том, что освободили Афины от тирании, просили союзников помочь им вернуть в город Гиппия (Hdt. V. 91.2). Безусловно, спартанцы, высказывая имперские цели, утверждали, что поступили неправильно, освободив и изгнав Писистратидов, обещавших держать Афины в повиновении (…♋♐■♋♎♏&□○♏❖■□◆▪ ◆☺□□♍♏♓❒♓❖♋▪ □♋❒♏❖☒♏♓■ ♦♋▭▭▪ ☞✌❑♒❖■♋▪), передали город во власть неблагодарному народу (…♎♒❖○⬧❻ ♋♐♍♋❒♓❖⬧♦⬧❻ □♋❒♏♎⬧❖&♋○♏■ ♦♒▭■ □□❖●♓■). Спартанцы, как сообщает Геродот, поняли, что аттический народ, став свободным, сравняется с ними могуществом; (V. 91.1 … &♋♓❖ ♦□◆▭▪ ☞✌❑♒■♋♓❖□◆▪ ⬧❀❒⬧■ ♋◆♐☒□○♏❖■□◆▪ &♋♓▭ □◆♐♎♋○⬧▫▪ ♏♐♦♓❖○□◆▪ □♏♓❖❑♏⬧❑♋♓ ⬧♐♓❖⬧♓, ■□❖⬧❻ ●♋♌□❖■♦♏▪ ⬧❖▪ ♏♐●♏◆❖❑♏❒□■ ○♏▭■ ♏♐□▭■ ♦□▭ ♑♏❖■□▪ ♦□▭ ☞✌♦♦♓&□▭■ ♓♐⬧□❖❒❒□□□□■ ♦⬧▫❻ ♏☺⬧ ◆♦⬧▫■ ♋☯■ ♑♓❖■□♓♦□). При господстве же тиранов, думали они, афиняне останутся слабыми и готовыми к подчинению (…&♋♦♏♍□❖○♏■□■ ♎♓▭ ◆☺□□▭ ♦◆❒♋■■♓❖♎□▪ ♋⬧❑♏■♏▭▪ &♋♓▭ □♏♓ ❑♋❒♍♏❖♏⬧❑♋♓ ♏❀♦□♓○□■).

Концепцию афинской демократической идеологии и ее языковое выражение С. Форсдайк[128] находит также в трагедии Еврипида «Просительницы» (406-408), где подчеркивается большая важность ежегодной сменяемости власти, чем предоставление ее по достоинствам и заслугам («♎♒▫○□▪ …♋♐■♋❖⬧♏♓ ♎♓♋♎□♍♋♓▫⬧♓■ ♏♐■ ○♏❖❒♏♓ ♏♐■♓♋◆⬧♓♋♓⬧♓■, □◆♐♍♓▭ ♦⬧▫❻ □●□◆❖ ♦⬧❻ ♎♓♎□◆▭▭▪ ♦□▭ □●♏♓▫⬧♦□■, ♋♐♐●●♋▭ ♍⬧❖ □♏❖■♒▪ ♏☯♍⬧■ ♓☯⬧□■», то есть демос правит с помощью ежегодной ротации должностных лиц и не дает большей доли власти

[128] Eadem. Op. cit. P. 335.

богатому человеку, но даже бедный получает равное участие в управлении»).

Рассматривая положительные стороны афинской демократической идеологии, благодаря которой демократический строй способствовал укреплению силы и могущества гражданского коллектива и в целом афинского государства, С. Форсдайк[129] обнаруживает и ее недостатки, способные привести демократию к трансформации ее в тиранию. Главным недостатком она считает демагогию. И поэтому в той положительной характеристике, данной Фукидидом Периклу, которая завершается своеобразной формулой, описывающей власть Перикла над афинским народом (Thuc. II.65.8-9): «… &♋♦♏♓♍♏ ♒▭ ♋◆♐♦□▭▪ ♒♐♑♏■ …♏♐♑♓❖♑■♏♦□❖ ♦♏ ●□❖♑⬩❻ ❍♏■ ♎♒❍□&❒♋♦♓❖❖♋, ♏☯❒♑⬩❻ ♎♏▭ ◆☺□□▭ ♦□□◆🕯 □❒⬩❖♦□◆ ♋♐■♎❒□▭▪ ♋❒♍♒❖», т.е Перикл управлял гражданами, не ограничивая их свободы и не столько поддавался настроениям народной массы, сколько сам руководил народом… По названию это было правление народа, а на деле власть первого гражданина»), греческий историк, как считает автор, уже видел скрытый недостаток демократического правления (ср. Thuc. II.65.10-11).

Еврипид, как отмечает С. Форсдайк[130] в «Просительницах», также использует глагол &♋♦♏❖♍♏♓■ в критике демократии – фиванским вестником, указывающим на то, что лучшие граждане страдают, видя, что худший человек приобретает славу посредством «сдерживания народа силой своего языка» (♑●⬩🕯♦♦♒❻❻ &♋♦♋♦♍⬩▭■ ♎♒❖❍□■) (Eurip. Suppl. 423). Таким образом, Геродот, Фукидид и Еврипид, как замечает С. Форсдайк[131], свидетельствуют, используя глагол &♋♦♏❖♍♏♓■, о том, что демократия может превратиться в

[129] Forsdyke S. Op. cit. P. 338f.
[130] Forsdyke S. Op. cit. P. 339.
[131] Eadem. Op. cit.

тиранию, если худшие люди становятся демагогами над народом. Для доказательства убедительности своего вывода, автор приводит подтверждение также из медицинского трактата Гиппократа «Воздух, Воды и местности» (16. 3-7). С. Форсдайк не отрицает того, что Геродот и Гиппократ употребляли разную терминологию, что могло быть обусловлено разными целями писателей. Но автор совершенно права, считая, что мысль Гиппократа о том, что люди, не подвластные никакому господину, но независимые и работающие сами на себя, являются наиболее успешными во всех делах, несомненно, близка тем идеям, которые высказывают афинские авторы. Имперский статус Афин в середине V в. делал вероятным, что афинская демократическая идеология была широко известна и оказывала влияние как на афинских авторов, так и на других греческих писателей и мыслителей.

Это позволяет С. Форсдайк[132] говорить также о влиянии афинской демократической идеологии и на неафинские повествования Геродота. В связи с этим автор дает развернутую и обстоятельную интерпретацию беседы между Демаратом, изгнанным спартанским царем, и Ксерксом, отмечая тесную структурную и тематическую связь этого сюжета с трагедией Эсхила «Персы» и обнаруживая афинское влияние на формулировку этой темы. Автор подчеркивает, что Демарат в трактовке Геродота предстает как типичный спартанский царь. Вместе с тем его характеристика греков в целом и замечания о связи между политической свободой и гражданской слой происходят из афинской демократической идеологии.

Беседа между Демаратом и Ксерксом состоялась накануне похода Ксеркса против Эллады. Геродот использует этот сюжет, так же как беседу между Крезом и Салоном (Hdt. I. 202), для сравнительной характеристики этико-культурных и политических ценностей эллинского и варварского

[132] Forsdyke S. Op. cit. P. 341.

обществ. Но если в первой беседе Геродота интересовали, прежде всего, этико-философские вопросы, то в беседе между Демаратом и Ксерксом он основной акцент делает на рассмотрении военно-политических проблем.

Рассказ о встрече Демарата с Ксерксом Геродот начинает на фоне описания численности персидского войска (ср. Hdt. VII. 61-100 и VII.101). С. Форсдайк[133] указывает на сходство описаний персидской армии у Геродота и Эсхила (ср. Aeschil. Persae. 16ff). И у Геродота, и у Эсхила, описание численности войск с той и другой стороны используется для контраста. И Ксеркс в беседе с Демаратом, и Атосса в беседе с хором персидских старцев убеждены, что военную проблему можно решить только с помощью численного превосходства воинов (ср. Hdt. VII.101.3 и Aeschil. Persae, 235; 334-336).

Аудитория Геродота и Эсхила прекрасно знала, что греки в количественном отношении значительно уступали персам. Поэтому С. Форсдайк подчеркивает, что для обоих авторов это служило важнейшим подтверждением того, что победа меньшего числа греческих воинов над значительно превосходящими силами персом была достигнута благодаря политической свободе и силе гражданского коллектива, что и составляло главную ценность афинской демократической идеологии.

В отличие от греческого общества страх говорить свободно – это черта тиранического правления. Геродот подчеркивает это, отмечая, что Демарат в начале разговора спрашивает у Ксеркса, должен ли он говорить правдиво или в той манере, которая будет ему приятна.

Эта же тема, как отмечает С. Форсдайк[134], звучит и в «Персах» Эсхила, где сначала хор выражает беспокойство, что после разгрома персов подвластные народы перестанут бояться персов и будут способны думать и говорить свободно (Persae, 591-597). Затем, когда появляется

[133] Forsdyke S. Op. cit. P. 342f.
[134] Eadem. Op. cit. P. 344f.

привидение Дария, хор и Атосса, будучи поражены страхом, боятся сказать ему правду о поражении (Persae, 694-706). Первый и важный вывод, который вытекает из соответствующих сюжетов, описываемых Геродотом и Эсхилом, как отмечает С. Форсдайк [135], заключается в том, что, согласно «отцу истории», деспотизму присуще рабство, в то время как для демократических режимов характерна политическая свобода. Следующий вывод, который С. Форсдайк[136] делает на основе интерпретации геродотовского сюжета о беседе между Демаратом и Ксерксом, связан с понятиями умеренной бедности эллинов и роскошного богатства персов, вызванные не столько особенностями социально политических режимов, но прежде всего географическими и климатическими условиями жизни этих народов. На это указывают Геродот (IX. 122.3) и Гиппократ в упомянутом трактате (16, 24), согласно которым в землях неплодородных и с достаточно суровым климатом, живут люди умеренного достатка, но мужественные и сильные. К этим территориям относится и Греция. В землях же плодородных и с мягким климатом люди живут в роскоши, но являются слабыми, угнетенными. К такого рода территориям относилась большая часть Азии. Поэтому Геродот и Эсхил, описывая персидское войско (ср. Hdt. VII. 83.2 и Aeschil. Persae, 45, 53, 80), отмечают, что оно отличалось обилием золотых украшений в противоположность эллинским воинам, но у Геродота, как отмечает автор, скромность и мужество эллинов чаще всего ассоциируется с их политической системой, что, по ее мнению, обусловлено влиянием на историка афинской демократической идеологии. Поэтому Геродот, говоря о греках вообще, имел в виду афинян и их демократические ценности. Еще один вывод, который С. Форсдайк формулирует, интерпретируя текст

[135] Forsdyke S. Op. cit. P. 345f.
[136] Eadem. Op. cit. P. 346.

беседы Демарата и Ксеркса, касается роли закона (■□❖❍□▪)[137]. Однако в этом случае Геродот с учетом предстоящего описания Фермопильского сражения говорит также о спартанской идеологии, элементы которой раскрывает Демарат. Его устами Геродот подчеркивает, что для спартанцев их закон был более страшным деспотом, чем царь для персов. Этот закон приравнивался у спартанцев к ненаписанному обычаю, нарушать который не позволял стыд и страх (ср. Hdt. VII. 231-232; IX.71).

В связи с этим едва ли правильно думать, как это делает С. Форсдайк и другие исследователи, что и эта часть геродотовского сюжета составлена под влиянием афинской демократической идеологии[138]. Скорее всего Геродот противопоставляет две формы полисного устройства – спартанскую и афинскую персидскому деспотическому режиму.

Завершая свой детальный анализ содержания афинской демократической идеологии, С. Форсдайк считает, что важнейшие ценности афинской демократии и, в частности, связь между политической системой и силой гражданского коллектива и афинского государства в целом окончательно оформились только после победы в Греко-персидских войнах. Начало же ее формирования автор относит к тому времени, когда Афины после демократических реформ 508-507 гг. одержали первые победы над беотийцами и халкидянами[139].

* * *

* *

Как уже было отмечено, в связи с возникновением французской исторической школы «Анналов» и открытием метода «интерпретирующей истории» интерес к Геродоту с конца XX - вначале XXI вв. стал особенно возрастать, и поскольку его вклад в изучение историко-культурологических и антропологических проблем античного прошлого

[137] Eadem.Op. cit. P. 349f.
[138] Forsdyke S. Op. cit. P. 349f.
[139] Eadem. Op. cit. P. 354.

остается преобладающим и вместе с тем носит в себе немало загадок, эти проблемы особенно волнуют исследователей. Обзор современных мнений, касающихся Геродота, свидетельствует об их многообразии, противоречивости и порой взаимоисключительности. Можно выделить три наиболее распространенных взгляда, предлагаемых исследователями. Из них имя М. Бернала менее всего известно в отечественной науке. Его первый том из четырехтомного сочинения «Черная Афина» вызвал, может быть большую полемику, чем какая-либо другая работа конца XX в.[140]

Бернал доказывает, что античная модель, по существу левантийского (восточного) происхождения Древней Греции была отвергнута и заменена арийской моделью в XIX-XX вв. расистскими и антисемитскими европейскими историками. Они стали доказывать, что классическая греческая культура изначально появилась с Северо-востока, а не с Юго-запада. Бернал предлагает вернуться к отвергнутой версии античной модели, от которой отказались, как он считает, по чисто внешним причинам. Он доверяет Геродоту в высшей степени, считая, что даже спорное название «Черная Афина» для указанной книги было инспирировано геродотовским описанием египтян[141].

Бернал, предлагая собственное прочтение Геродота, настаивает на том, что оно тщательно выверено и наиболее точное[142].

---

[140] Bernal M. Black Athena: The Afro-asiatic Roots of Classical Civilization. Vol. I.: The Fabrication of Ancient Greece 1785-1985. New Brunswick, N. J., 1991. К этому см. Hall Edit. Wen is a Myth Not a Myth // Arethusa. 1992. Vol. 25. P. 181-202; Thompson N. Herodotus and the Origins of the Political Community. Lond., 1996. P. 113ff.

[141] Bernal M. Black Athena. Vol. I. Fabrication of Ancient Greece…2, 53.

[142] Критическое отношение к концепции Бернала высказали многие ученые: Lefkowitz Mary. Not Out of Africa // The New Republic. Feb. 10, 1992. P. 29-36; Green Tamara M. Black Athena and Classical Historiography: Other Approaches, Other Views // Arethusa: Challenge of “Black Athena” Special Issue (Fall. 1989). P. 55-65; Snowden Fr.M.Jr. Bernal’s Blacks’ Herodotus and Other Classical Evidence // Arethusa: Challenge of «Black Athena Special Issue (Fall 1989). P. 83-95; Levine M.M. Review of «Black

Многие исследователи называли М. Бернала шарлатаном, высказывания которого не заслуживают серьезного внимания. Однако Н. Томпсон[143] правильно отмечает, что работа Бернала получила широкое распространение и его заявления часто некритически используются и цитируются неискушенными читателями и авторами. Поэтому необходимо серьезно проанализировать его взгляды и выводы равно как его ссылки на Геродота даже не ради уточнения современных научных концепций, а скорее в целях поддержания и защиты важных этико-политических ценностей общества. Бернал не отрицает наличия фантастических элементов в повествованиях Геродота, однако считает, что из них можно вычленить фактическую основу[144].

На примере анализа сообщений Геродота о военных походах Сесостриса и основания им колонии в Колхиде (Hdt. II. 102-104), а также плаваний финикийцев вокруг Африки (IV. 42-43), Бернал отвергает принятый в науке взгляд, согласно которому компилятивный образ египетского фараона Сесостриса превратился в мифологическую фигуру, которая к истине имеет меньшее отношение, чем мифологический Александр Великий к реальному Александру[145].

Тем не менее, Бернал считает, что образ Сесостриса ближе к объективной истине, чем арийская, т.е. расистская и антисемитская модель историков XIX –XX вв. Поэтому Бернал утверждает, что у колхов, жителей Колхиды, была вполне оправданной уверенность в том, что их страна основана египетским фараоном Сесострисом. Он отмечает, что

Athena»: The Afro-asiatic Roots of Classical Civilization. Vol. I: The Fabrication of Ancient Greece, 1785-1985 by M. Bernal // American Historical Review April. 1992. P. 440-460; Thompson N. Op. cit. P. 114.

[143] Thompson N. Op. cit. P. 114, п.5.

[144] Bernal M. «Black Athena». Vol. II. Archaeological and Documentary Evidence. New Brunswick, N. J., 1991. P. 202.

[145] Bernal M. «Black Athena». Vol. II. Archaeological and Documentary Evidence. P. 236; 256. ср. How W.W. and Wells J. A Commentary on Herodotus'. Vol. I, Oxf, 1979. P. 318.

даже если традиция сама по себе может быть и ошибочной, то культовые параллели у колхов и египтян и появление в Колхиде африканского населения дают более правдивое объяснение[146].

Бернал подчеркивает, что его менее всего интересует проблема ошибочности или правильности интерпретации Геродота, он опирается на факты, в которые сам Геродот верил (Hdt. II. 104). Основной вывод Бернала заключается в том, что он находит больше объективности у древних греков с их противоположными мнениями, чем у «прямодушных классицистов XIX-XX вв.»[147].

Критики Бернала утверждают, что его прочтение и объяснение геродотовских текстов, опирающееся на главный постулат, заключающийся в том, что если сам историк заявляет, что он доверяет тем фактам, которые приводит, то они не нуждаются в доказательстве, отражает давно устаревший подход к изучению «Истории» Геродота, равно как и вообще к античной литературной традиции. Бернал вырывает и абсолютизирует отдельные фрагменты геродотовского египетского логоса и поэтому не признает и не считается с текстуальными трудностями и противоречиями.

Замечания Бернала о египетском влиянии на греков основываются в основном на заявлении Геродота о том, что почти все имена богов принесены в Грецию из Египта (II. 50), а также многие обычаи эллины позаимствовали у египтян (II. 51). Это мнение Геродота вследствие его противоречивости создает серьезные трудности для интерпретации. Однако Бернал это не принимает во внимание, утверждая, что классические и эллинистические греки сами заявляли, что большую часть обычаев позаимствовали у египтян и финикийцев[148]. Между тем Геродот

---

[146] Bernal M. «Black Athena». Vol. II. P. 256.
[147] Idem. Black Athena and the APA //Aretusa: Challenge of Black Athena special issue (Fall. 1989). P. 17-37 (особ. P. 24).
[148] Bernal M. Op.cit. Vol. I. P. 72, 379.

уже в начале второй книги (II. 3) утверждает, что «все люди о богах знают одинаково мало». Что же касается имен богов, которые якобы принесены в Элладу из Египта, то и здесь у Геродота встречается противоречие. Так, согласно «Отцу истории», верховный бог у египтян назывался не Зевсом, а Амоном (II. 42). Посейдон, Гера, Фемида и другие боги были не известны египтянам (II. 50). Если в одном месте Геродот говорит о том, что многие обычаи эллины позаимствовали у египтян, то в другом (II. 91) историк подчеркивает, что эллинские обычаи египтяне избегают заимствовать и вообще они не желали перенимать никаких обычаев ни от какого народа. Кроме того, Геродот говорит, что обычаи египтян уникальны и другие народы их не повторяют (II. 33-38). Не признавая всего этого, вывод Бернала о том, что все критики Геродота устроили заговор с тем, чтобы скрыть любую информацию о доверии к египтянам, является в высшей степени неправдоподобным[149].

Давая одностороннюю оценку замечанию Геродота, что греческие обычаи принесены в Элладу из Азии, и в частности, из Египта, Бернал не придает значение геродотовской сравнительной характеристике египетских и эллинских обычаев, которая явно не в пользу египтян (II. 35-38). Не учитывает он также важное замечание Геродота о том, что египтяне всегда придерживались только своих местных обычаев и в этом они походили на скифов, описанных историком в четвертой книге. Это позволяет Геродоту и египтян относить к варварам (II. 50). В отличие от египтян эллины, способные заимствовать чужеземные обычаи и адаптировать их к своим условиям, в понимании Геродота были цивилизованным народом, и это дало им возможность разрушить могущество персов. Египет в отличие от Эллады оказался завоеван персидским царем Камбисом.

[149] Thompson N. Op. cit. P. 118.

Поэтому проблема, заключающаяся в том, насколько тот или иной народ способен или не способен воспринимать и адаптировать обычаи, позаимствованные от других народов, является, как совершенно справедливо указывают исследователи[150], одной из главных в «Истории» Геродота. Для него тот народ, который открыт к восприятию чужеземной мудрости, более цивилизован и стоит на высшей ступени развития, чем народы, отличавшиеся своей закрытостью.

В связи с этим, как отмечает Н. Томпсон[151], Геродот строит некую симметрию, где Египет и Скифия занимают крайние позиции, Грецию он помещает в центре, египетские и скифские обычаи являются крайними, исключительными и вместе с тем ограниченными, греческие же обычаи умеренными и открытыми. В этом смысле особенно важным является замечание Геродота о том, что влияние греческих обычаев благотворно сказывалось на культуре тех народов, которые оказывались в контакте с эллинами (II. 104).

Итак, Бернал, избегая историографического анализа геродотовской «Истории», подрывает свою собственную безосновательно называемую этической работу. Он утверждает, что «хочет показать, что его схема, предложенная в «Черной Афине», лучше с этических оснований и что она более подходит для общих гуманитарных предпочтений, чем схема «расистской модели»[152]. Но его претензии на этический характер его выводов не получают поддержки потому, что они основаны на вульгарном искажении Геродота[153]. Его «политическая цель уменьшить европейское

[150] Thompson N. Op. cit. P. 118; Lateiner D. The Historical Method of Herodotus / Toronto, 1989. P. 151.
[151] Thompson N. Op. cit. P. 119f.
[152] Thompson N. Op. cit. P. 120.
[153] Ibidem.

культурное высокомерие» не находит поддержки в «Истории» Геродота и потому она скорее свидетельствует о его собственном высокомерии[154].

Наибольшую известность получила книга французского исследователя Фр. Артога «Зеркало Геродота»[155], в которой труд «отца истории» рассматривается в качестве свидетельства о том, как греки представляли и воспринимали окружавший их реальный мир других стран и народов. Французский историк отмечает, что описание истории и культуры других народов у Геродота не является самоцелью. Оно необходимо «отцу истории» для более точного понимания истории и культуры самих греков. Для раскрытия своей концепции Артог использует четвертую книгу «Истории» Геродота, посвященную описанию Скифии.

В отличие от Бернала он не выбирает из контекста и не абсолютизирует отдельные детали скифского логоса Геродота, но рассматривает и анализирует его как целостную историко-литературную структуру[156]. Терминология и подход Артога свидетельствуют о том, что он был тесно связан с так называемым движением «Нового историцизма», которое предусматривает открытие новых способов изучения истории и нового осознания взаимосвязи истории и культуры[157]. Вместе с тем концепция Фр. Артога, как справедливо отмечает Н. Томпсон, оказавшись под сильным влиянием теории «Нового историцизма», обнаруживает

---

[154] Thompson N. Op. cit. P. 121.

[155] Hartog Fr. Mirror of Herodotus: The Representation of the Other in the Writing of History / Transl. By J. Leoyd: Hartog F. Le miroir d'He❖rodote: Essai sur la repre❖santation de l'outre. P. 1980 (Berkel., 1988). См. также упомянутое выше новое издание книги Ф.Артога (Hartog F. Le miroir d'Herodote: del'epope❖e a❖❖l'histoire. Paris, 2001.

[156] Hartog Fr. Op. cit. P. 8, 10. К этому см. Thompson N. Op. cit. P. 121.

[157] Возникновение в 30-40 гг. XX в. одного из социально-философских теорий историцизма было связано со стремлением преодолеть позитивистский историзм. Об этом см. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. I. Чары Платона. С. 29-38сл. О движении «Нового историцизма» см. Veeser H. Aram (ed.). The New Historicism. N. J. 1989. P. XI ff. К этому см. также Thompson N. Op. cit. P. 122.

признаки нерешительности, удерживающей автора от смелых выводов, которые его исследование могло бы подтвердить. В отличие от Бернала Артог не принимает все суждения Геродота за чистую монету и старается определить степень достоверности геродотовского описания.

Примером анализа геродотовского текста, предпринятого Артогом, является его обращение к проблеме конфронтации Дария со скифами. Эта тема особенно привлекла внимание исследователя, так как он обнаруживает в сообщении Геродота два условия: во-первых, искусство Геродота в соотнесении «constraints» (т.е. принуждений) своего собственного рассказа с «shared knowledge» (т.е. выделенным знанием его греческой аудитории); во-вторых, в «Истории» Геродота эта тема предстает как модель для понимания или предварительного рассмотрения Персидской войны[158].

Однако, если скифско-персидская конфронтация должна была предвосхитить Греко-персидские войны, то необходимо было, чтобы скифы одержали победу над армией Дария. Но для греков скифы были такими же варварами, как и персы, и они не склонны были поверить в их победу, имея представление о могуществе персидской державы. Поэтому Геродот, как отмечает Артог, описывая скифское собрание царей, использует ту же терминологию, что и при описании собрания греков перед Саламином (Hdt. IV.118-119, ср. VIII.59-64)[159]. Но греки знали, что скифы были кочевниками, в то время, как считает Артог, для эллинов и в частности афинян, учитывая их представление о скифах, было бы недостаточно описания собрания скифских царей и собрания эллинов в сходных выражениях. Вследствие этого, как подчеркивает французский исследователь, Геродот, характеризуя решение скифов не вступать в открытое сражение с персами, но осуществляя медленное отступление,

[158] Hartog Fr. Op. cit. P. 198, 56. К этому см. Thompson N. P. 122.
[159] Hartog Fr. Op. cit. P. 198, 202.

завлекать персов в глубь скифской территории и доведя их войско до полного истощения, рассматривает это как форму скифской хитрости, которую греки могли бы признать и посчитать правдоподобной (IV. 46, 120).

Итак, Артог подчеркивает, что Геродот находит в номадизме позитивную ценность. В его характеристике прослеживается важный и оригинальный культурологический вывод, раскрывающий взаимосвязь между географической средой и особенностями развития общества, в данном случае скифского. Кроме того, Геродот показывает, что номадизм послужил для скифов также стратегическим выбором, позволившим им успешно противостоять Дарию[160].

Интерпретация сюжета четвертой книги, предпринятая Фр. Артогом, дала ему возможность сделать вывод о том, что рассказ о скифско-персидском противостоянии – это эффективная литературно-историческая конструкция, характеризующаяся искусным сочетанием собственного мнения историка с тем знанием, которое было у его читателей. Эту конструкцию, по мнению Артога, Геродот использовал как модель для повествования о Греко-персидской войне в целом. На этом основании Артог считает, что «История» Геродота – это эффективный рассказ, опирающийся на выделенное знание, и в свою очередь становится выделенным знанием для последующих повествований. Поэтому он замечает, что «История» Геродота становится зеркалом, через которое последующие века рассматривают мир[161].

Как отмечают критики Ф. Артога, его анализ Геродота пересекается с современными дискуссиями о природе исторического повествования и Артог не дает явного ответа на вопрос, был ли Геродот «заинтересован в том, чтобы выяснить как можно более точно, что в действительности

[160] Hartog Fr. Op. cit. P. 356.
[161] Hartog Fr. Op. cit.

случилось, или он был только талантливым писателем и абстрактным мыслителем, использовавшим новую и трудную прозаическую риторику»[162]. Сам Артог избегает давать более четкие ответы на трудные вопросы: «Что есть в тексте Геродота такого, что делает его эффективным и исторически жизнеспособным? Как он этого добивается?». Артог подчеркивает: «Мы не начинаем опасный разговор о «влияниях» (influences), также как не выдвигаем опрометчивых суждений о «движениях» (movements outside) вне текста… Это вопрос, который я могу только поставить в настоящей работе»[163]. Н. Томпсон считает неоправданной позицию Артога вступать в дискуссию об идентичности греков, о геродотовском повествовании и текстуальных влияниях и затем избегать ответов на вопросы исторической важности[164].

Артог находит, что рассказ Геродота заключает в себе проблему власти и в связи с этим он утверждает, что для Геродота различие между греками и варварами – это различие в характере власти.

Норма Томпсон задается вопросом, почему Артог дает столь неполное и расплывчатое толкование того, что для Геродота являлось крайне важным, связанным с греческой идентификацией, греческим величием. Причину этого он видит в его связи с идеями новых историцистов, которые не принимают в расчет любое превосходящее моральное и научное значение исторического повествования, отвергнув это как часть эпохи позитивистской истории[165]. Поэтому, как отмечает Томпсон, Артог утверждает, что описывая мир эллинов и варваров,

---

[162] Dewald C. and Marincola J. A Selective Introduction to Herodotean Studies / Arethusa 20, 1 and 2 (Spring and Fall. 1987). P. 25. К этому см. Thompson N. Op. cit. P. 124; Haskell Th. L. Objectivity is Not Neutrality: Rhetoric vs. Practice in Peter Novick's That Noble Dream // History and Theory. 1990. Vol. 29. №2. P. 153.

[163] Hartog Fr. Op. cit. P. 360.

[164] Thompson N. Op. cit. P. 125.

[165] Thompson N. Op. cit. P. 125.

Геродот не мог действовать по-другому, чем воспользоваться риторическими методами и приемами, которые основаны на противопоставлении двух понятий «их» и «нас», «других» и «греков»[166]. В подтверждение своих слов Томпсон ссылается на утверждение Бернарда Бергонци, который, отмечая, что в то время как новый критицизм середины XX вв., безусловно, ушел слишком далеко в отделении литературной работы от социального контекста, новый историцизм может качнуть маятник в другом направлении так далеко, если это необходимо, чтобы дискредитировать прочную ценность какой-либо данной работы[167].

Поэтому Н. Томпсон отмечает, что нет ничего удивительного в том, что Артог, последовательно игнорируя моральные и научные требования «Истории» Геродота, в заключительной части своей работы приходит к парадоксальному выводу о том, что «хотя Геродот является «отцом истории», в действительности он не историк»[168]. Томпсон, напротив, утверждает, что Геродот настоящий историк, который не противопоставляет литературные интересы научным и, ссылаясь на О. Мюррея, соглашается с тем, что истина у Геродота – это единство эстетики, морали и самого факта[169].

Признав правильным это высказывание, Томпсон подтверждает его анализом эпизодов IV и VIII книг «Истории» Геродота, опровергающим интерпретацию, предложенную Артогом. Один из этих эпизодов касается выступления Дария против скифов и находится вне границ исторической памяти. Второй эпизод касается похода Ксеркса против эллинов и

---

[166] Hartog Fr. Op. cit. P. 366. Ср. Thompson N. ibid.

[167] Bergonzi B. Exploding English: Criticism, Theory, Culture. Oxf., 1991. P. 174-177.

[168] Hartog Fr. Op. cit. P. 37: «in the last analysis, (Herodotus') position may be summed up in the following paradox: even thought he is the father of history, he is not really a historian»

[169] Thompson N. Op. cit. P. 126. Ср. 126. ср. Murray O. Herodotus and oral History // Sancisi – Weerdenburg and Amelie Kuhrt, eds. Achemenid History II: The Greek Sources. Leiden, 1987. P. 107.

находится в памяти современников Геродота. Терминология Артога («выделенные знания» и «повествовательное принуждение автора») серьезно разделяет оба эти эпизода. Между тем Томпсон считает, что так называемое «повествовательное принуждение» делает эпизоды весьма сходными и по форме и по содержанию[170]. Артог своими суждениями ведет читателя к заключению, что первый эпизод, то есть выступление Дария против скифов является «вынужденным» и призван предсказать второй, а именно поход Ксеркса, но такой вывод, хотя и не высказанный в книге Артога, но вполне напрашивающийся как с научной, так и с исторической точки зрения, является ошибочным[171]. Геродотовская «История», как считает Томпсон, подтверждает главную мысль, что научная убедительность обоих эпизодов не должна быть принесена в жертву культурологической интерпретации, предполагающей их сравнительную эстетику, литературные особенности, а также моральное значение[172].

Поэтому, возражая Артогу, Томпсон утверждает, что связь между обоими эпизодами устанавливает историческую достоверность. Ведь Геродота как историка интересовало не само по себе («выделенное знание» (shared knowledge), но знание о том, что случилось. И неважно, касается ли это людоедов в отдаленной Скифии в давно прошедшие времена или афинян его времени. Он, будучи историком, всегда имел доступное ему «выделенное знание» большей или меньшей достоверности. Его он подвергал исследованию, синтезу и передавал своей аудитории.

Далее Томпсон анализирует первый геродотовский эпизод. Кульминацией рассказа о скифско-персидском конфликте в IV книге геродотовской «Истории» является сюжет о скифских дарах (птица, мышь, лягушка и 5 стрел), отправленных скифскими царями Дарию (Hdt. IV. 131).

[170] Thompson N. Op.cit. P. 126.
[171] Ibid.
[172] Ibid

Дарий не понял послания и старался истолковать его так, как считал удобным для себя[173]. Знатный перс Гобрий дал другую интерпретацию, которую Дарий затем и принял (IV. 132; 134). Автор совершенно правильно рассуждает[174], отмечая, что детали рассказа, безусловно, даны Геродотом, который мог получить сведения о них во время своих путешествий. Что же касается греков, то они имели представления о скифах, как о кочевом народе, что вытекает из описаний Геродота (IV. 46 и сл.). Грекам было также известно и о ненасытных стремлениях персидского царя к завоеваниям. Им не трудно было вообразить, что Дарий, несомненно, будет стремиться покорить народ, не имеющий укрепленных городов. Главной особенностью этого рассказа является его моральная сторона. В данном случае, как и в других разделах своей «Истории», Геродот учит читателя извлекать уроки из его рассказов. В этом эпизоде он показывает, почему не следует уподобляться персу.

Геродот дает портрет обреченного Великого царя персов, гордыню которого он будет подчеркивать во всех последующих случаях. Политический урок, который можно извлечь из его рассказа, заключается в том, что бегство Дария из Скифии есть только временная отсрочка его поражения и судьба, его подобная судьбе других Великих царей, предопределена. Этикополитическая ценность этого эпизода не заключается только в самопрославлении греков, но имеет более универсальный характер. Могущество развращает Персию и ничего не мешает грекам, в частности? афинянам, взглянуть и на самих себя, выполняющих роль персов для будущих поколений.

Также как в IV книге своей «Истории»? Геродот выбирает кульминационный момент описания для формулировки своей этико-

[173] Ведь и Крез в свое время истолковал оракул, полученный в Дельфах, так ему было выгодно.
[174] Thompson N. Op. cit. P. 127.

политической концепции, так и в VIII книге таким кульминационным моментом геродотовского повествования о противостоянии Ксеркса и эллинов является осознание Фемистоклом опасности, что пелопонесские союзники могут покинуть Саламин и отступить к Истму. В этой ситуации Фемистокл отправляет в лагерь персов вестника, который убеждает персов начать сражение в узком проливе (VIII. 74-75). Таким образом, как в IV книге хитрость скифов в конечном итоге доставила им победу, так и в VIII книге Геродот использует тот же прием, представив хитрость Фемистокла спасительным средством для греков. Геродот дает правдивое описание эллинов, представляя их сварливыми, эгоистичными, недальновидными, но при случае великодушными, способными объединить усилия для борьбы с врагами. Как в IV книге, где драматизация описания достигается правильной разгадкой скифского послания Дарию знатным персом Гобрием, так и в VIII книге Геродот создает драматическую ситуацию, рассказывая о появлении в стане эллинов Аристида, противника Фемистокла, едва сумевшего избежать персидского плена и перед лицом грозящей эллинам опасности со стороны во много раз превосходящего по численности персидского флота, чем греческий, примиряется с Фемистоклом и помогает ему убедить пелопоннесцев и других эллинов начать морское сражение в неудобном для персов узком проливе у Афин. Главный этико-политический урок, который? согласно Геродоту, читатель должен извлечь из его повествования, заключается в том, что превосходящее могущество персов оказывается не столь страшным и угрожающим грекам, для которых независимость, равенство и свобода составляют основу их образа жизни, противостоящего рабскому подчинению персов их деспоту Великому царю.

В отличие от Артога, характеризующего варваров и эллинов, используя противоположные местоимения «они» и «мы», за которыми недостаточно прослеживается реальный народ, Н. Томпсон считает, что

необходимо отметить, что в геродотовском повествовании греки, персы, египтяне и даже далеко живущие эфиопы и скифы вовсе не были плодом вымысла историка, но являются вполне реальными народами.

Итак, Геродот видел мир людей разделенным на эллинов и варваров и, объявляя своим намерением сохранить память о великих деяниях тех и других, он с одной стороны как бы уравновешивает их между собой. Но с другой – это позволило ему, воспользовавшись приемом противопоставления по принципу «они» и «мы», то есть другие, о чем как уже отмечалось выше, писал Артог, высказать свое суждение о том, как люди воспринимают собственные обычаи в их сравнении с обычаями других (III. 38). Он характеризует обычаи египтян, эллинов и индусов, так называемых каллатиев, возможно потомков древних дравидов и показывает отношение к обычаям персидских царей Камбиза и Дария. Камбиз, которого он называет великим безумцем, грубо нарушал и разрушал обычаи египтян. Дарий же цинично спрашивал эллинов, за какую цену они готовы нарушить их обычай захоронения предков; каллатиев он просил назвать цену, за которую они вместо съедения своих покойных родителей согласятся сжечь их на костре. Геродот оставляет право за читателями или слушателями подумать о том, какой из этих обычаев более цивилизован и какой народ достоин большего уважения. Он лишь подчеркивает, что соглашается с Пиндаром, когда тот говорит, что обычай – царь всего[175].

Вместе с тем Геродот различает три подхода в отношении к обычаю. Так? спартанцы, как уже об этом говорилось, и индусы каллатины должны были беспрекословно подчиняться своим обычаям и рассматривать их выше, чем закон.

Древние греки, в частности? афиняне скорее не подчинялись закону, но опирались на него. Поэтому для них закон и обычай не были

[175] Вместе с тем Геродот различает три подхода в отношении к обычаю.

синонимами. Что же касается персов, то у них царь считался законом и рядовые персы считались его рабами. Согласно Геродоту, в соответствии с этим законом, который был равен обычаю, царь был вправе делать все, что ему угодно. Поэтому этико-политический урок, который содержит рассмотренный материал, свидетельствует о том, что греки были свободны, независимы и равны перед законом. В этом и заключалась до конца классического периода их сила влияния.

Итак, попытки исследователей трактовать «Историю» Геродота с позиции «интерпретирующей истории» могут быть только тогда эффективными, когда ученые не будут противопоставлять выдвигаемое ими абстрактное этико-философское или культурно-антропологическое понимание исторической концепции Геродота его стремлениям предложить читателю собранные им подлинные исторические факты, достоверность которых проверена «отцом истории» в той степени, которую позволяла преобладающая в его время устная традиция и опирающаяся на нее историческая критика.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора…… 3

РАЗДЕЛ I. Родина исторической мысли и становление древнегреческой классической историографии. Геродот……. 12

Глава 1. Проблемы становления истории как науки в античности…….. 12

Глава 2. Гомеровский и послегомеровский эпос и его значение для становления раннегреческой историографии…….. 34

2.1. Гомеровский и циклический эпос……. 34

2.2. Дидактический эпос…… 47

Глава 3. Раннегреческая лирика и ее влияние на развитие исторической мысли в Древней Греции…… 66

3.1. Калин, Архилох, Семонид Аморгский и Тиртей……. 66

3.2. Солон и Феогнид…… 77

Глава 4. Возникновение раннегреческой историографии: логографы…….. 100

Глава 5. Геродот – отец истории…… 121

5.1. Биографические сведения о Геродоте «История» Геродота, ее композиция и стилистические особенности……. 121

5.2. Стилистические особенности труда Геродота. Источники и отношение к ним «отца истории»……. 133

5.3. Мировоззрение Геродота и его политические позиции……. 150

Глава 6. Геродот в оценке классической и эллинистическо-римской историографии…….. 175

Глава 7. Геродот и его «История» в оценке новой и новейшей историографии……. 203

7.1. Отношение к Геродоту и его «Истории» XIX–XX вв. …….. 203